

ОГОНЁК

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»





Мастера высокого урожая льна звеньевые И. А. Петухова (справа) и З. К. Волкова и знатный бригадир тракторной бригады Издешковской МТС П. А. Андреев во время уборки льна в колхозе имени Урицкого, Смоленской области.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: Стахановцы доменного цеха Кузнецкого металлургического комбината имени И. В. Сталина (слева направо): старший горновой Ф. Р. Попов, газовщик Б. Я. Топоровский, машинист вагонных весов И. А. Антропов, мастер Л. Г. Герасимов, старший горновой И. А. Новиков.

Фото Я. Рюмкина.

НАСУЩНАЯ ВСЕНАРОДНАЯ ЗАДАЧА

Советская страна уверенно и неуклонно идет по пути коммунизма. Под руководством Коммунистической партии создана всесторонне развитая тяжелая индустрия — могучий фундамент социалистической экономики. Теперь, при наличии такого фундамента, имеется возможность организовать крутой подъем всех отраслей легкой и пищевой промышленности, значительно расширить выпуск предметов народного потребления. Максимальное удовлетворение все возрастающих материальных и культурных потребностей нашего общества является основной целью и главной задачей социалистического производства.

Чтобы организовать крутой подъем производства предметов народного потребления, партия поставила насущную всенародную задачу — ускоренными темпами двинуть вперед сельское хозяйство.

Наша страна располагает самым крупным и механизированным сельским хозяйством в мире. Неоспоримо доказано его преимущество перед мелкотоварным крестьянским хозяйством, а также перед крупным капиталистическим сельскохозяйственным производством. Колхозный строй доказал свою великую жизненную силу не только в годы мирного строительства, но и в период тяжелых военных испытаний. Новые, значительные победы одержаны им и в послевоенные годы, когда наш народ, залечив нанесенные войной раны, неустанно развивает социалистическую экономику.

Существенные достижения имеются в развитии зернового хозяйства. Посевные площади самой ценной культуры — пшеницы — увеличились на 8,1 миллиона гектаров по сравнению с 1940 годом. Быстро восстановлено сельское хозяйство сильно пострадавших во время войны районов — Украины, Северного Кавказа, Крыма. Многие колхозы и совхозы собирают по 150—200 и более пудов пшеницы с гектара. Восстановлены и расширены посевы сахарной свеклы, подсолнечника и ряда других технических культур. Значительно возросло производство хлопчатника в среднеазиатских республиках. Передовые колхозы и совхозы получают высокие урожаи овощей и картофеля.

В короткий срок восполнен тяжелый урон, нанесенный животноводству во время войны. Значительно увеличились государственные заготовки продуктов животноводства. Страна гордится передовыми колхозами и совхозами, достигшими высоких показателей в своей работе. Растет общественное богатство колхозов, увеличиваются денежные и натуральные доходы колхозников.

Все это бесспорные достижения. Однако нынешний уровень сельскохозяйственного производства не удовлетворяет в полной мере растущих потребностей населения в продуктах питания, а промышленности — в сырье. С исчерпывающей ясностью сказано об этом в докладе Секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева на Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и в постановлении Пленума о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. В докладе и постановлении вскрыты причины недостаточного уровня сельскохозяйственного производства в целом и отставания ряда важных его отраслей.

«Коммунистическая партия, — говорится в решении Пленума, — последовательно проводила курс на всемерное развертывание тяжелой индустрии, как необходимого условия успешного развития всех отраслей народного хозяйства, и добилась на этом пути крупнейших успехов. На решение этой первоочередной народнохозяйственной задачи было обращено главное внимание, сюда направлялись основные силы и средства. Делом индустриализации страны были заняты наши лучшие кадры. У нас не было возможности обеспечить одновременное развитие высокими темпами и тяжелой индустрии, и сельского хозяйства, и легкой промышленности. Для этого нужно было создать необходимые предпосылки. Теперь эти предпосылки созданы. Мы имеем могучую индустриальную базу, окрепшие колхозы и подготовленные кадры во всех областях хозяйственного строительства».

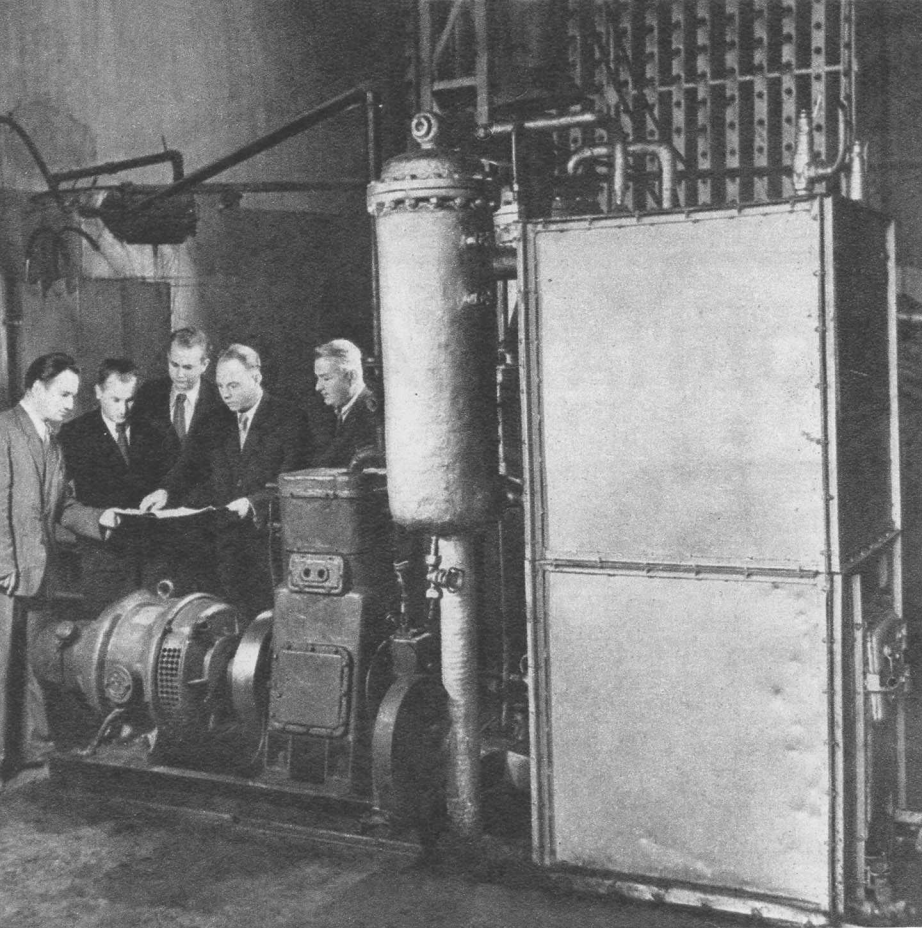


На животноводческой ферме колхоза имени Владимира Ильича, Ленинского района, Московской области. Агитатор С. А. Камширина читает постановление Пленума ЦК КПСС.

Фото Э. Евзерихина (ТАСС).

Липецкий тракторный завод. Идет отгрузка очередной партии тракторов. Фото Ю. Чернышева.





Всесоюзный научно-исследовательский институт механизации сельского хозяйства. В лаборатории стационарных паросиловых установок. Эти установки обеспечат фермы электроэнергией, паром и горячей водой. Слева направо: инженеры Н. Н. Елисеев, Е. А. Морозов, В. М. Горбунов, руководитель лаборатории А. В. Демин и П. А. Черпаков.

Фото Е. Умнова.

Наряду с этим Пленум Центрального Комитета партии указал и те причины отставания ряда важных отраслей сельского хозяйства, которые вызываются недостатками работы, недостатками руководства сельским хозяйством.

В числе такого рода причин, указанных в постановлении Пленума,— нарушение одного из коренных принципов социалистического хозяйствования — принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства, в увеличении его доходности. Создавалось положение, при котором для лучших колхозов, показывающих примеры самоотверженного труда, устанавливались более высокие нормы поставок: они должны были расплачиваться за дурную работу своих соседей.

Одна из основных причин отставания животноводства и производства овощей и картофеля заключалась в том, что эти важные отрасли сельского хозяйства недостаточно поощрялись, заготовительные и закупочные цены не создавали материальной заинтересованности колхозов и колхозников.

Партия всегда учила, как надо сочетать общественные и личные интересы при обязательном подчинении личных интересов общественным. Это определено и Уставом сельскохозяйственной артели. Однако принцип такого правильного сочетания во многих колхозах нарушался. Личное хозяйство облагалось налогом таким образом, что колхозник не был заинтересован в сохранении поголовья скота. Это не только ущемляло интересы отдельных колхозников, но и извращало природу артельной формы колхозов, единственно правильной формы коллективного хозяйства на весь период социализма.

Могучей техникой вооружено наше сельское хозяйство. Но использование этой техники становится крупное механизированное сельскохозяйственное производство в нашей стране. Нельзя руководить таким производством, не имея достаточной подготовки. Государство систематически готовит кадры, способные возглавить колхозы, совхозы и МТС. Но на практике получилось, что из 350 тысяч специалистов сельского хозяйства с высшим и средним образованием в колхозах и МТС работают только около 70 тысяч человек, а основная масса специалистов осела в управленческих аппаратах.

В докладе товарища Хрущева приведены красноречивые факты, как соседние колхозы, районы и области, находящиеся в одинаковых условиях, добиваются совершенно разных результатов. В одном случае высокая продуктивность скота, высокие урожаи, большие доходы, в другом — отставание во всех отраслях. «Все это показывает», — говорил товарищ Хрущев, — какими огромными резервами располагают колхозы в деле дальнейшего подъема сельского хозяйства».

Недостатки, вскрытые Пленумом Центрального Комитета Коммунистической партии, должны быть ликвидированы в самом непродолжительном времени. Постановление Пленума представляет собой развернутую программу дальнейшего развития сельского хозяйства, подъема

отстающих отраслей сельского хозяйства, колхозов, совхозов и районов до уровня передовых.

Жизненно важное значение имеет для страны подъем животноводства, в первую очередь общественного. За последнее время поголовье скота растет медленно, а поголовье коров не достигло довоенного уровня. Совершенно недостаточна продуктивность этой важной отрасли сельского хозяйства.

Пленум наметил конкретные пути подъема животноводства. Основные из них — увеличение производства кормов, обеспечение скота помещениями, механизация, улучшение воспроизводства стада и содержания молодняка. Серьезным стимулом явится значительное повышение заготовительных цен.

«Если все местные партийные, советские и сельскохозяйственные органы», — говорится в решении Пленума, — специалисты и организаторы сельского хозяйства, коммунисты, комсомольцы, все колхозники и работники МТС и совхозов решительно и настойчиво возьмутся за дело дальнейшего подъема животноводства и не пожалеют для этого сил и средств, то в ближайшие 2—3 года наша страна получит обилие мяса, молока, масла, яиц и других продуктов животноводства для населения и важнейших видов сырья для легкой и пищевой промышленности».

Такая же развернутая программа дана Пленумом ЦК КПСС и в области увеличения производства картофеля и овощей. Задача состоит в том, чтобы в ближайшие 2—3 года довести эту сельскохозяйственную отрасль производства до таких размеров, которые удовлетворили бы полностью не только потребности населения городов, промышленных центров, перерабатывающей промышленности, но и нужды животноводства в картофеле.

Одно из важнейших условий повышения урожайности картофеля и овощных культур — широкое внедрение квадратно-гнездового способа посадки, позволяющего полностью механизировать обработку этих культур.

Зерновое хозяйство — основа всего сельскохозяйственного производства. Пленум наметил конкретные меры по дальнейшему развитию этого хозяйства, по дальнейшему увеличению продукции зерновых, технических и масличных культур.

В докладе товарища Хрущева и в решениях Пленума подчеркивается, что главное — это повышение урожайности, подъем животноводства, развитие всех отраслей сельского хозяйства.

Машинно-тракторные станции являются индустриальной материально-технической базой колхозного строя, решающей силой в развитии колхозного производства, опорными пунктами в руководе колхозами со стороны социалистического государства. Пленум ЦК партии разработал меры по коренному улучшению деятельности МТС и дальнейшему развитию механизации сельского хозяйства. Особое значение имеет создание в МТС постоянных механизаторских кадров.

Могучая техника, которой владеют наши МТС, в ближайшие годы получит огромное пополнение. С 1954 года по 1 мая 1957 года промышленность поставит сельскому хозяйству не менее 500 тысяч тракторов общего назначения в 15-сильном исчислении и 250 тысяч пропашных тракторов, а также необходимое количество сельскохозяйственных машин, автомобилей, автопередвижных мастерских и другого оборудования.

Колхозы, совхозы и МТС получают новые квалифицированные кадры опытных специалистов и организаторов сельского хозяйства. Силы ученых должны быть направлены на дальнейшее развитие сельскохозяйственной науки, на пропаганду и распространение высокой агротехники, новых методов труда.

У нас имеется полная возможность обеспечить все колхозы подготовленными кадрами. Во главе каждого колхоза должен стоять опытный, культурный организатор, умеющий сплотить колхозников и успешно руководить крупным хозяйством.

«Почему бы сейчас», — говорил товарищ Н. С. Хрущев, — когда у нас выросла советская интеллигенция, не кликнуть клич от партии, не призвать лучших людей из города, скажем, тысяч 50 коммунистов, и направить их на усиление работы в деревне».

Нет сомнения, что найдется много желающих отдать свои силы и знания делу дальнейшего укрепления колхозного строя.

Материальные условия и возможности, которые создаются для подъема сельского хозяйства, сами по себе не дадут необходимых результатов, если не улучшится руководство со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов. Нужно организовать широкое социалистическое соревнование, опираясь на передовых людей колхозов, МТС и совхозов, мастеров земледелия и животноводства, ряды которых будут расти и множиться изо дня в день.

Решения Пленума нашли горячее одобрение в колхозных селах. Во всех откликах единодушно говорится о том, что постановление отвечает насущным интересам колхозного крестьянства, всего советского народа.

— В этом новом документе, — сказал бригадир первой полеводческой бригады колхоза «Маяк революции», Курганского района, Краснодарского края, тов. Калугин, — Коммунистическая партия хорошо выразила наши думы и мысли, то, что волнует последнее время нас, колхозников. Этот факт ярко свидетельствует о том, что Коммунистическая партия кровно связана с народом, доподлинно знает наши запросы и нужды, постоянно стремится к тому, чтобы полнее их удовлетворить. Теперь созданы еще большие условия для дальнейшего укрепления хозяйства колхозов и совхозов. Мы сделаем все необходимое для того, чтобы развить все отрасли своего общественного хозяйства и в ближайшие годы создать в стране обилие продуктов земледелия и животноводства.

Пленум ЦК КПСС призвал всех колхозников, работников МТС и совхозов приложить свои силы и развернуть творческую инициативу для выполнения задачи дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Под руководством Коммунистической партии рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция, все советские люди решат эту задачу в кратчайшие сроки.



Заключения БУРАТИНО

Галина ШЕРГОВА

Фото С. Фридлянда, Е. Умнова, Д. Бальтерманца, Я. Рюмкина.

Обжигая пятки о сицилийский песок и кутая нос от архангельской вьюги, ходил по земле веселый Буратино. Прыгал деревянный человечек, сделанный из полена шарманщиком папой Карло, — от важной воитель с врагом кукол Карабасом Барабасом. И везде, где он ни шел, книги распахивали перед ним широкие страницы, зазывая яркими картинками. Как снайперы-пулеметчики, в каждом кусте подстерегали Буратино кинооператоры. Все театры раскрывали перед ним занавесы, как ворота древнего города. И, почти вываливаясь на тротуар, изо всех окон махали ему мальчики и девочки:

— Эй, Буратино, заходи, нужно поговорить!

А прохожие улыбались: все понимали, что кукла может быть ребенком лучшим другом.

И вот однажды Буратино заблудился. Долго ходил он по свету с азбукой подмышкой и золотым ключиком от кукольного театра в кармане. Долго разыскивал он своих друзей — кукол — и кукольного мастера, шарманщика папу Карло. Он обошел все кукольные театры и все игрушечные магазины. И вот, когда он уже отчаялся, какой-то вельветовый пудель сказал ему:

— Отправляйся в кукольную страну — в Загорск, в Научно-исследовательский институт игрушки. Он единственный в мире. Там живут все мастера кукол. Там придумывают все игрушки. Я сам оттуда.

И Буратино пришел в Загорск. Он поднялся на второй этаж.

Странные папы Карло

Буратино дрожал от волнения: он чувствовал, что сейчас увидит папу Карло. Потянув для верности носом, он протиснулся в дверь, и первое, что услышал, были слова:

— Ну, этого уродца нечего давать на выставку. — И сразу же в его сторону полетел серо-бурый комок, да так, что Буратино отлетел вместе с ним в угол.

Это было ужасно — и больно и оскорбительно, — и при первой-то встрече!

А голос продолжал:

— И кто это такие идиотские образцы делает?!

Буратино приоткрыл глаз и увидел несколько молодых девушек с куклами в руках — это и были мастера кукол, художники. Честно говоря, они мало смахивали на старого шарманщика. Одна из них, державшая в руках розовощекого щегольского китайчонка и очень симпатичного негртенка, вдруг вздохнула и сказала:

— Ну, вот и все. Модель создали. Художественно-технический совет по игрушке Министерства просвещения утвердил, теперь предстоит на выставке — и все. Артели не возьмут, скажут: нерентабельно, сложная модель. А если и возьмут, так изуродуют, что потом не узнаешь в магазине.

— Вообще, — прибавила другая (Буратино по голосу узнал: это она сказала про уродца), — достаточно войти в магазин, чтобы понять, что люди, изготавливающие эти игрушки, не любят детей.

Буратино так понравились эти слова, что он, забыв про боль, крикнул:

— Дельно сказано!

— Это не я сказала, это писатель Ильф, — вздохнула девушка и повернула голову к Буратино. Но тут ее взгляд упал на серо-бурый комок, и она подняла его. — Ох! — девушка плюхнулась на стул. — Вот так урод! Это же моя кукла, мой образец, это ее загорская артель имени Красной Армии до такого состояния довела!

Девушка так безразлично скользнула по Буратино глазами, подбывая серо-бурый «образец», что это крайне обидело деревянного человечка. Он вскочил на ноги и,

вскарабкавшись по ножке стула, с деревянным, четким стуком уселся на стол на глазах у всех.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Буратино и закинул ногу на ногу.

Вы, вероятно, думаете, что тут все открыли рты от недоумения: кукла говорит! Ничего подобного. Правда, все немного удивились неожиданному приходу Буратино. Но это были люди, которые вкладывали в куклу столько своей души, что не находили ничего особенного в том, что кукла может заговорить.

И тут... тут Буратино уже ничего не мог разобрать, потому что все, кто был в комнате, заговорили разом, будто боялись, что не успеют высказаться:

— Да понимаешь, в артелях из одного художника нет, даже в штатах не запланировано!

— Ни помещений настоящих, ни материалов! Одевают кукол в старушечьи обрезки, что пришлют с базы! А куклам специальные ткани нужны — это каждый знает.

— А завод № 1 Мосгорместпрома из-за отсутствия сырья по двадцать дней в месяц простаивает, а потом гонит две-три модели.

— Мы институт кончали, а в артелях мастерицы об искусстве понятия не имеют! Мы, пока куклу создадим, сто консультаций пройдем — и по истории, и по костюму, и по этнографии, — а на производстве во веки веков ни одной консультации не бывает!

Буратино важно сидел, тиская в пальцах кусочек попавшегося под руку пластилина, и иногда вставлял:

— Ого!.. Вот так номер!.. Ну и ну!..



Отброшенный ударом серо-бурого комка в угол, Буратино увидел прекрасных кукол и художников-кукольников — М. П. Таллако и Ю. Н. Павлову (слева).

А девушки всё тараторили:

— Конечно, если бы создать большие, квалифицированные предприятия, не то бы было! Вон цех ширпотреба «Серпа и молота» какие замечательные игрушки делает!

Буратино начал ерзать: казалось, разговорам не будет конца. На всякий случай он незаметно заткнул уши пластилином и подождал минут пять. Потом он вынул пробки, и снова ураган слов зашумел вокруг него:

— Только и видят-то настоящие игрушки в нашем демонстрационном зале...

Ненаучная кукла с фиксированным моментом

Но дураков мало слушать длинные разговоры. Это было занятие не для Буратино. Только художники отвернулись, он скок — соскочил со стола и побежал в этот заманчивый демонстрационный зал.

Да, вот это было заведение! Карабас Барабас обчихался бы от зависти: столько тут было игрушек! Буратино вообще не очень-то любил показывать, что он чем-нибудь удивлен, но тут он просто окончательно одеревенел перед





— Линкор! Линкор хочу! — хнычет в магазине «старый морской волк», которому купили петуха: кораблей не было.

огромной электрической игрушкой. «Гулянье в Парке культуры» — называлась она. Люди танцевали, парашютист прыгал с вышки, гремел оркестр, а в небе расцветали букеты салюта.

— И это делают для детей? — спросил Буратино у какой-то куклы, взяв себя в руки.

— Что вы! — сказала кукла и подняла к небу глаза. — Мы все тут образцы. Разве нас можно сделать! Мы для вала не подходим.

— Какого еще вала? — буркнул Буратино: было очень противно, что какая-то разряженная пустоголовая кукла знает больше него.

— Для валовой продукции, — вмешался плюшевый медведь. — Нас трудно осваивать, и мы скрываем план. А старые и простые модели дают процент.

Не давая ему договорить, из беленького птичника выпорхнул десяток кур и закудаhtал наперебой:

— Нас утвердили, утвердили, за наш птичник автор Клубкова даже премию получила, а уже три года, как здесь стоим и никто не делает, ни одна артель, ни одна артель!.. А мы ведь не игрушечный «зис», это для него сто штампов нужно, потому его не берут. Нас ведь просто...

Но было бы слишком уничижительным для деревянного человечка обращать внимание на кудаhtанье кур, если на них даже артели не обращали внимания. И Буратино отвернулся. Он так надменно дернул своим длинным носом, что нарядная кукла только глазами захлопала.

Буратино очень хотелось осадить всезнающие игрушки каким-нибудь умным соображением, но он не успел этого сделать: в зал вбежала девочка с оттопыренными косичками, похожими на две струганные палочки. За ней вошла женщина, вся, с головы до ног, очень темная и очень строгая. Девочка подбежала к нарядной кукле и поцеловала в нос.

— Ма-ма! — сказала кукла.

Тогда строгая женщина сказала строго:

— Оставь, девочка, куклу! Это педагогически неправильный экземпляр. Тебе не может быть интересно играть с куклой, у которой фиксирован момент улыбки. Это разрушает целостность твоей игровой эмоции. У куклы должно быть нейтральное лицо. — И женщина потянула к себе куклу (чем-то отдаленно женщина напомнила Буратино Карабаса Барабаса).

— Не разрушает! — хмыкнула девочка. — Кто это сказал?

— Это установленная формулировка, — непреклонная женщина резанула воздух ладонью. — Ты можешь прочесть ее в любой рецензии Худсовета Министерства просвещения. Вчера, например, Николай Адольфович Леман, член совета, ее повторил.

Но девочка не унималась:

— У меня все куклы не смеются. Пусть хоть одна с улыбкой будет...

— И потом, — прибавила строгая женщина, — эта кукла дискуссионна. У нас в Художественном совете высказывалось мнение, что кукла не должна быть озвучена и не должна закрывать глаза. Если кукла не говорит всех слов, а только — «мама», это разрушает целостность игровой эмоции.

Буратинодохнуть не мог от восторга — столько непонятных слов! — у него прямо мурашки по спине бегали.

— Хочу с закрывающимися, — тянула девочка, а кукла вздохнула: «Мама». — Она говорит все, — перевела слово куклы девочка.

И тогда строгая женщина вышла из себя: ведь и у научного работника может лопнуть терпение, когда дети так тупы к научным истинам:

— Ну, знаешь ли, ты еще захочешь ходячую куклу! Кое-где пробовали делать это безобразие. Слава богу, скончались благополучно эти куклы.

Надо вам сказать, что в присутствии строгой женщины игрушки молчали, как мертвые, и у всех были нейтральные лица. Только бумажная лиса вдруг пискнула мягким, ватным голосом:

— Дорогие очень были ходячие-то куколки: 300 рубликов почти! Может, потому...

Но на лису никто не обратил внимания.

цепций, она была простая, непросвещенная девочка. Поэтому она поняла Буратино и сунула его за фартук.

Корову нужно доить!

Девочка вынула Буратино и посадила его на пол. И тут же — он и охнуть не успел — двое мальчиков потянули его за руки в разные стороны, крича:

— Ох, какой смешной! Это же Буратино, смотрите!

И все дети — а их в игровой комнате было много — бросили другие игрушки и тоже потянулись к деревянному человечку.

— Ой, ой, разорвете! — закричал Буратино.

— Показательно, — услышал он, — если дети городские, их почти не занимает комплект сельскохозяйственных.

Буратино поднял голову и увидел двух женщин. Это были педагоги, наблюдающие, как дети «обигрывают» новые образцы. Другая женщина ответила:

— Сельские дети удачно повторяют с животными все трудовые сельскохозяйственные процессы.

На полу стояли коровы, лошади, козы. Они были просто как живые, только стояли уж очень одинаково и смотрели все прямо перед собой. Буратино вырвал руку и, хлопнув носом, сказал мальчику:

— Иди лучше выполняй свои трудовые процессы.

— Вот еще, — фыркнул тот, — не нужна мне такая корова и коза! Мне веселые нужны, в платьицах, как в сказке или как в книжках Маршак. Чтобы с ними разговаривать...

Женщина снисходительно покачала головой и сказала мягко:

— Ох, дружок, ну где ты видел



Ляля повезло: она любит образцы.

Чтобы пресечь ненужные пререкания, строгая женщина сказала:

— Отправляйся, девочка, в игровую комнату, тебе нужно обигрывать новый образец. — И она вышла, зловеще шелестя платьем.

Тогда Буратино подскочил ближе к девочке и, толкнув ее локтем в бок, сказал:

— Обиграй меня!

Может быть, он просто скрипнул своей деревянной головой и девочка не должна была принять это за слова. Но она, к счастью, была не в курсе всех научных кон-

веселых животных, в каком магазине? Мы стараемся дать точный образ животного, а веселые — это шарж, это искажает образ животного, дает нереалистическое представление.

— В книжках коровы говорят, и я хочу, — упрямылся мальчик.

— Корову нужно доить, а не говорить с ней, — так же терпеливо поправила женщина. И, повернувшись к коллеге, добавила: — Как жаль, что в стране никто специально не занимается разработкой педагогической сущности игрушек. В Академии педагогических



Бедняга Игорь! Он-то вынужден «любоваться» массовой продукцией артелей — несчастными куклами на рахитичных ногах, в старушечьих платьях. У этой куклы, с «открывающимися» глазами, глаза никогда не открываются как следует: вероятно, она не может их поднять от стыда за людей, сделавших ее.

наук даже сектора игрушки нет. Приходится подчас идти на поводу у ребенка.

Буратино загрустил. И тут шли эти бесконечные научные разговоры, в которых он ничего не понимал. Ведь лиса Алиса и кот Базилио отлично разговаривали с ним и с ребятами.

Поэтому Буратино поспешил убраться из Загорска, из этого мудреного заведения.

Два года Люлик мечтает о голыше. Но ведь не подойти! Недаром их в ларек из магазина выкинули — разнесли бы люди магазин.

Буратино слушал внимательно, хотя прекрасно понимал, что женщина говорит не для него, а просто так — изливает старую боль.

И вдруг — бац! — магазин перевернулся в глазах Буратино, и сам он полетел вверх тормашками. Потом что-то зацепило его и потащило по тротуару, швыряя об ноги пешеходов.

— Пустите, пустите! — визжал Буратино.

Но страшная сила волокла его вперед и вперед...

А дело было вот в чем.

В тот момент, когда Буратино разговаривал с тоскующей женщиной, из толпы у палатки вырвался взъерошенный, потный мужчина с огромным портфелем подмышкой. Огромные усы его трепетали на ветру. Любая игрушечная лиса дорого бы дала, чтобы иметь хвостом один такой ус. Шнурки от ботинок мужчины волочились по земле, — вероятно, их оборвали в толпе. Один из шнурков обвился вокруг Буратино и потащил его за собой.

Мужчина мчался и мчался, а Буратино только подпрыгивал и стучал по камням деревянным телом, как палочка ксилофона. Добежав до сквера, мужчина рухнул на скамью, и она сразу задрожала от храпа: изнеможенный беглец спал. Над Буратино нависала кожаная глыба портфеля, из которого торчала сиреневая нога голыша. Потом портфель выпал из рук мужчины, и голыш плюхнулся рядом. Он сел и повернул к Буратино синюшное лицо с оранжевым чубиком на лбу.

— Давай размотаю тебя, — сказал голыш. Буратино подивился его сметливости. — Ты не думай, — снова сказал голыш, — что я маленький. Я старый. Меня уже двадцать лет таким делают.

— А почему ты такой синий и



страшный? — спросил Буратино, хотя чувствовал, что это бестактно. — Как же тебя разрешает Художественный совет?

— Ха-ха! — гордо хихикнул голыш. — А я ведомственный, неподконтрольный. Меня Министерство химической промышленности делает, как всю резину и целлулоид. Мы Худсовету Министерства просвещения не подчиняемся. Мы вольные.

— А что же, нового голыша не могут выдумать?

— Могут, но не хотят, — небрежно хмыкнул голыш и вытащил из лежащего портфеля папку бумаг.

Буратино пробежал их глазами — недаром ведь в свое время его папа Карло продал куртку, чтобы купить Буратино букварь! Это были протоколы и рецензии Художественно-технического совета Министерства просвещения на новую модель голыша — обсуждение этой модели длилось более двух лет. Буратино прочел вслух последнюю страничку: «Основной недостаток голыша — его безидейность, бессодержательность. Думаю, что от голыша надо отказаться: хорошей куклы из него не получится. Г. Лубнина. 23/II-53 г.»

— А я идейный, содержательный, — самодовольно засмеялся неподконтрольный голыш, все больше синев от смеха.

И еще долго ходил по земле Буратино, заглядывая в игрушеч-

ные магазины, засовывая нос в склады и амбары. Иногда в каком-нибудь мрачном углу склада или музейного чулана он встречал веселую городецкую тройку. Горячие расписные кони неслись сквозь дебри паутины, и лихой ямщик предусмотрительно кричал: «Эй, осадил!» А однажды увидел Буратино, как плакала вятская глиняная щеголиха, уткнувшись в золотой семеновский возок. Буратино, который сам вышел из простого полена, заговорил со щеголихой.

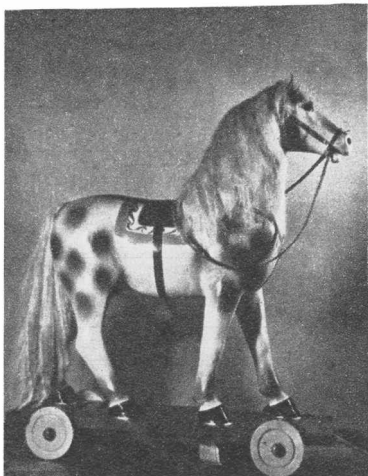
— Забросили нас, забыли! — рыдала она. — Старых кустарей почти не осталось, а учеников нет. В разные мебельные и другие артели подкинули, а они нас делать не хотят. А когда Марина Павловна Таллако, главная художница Института игрушки, хотела про нас альбом сделать, из Роспромсовета представитель приехал и говорит: «Бросьте, зачем это?» Правда, он инженером-кожевником оказался, но все равно — власть.

Буратино посочувствовал щеголихе и всем народным игрушкам и снова побрел по свету.

И везде дети высовывались из окон и махали ему, хотя он был всего-навсего кукла.

А рядом шли примерные мальчики и девочки из скучных книжек с «правильными» куклами в руках. Но до них детям не было дела.

«Непостижимы законы детской любви!» — думал Буратино и краснел от удовольствия, что научился умным словам.



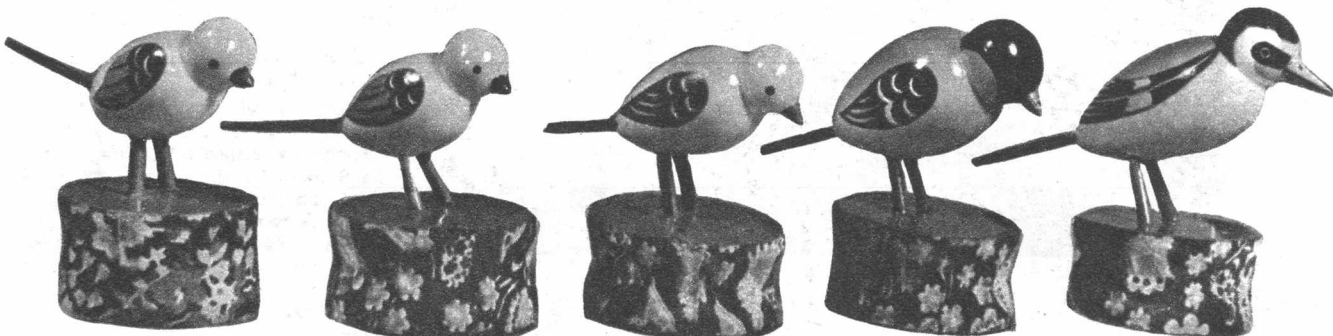
Голышей дают!

Однажды, гуляя по Москве, Буратино остановился перед витриной большого магазина, где красовались игрушки. Игрушки были огромные и веселые. Лихие зайцы раскачивались на качелях, медведь в красном сарафане играл для них на гармошке. Так как Буратино уже считал себя образованным, он хотел вернуть кому-нибудь из ребят, стоящих у витрины, насчет «нефиксированного момента» у этих «антинаучных» зверей, но тут же смекнул: звери-то на витрине непроданные, а если посадить сюда правильных, научных, никто не захочет идти в магазин. Поэтому Буратино смолчал.

Внезапно он услышал страшный шум. Буратино оглянулся и увидел, что вокруг маленькой палатки, рядом с магазином, выросла бушующая толпа.

— Что здесь происходит? — вежливо спросил Буратино какую-то женщину, смотрящую тоскливыми глазами на палатку.

— Голышей дают, — сказала женщина, и голос у нее дрогнул.



Знатоки истории из числа местных бахчеводов утверждают, что еще двести лет тому назад поволжские арбузы отправляли за тысячи километров в Петербург. Их перевозили по Царицынскому почтовому тракту в специальных возках.

Воспользуемся радушием быковчан, отведаем сегодня знаменитых арбузов. Они одинаково хороши в любом месте. Но чтобы дать им достойную оценку, надо поехать в степь, на бахчу, допустим, к седобородому Иллариону Петровичу Еремееву. Пусть он сам выберет арбуз. Когда обнажится рассыпчатая мякоть, когда блеснет на солнце алая сердцевина, тогда берите добрый ломоть, и вы почувствуете, что такое быковский арбуз. Нежный, сахаристый, он тает во рту, источая тонкий аромат, пачкая губы, щеки, пальцы липким сиропом.

Петрович сторожует на Быковской опытной станции. Он наделен талантом, не прикасаясь к арбузу, с одного взгляда безошибочно выбрать тот самый спелый плод,

что «смотрит» на него с бахчи. Мало кто на станции осмелится соревноваться с Петровичем в этом тонком деле. Может быть, только техник Римма Михайловна Николаева. Два десятилетия, проведенных на станции, наградили ее способностью по неуловимым признакам с точностью определять, в каком районе Поволжья, на какой почве завязался и налился сладостью любой, самый что ни на есть «беспаспортный» арбуз.

Такое умение вырабатывается жизнью. А кому же на Поволжье

не известно, что жизнь быковчан издавна заключена в бахчеводстве?.. На Волге много деревень и сел, славящихся старинными промыслами. В других местах из поколения в поколение передаются навыки в художественной росписи, в обработке металла, в выделке мехов. А тут, в Быкове, сыновья и внуки наследуют приемы возделывания бахчевых культур, любовь к этому занятию.

Здесь крестьяне создали местные сорта арбузов, снискавшие селу известность во всем По-

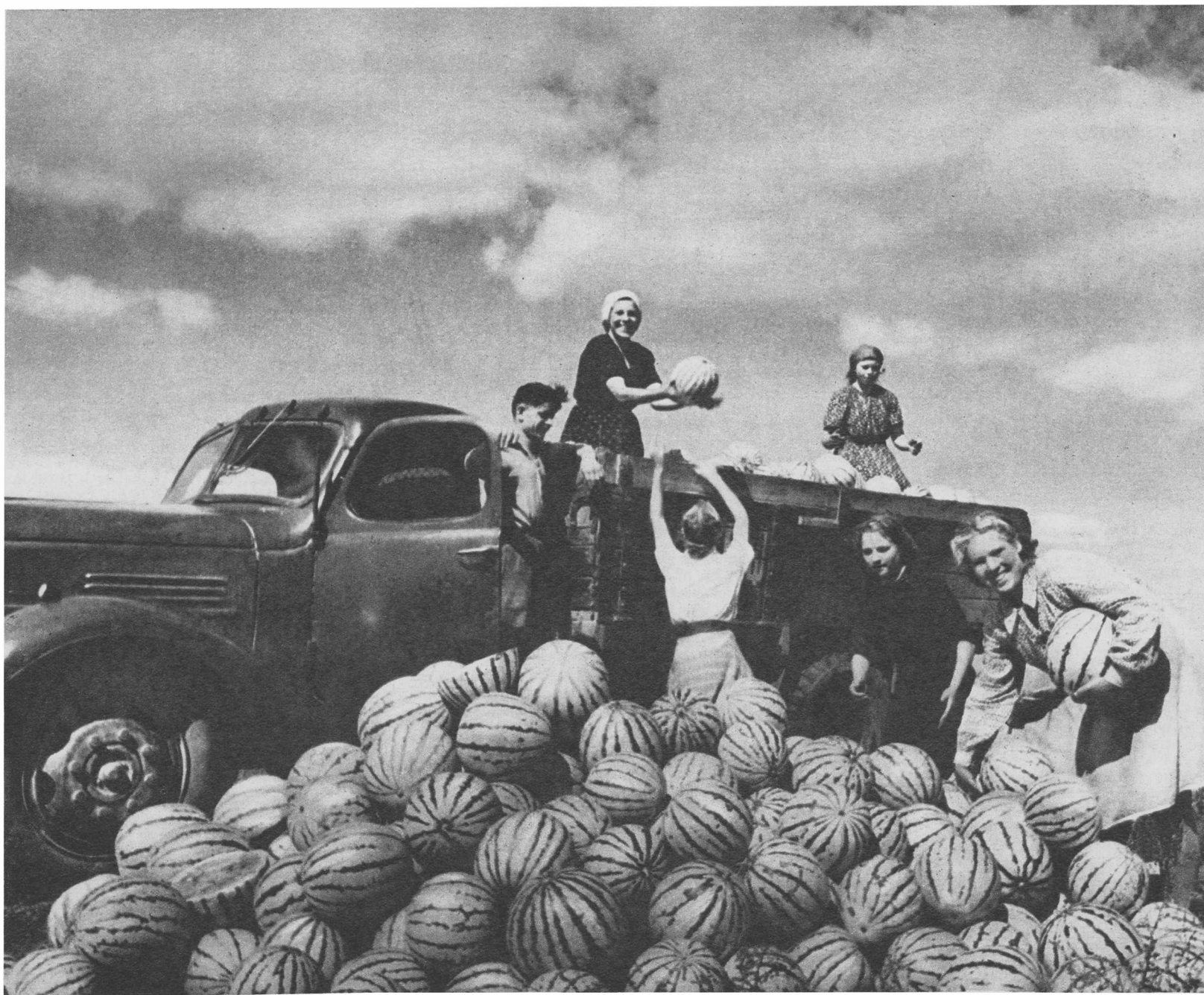
волжье. Отсюда ежегодно караванами отправлялись знаменитые «мурашки», «белосемечки», «ростуны».

Все обновилось в колхозном крае. Старинное селение, заброшенное в глубину Нижнего Поволжья, стало научным центром бахчеводства. В Быкове есть опытная станция Всесоюзного научно-исследовательского института овощного хозяйства. Есть сельскохозяйственный техникум, готовящий кадры молодых специалистов.

В поселке опытной станции, неподалеку от села, стоит затененный серебристыми тополями и кустарниками тесовый дом с вывеской «Отдел селекции и семеноводства». Человеку, впервые переступающему порог, долго кажется, что он находится не в научном учреждении, а в домашней обстановке.

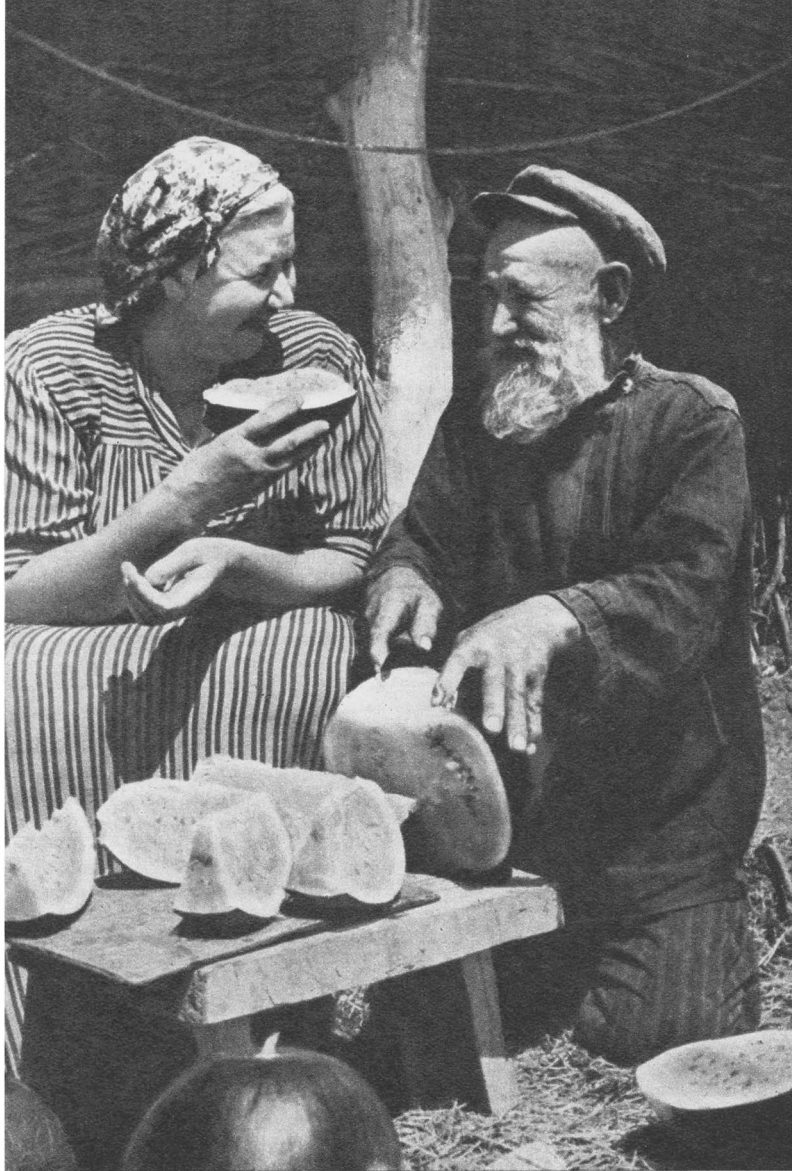
Высокая женщина с седыми волосами, выглядывающими из-под косынки, резким ударом громадного ножа, каким пользуются в хлебных лавках, разваливает на

Быковские арбузы



Сбор арбузов в быковском колхозе «Победа».

Фото Ю. Яковлева.



И. П. Еремеев угощает первыми арбузами селекционера И. Н. Зеленову.

две половинки поданный арбуз. Другая женщина миниатюрным буром извлекает из плода столбики мякоти, а затем, отжав из него капельку жидкости, переносит в трубочку.

— Тринадцать процентов,— говорит она, взглянув в отверстие трубочки.

— Хорошо,— отзывается первая.— Теперь давайте вот тот, «ситцевый».

Небрежным движением руки половинки смахиваются со стола. Вместо них кладется новый плод. Опять удар ножом. Под скромной, «ситцевой рубашкой» арбуза открывается яркокрасная, точно бархатная сердцевина.

Через минуту и «ситцевый» отправляется туда же, под стол. Взамен него появляется огромный, весом чуть ли не в пуд арбузище. Отдав ненасытной трубочке капельку своей крови, и этот красавец со стуком падает прочь со стола.

— Наука требует жертв,— отшучиваются на наше укоризненное замечание селекционеры Ирина Никитична Зеленова и Клавдия Павловна Синча. Они определяют процент сахаристости в плодах новых сортов.

На опытной станции выведены и улучшены десятки сортов бахчевых культур. Раньше сортов было столько, сколько хозяев. Некоторые, рожденные талантом безымянных селекционеров из народа, разошлись по стране. Так произошло с «мурашкой», «ростуном», «белосемечкой». Но «мурашка»,

предмет особой гордости села, была тонкокорой, плохо переносила транспортировку на далекие расстояния. «Белосемечка» требовала целинных почв. Крупноплодный, высокоурожайный «ростун» был недостаточно сахаристым.

На нынешних колхозных и совхозных бахчах Поволжья звучат новые названия, родившиеся на опытной станции.

Кто не видел шаровидных плодов с узкими полосками темного цвета у цветковой части? Трудно забыть вкус их сочной яркомалиновой мякоти. Это «победитель 395». Может быть, вы лакомились нежной, зернистой, яркорозовой мякотью «быковского 48», одетого в светлозеленую рубашку с широкими темнозелеными полосами.

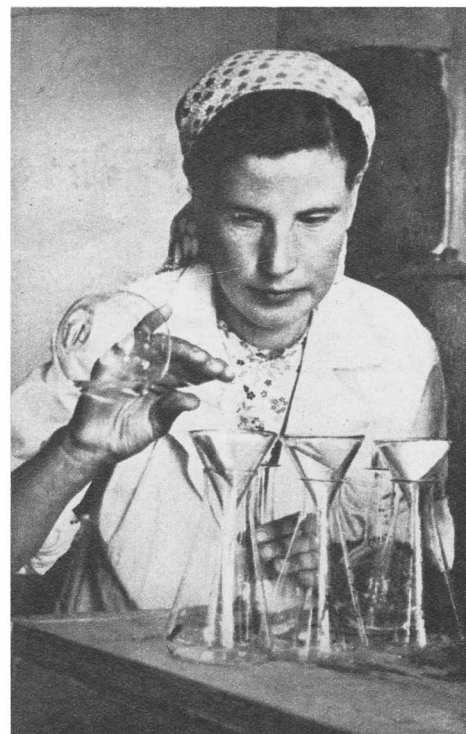
Новые сорта Быковской станции даже в здешних арбузных местах, в Сталинградской области, выделяются своей необыкновенной сочностью и сахаристостью.

Их вывели вот эти женщины-селекционеры. Ирина Никитична Зеленова, заведующая селекционным отделом, еще в трудные военные годы поддерживала сложное селекционное хозяйство. Теперь с Быковской станции во все концы страны рассылаются сотни посылок с семечками для колхозов, совхозов, научных учреждений, опытников, юных мичуринцев.

С «конвейера» станции сошли на поля сорта арбузов, пригодных для перевозки на дальние расстояния, новые высококачествен-

ные дыни, выведенные селекционером Н. Н. Лисиним. Особенно интересны работы над зимними сортами арбузов. Обычные сорта недолго сохраняют свои вкусовые качества: уже к январю мякоть у них делается вялой, теряет сахаристость. Молодой научный работник К. П. Синча задалась целью вывести арбузы, которые не только не портятся от длительного хранения, а даже становятся от этого вкуснее. Один из таких сортов уже оформился. Это потомок «мелитопольского 143» и среднеазиатского «кузыбая». Сорванный осенью, он не пригоден к употреблению. Его безвкусная, точно резиновая мякоть не внушает аппетита. Зато через несколько месяцев его не узнать. За время лежки мякоть приобретает сладкий вкус, рассыпчатость. Быковским ученым, первым среди советских бахчеводов, выпало удовольствие отвесть сочных плодов не только в зимние холода, а даже в апреле, когда забывается вкус арбуза.

...Обо всем этом вам расскажут, со всем вас познакомят в приволжском селе Быкове. И когда вы станете уезжать оттуда, вас еще долго будет сопровождать прохладный ветерок, настоянный на медовом запахе, веющем с колхозных бахчей. Это значит, что на быковские поля пришла осень,



Лаборант Н. Егорова определяет сахаристость арбуза.

солнечная пора изобилия, время сбора урожая. Снова громоздятся на бахчах груды плодов, опять пылят по дорогам к пристани тяжело нагруженные автомашины. И плывут, плывут по Волге караваны судов с арбузами — в Саратов, Куйбышев, Горький, Москву, разнося по стране новую славу старого села Быкова — родины лучших арбузов.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Самоходная баржа с волжскими арбузами прибыла в Москву.

Фото И. Михайлова.





Обувная артель «Вторая пятилетка» оснащена современным оборудованием. За один оборот колеса пневматического пресса — в течение двенадцати минут — приклеиваются подошвы на шестнадцать пар обуви.

СУДЬБА ИСКОННОГО ПРОМЫСЛА

С. МОРОЗОВ

Фото Е. Умнова.

В мускулистых руках Ивана Никитича Смирнова толстая сапожная кожа сминается, словно ситец, растягивается, будто резина. Кожа уже побывала в дубильных чанах, из жесткого мостовья превратилась в эластичную, упругую юфть. Поставив перед собой на ребро длинную и плоскую деревянную колодку, Иван Никитич плотно обтягивает ее большим куском кожи, потом долго и тщательно промазывает кожу жирами, словно массируя живую ткань. Это называется «посадить голенище на ногу».

Под сноровистыми руками мастера кожа меняется на глазах. Постепенно она обретает выпуклую форму, изгибается длинным крюком, и когда Смирнов снимает ее с деревянной колодки-«ноги», цельное голенище — вытяжка, — кажется, вот-вот готово облепить человеческую ногу от пятки до бедра. Рядом на полке стоят новенькие, только что законченные отделкой сапоги-«крюки». Высоченные, на толстой, добротной подошве... В таких пройдешь и по болотной трясине, и через реку вброд, и по палубе, заливаемой штормовыми волнами.

— Богатырская обувь!

Старый мастер смеется:

— Это точно. Про богатырей,

правда, мне только слышать доводилось, но Чкалову Валерию Павловичу шил я такие сапожки.

Разговорившись, мы вспоминаем старину, шутим: не тут ли, на волжских берегах, родился любимый народом сказочный образ — сапоги-скороходы. Заходит речь о местном музее, о хранящихся там образцах обуви, изготовленной в Кимрах для молодой русской армии по заказу Петра Первого.

— История! — вдруг помрачнев, вздыхает Смирнов. — Наши вытяжки тоже, пожалуй, скоро в музей попадут, а вместе с ними и мы, мастера-посадчики.

Тут в разговор вступает Иван Гаврилович Румянцев — председатель Кимрского кожпромсоюза, вместе с нами зашедший в мастерскую.

— Рано ты в отставку собрался, Иван Никитич. Погоди, вот получим заказы на «крюки», покажешь еще свое умение.

— Который год все годим, все заказов ждем. Половину прежних мастеров растеряли. Те, что остались, случайной работенкой занимаются. Стачают иной раз пару — другую какому-нибудь любителю, и basta. Бывало, охотникам да рыбакам, геологам да путешественникам тысячами шили «крю-

ки», а нынче хиреет наш промысел... Обидно...

— На фабрики обижаетесь, Иван Никитич?

— Нет, что вы! У фабрик своих дел пропасть: штиблеты, туфельки дамские, ребятишкам обувь всякая — миллионы пар. И неплохо работают фабричные мастера, быстро на машинах шьют. А вот болотных сапог миллионы не требуются, да и не найдешь на фабриках посадчиков, не умеют там эти самые «крюки» тянуть. Вы сравните-ка фабричный сапог с нашим.

И в самом деле. На складе Кожпромсоюза нам показали сапог с клеем Таганрогской обувной фабрики. Кожа хоть и добротная, но вместо вытяжки — прикрой: голенище сшито из нескольких кусков и, значит, проницаемо для сырости.

Да, прав, пожалуй, Иван Никитич Смирнов в тревоге за будущее редкостного ремесла кимряков. Конечно, не болотные сапоги определяют сегодня ассортимент обуви, изготавливаемой в Кимрах. На родине обувного промысла, как всюду в нашей стране, основную массу продукции дает государственная легкая промышленность.

На фабрике «Красная звезда» с конвейеров каждую минуту сходит восемь пар обуви.

С «Красной звездой» — старейшим предприятием города — в ассортименте и качестве обуви может поспорить ее младший собрат — фабрика «Стахановец», образовавшаяся после слияния двух крупных кооперативных артелей.

Механизированным предприятием стала самая большая в городе промысловая артель «Вторая пятилетка». Там и конвейер, и пневматические прессы, и станки, штампующие подошву, раскраивающие кожу.

В коллективе «Второй пятилетки» сотни кустарей — значительная часть членов Кимрского кожпромсоюза.

Ну, а остальные? Чем заняты те, кто не расстался еще с традиционным верстаком и липовым чурбаком, обтянутым кожей?

На окраине города в артели «Спортобувь», чьи строения расположились на месте недавних огородов, мы познакомились с Петром Яковлевичем Сахаровым, мастером-коммунистом, одним из старейших членов промысловой кооперации.

Он показал нам футбольные бутсы, легкие, с шипами на подошве туфли для бегунов, твердые снаружи и выложенные внутри эластичными подушечками ботинки для горнолыжников, высокие, плотно стягивающие икры ног сапоги для мотоциклистов.

— Физкультурники — требовательный народ, сами знаете. Но ничего, не ругают наш товар, хоть и недавно совсем артель новое это дело освоила, — говорит Петр Яковлевич. — Стало быть, и модельную и какую хотите обувь можем мы шить. Дайте только заказы, — и цехи новые откроем и мастеров наберем.

— Откуда?

— Как откуда? Да отсюда, из Кимр. Хоть с нашей улицы, хоть с соседней. Тут что ни дом, кустарь живет. Числится, правда, где-нибудь сторожем или пожарным, а отдежурит свое — и тачает сапоги... Да я вам такого народа не одну сотню по фамилиям насчитаю.

Помолчав с минуту, Сахаров продолжал:

— Кадры нам собирать и беречь нужно. И еще скажу вам, на одних стариках далеко не уедешь. Своих молодых мастеров готовить пора. По-серьезному, в училище, как, скажем, слесарей и токарей обучают.

Вывод старого мастера подтверждает статистика Кимрского кожпромсоюза: количество кустарей, объединенных в артели, сокращается. Многие артели закрылись вовсе, а большинство других занято бытовым ремонтом.

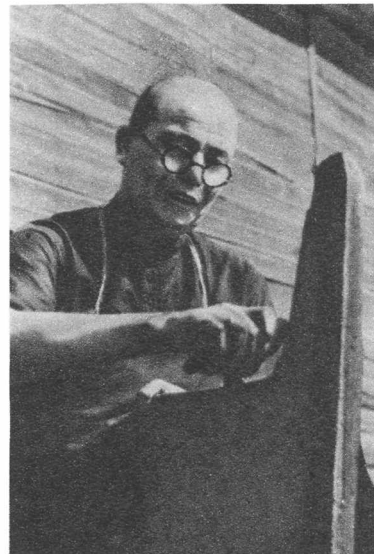
Нам вспомнились ленинские слова, посвященные кимрским кустарям-сапожникам.

«Особенно замечательный пример капиталистической мануфактуры, — писал Владимир Ильич в своем труде «Развитие капитализма в России», — представляет знаменитый сапожный промысел села Кимры, Корчевского уезда Тверской губ., и его окрестностей. Промысел этот исконный, существующий с 16-го века».

«Такие заведения, как петербургская фабрика обуви, не могли бы так быстро развиваться, если бы, скажем, в районе села Кимры не выработались веками искусные рабочие, которые теперь удались в отход...», — отмечал В. И. Ленин.

С той поры прошло более полувека. Исчезла с географической карты захолустная Корчева, залитая водами Московского моря. С первых лет советской власти Кимры стали городом. В годы пятилеток он вырос в крупный, разносторонне развитый промышленный центр. Сегодня среди горожан встретишь наряду с обувщиками и машиностроителями, и трикотажниками, и швейниками, и речников, водящих суда по обновленной Волге.

Широко, по-государственному мыслят сегодня передовые советские кустари, озабоченные судьбой любимого, веками сложившегося промысла. Всем укладом нашей социалистической экономики промысел этот призван развиваться, расти, помогая легкой промышленности в увеличении выпуска товаров для народного потребления. Немалую службу может сослужить богатый опыт мастеров-умельцев в подъеме культуры обувного производства, в борьбе за высокое качество.



В умелых руках мастера И. Н. Смирнова кожа обтягивает колодку, принимая форму будущего сапога.



Б. В. Иогансон. ДОПРОС КОММУНИСТОВ.

Живопись Б. В. Иогансона

Картина «Допрос коммунистов» кисти народного художника СССР Бориса Владимировича Иогансона — одно из самых значительных произведений советской живописи. Появление ее в 1933 году знаменовало собой новый этап в развитии советского изобразительного искусства.

Годы гражданской войны нашли в творчестве Иогансона яркое отражение. В картинах «Допрос коммунистов», «Выступление В. И. Ленина на III-м съезде комсомола», в других работах Иогансон создал простые и вместе с тем по-настоящему величественные образы борцов за коммунизм. Глубоко раскрыты художником характеры, помыслы, идея, точно и верно передана атмосфера эпохи, в которой живут и борются его герои. Иогансон показывает огромное моральное превосходство советских людей, которые даже перед лицом смерти не сдаются, не отступают.

Композиция картины, оригинальная и необычная, строгость в отборе деталей — ничего лишнего, только самое необходимое, — красочное богатство, идущее по традиции от Сурикова, — все подчинено главному — созданию образов коммунистов-борцов.

Б. В. Иогансон известен и как мастер портрета. Среди созданных им в послевоенные годы портретов деятелей искусств — изображение Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Художнику удалось передать в облике выдающегося русского режиссера мудрость, сосредоточенность, его внутреннюю силу.



Б. В. Иогансон. ПОРТРЕТ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. 1948 год.

Музей Московского Художественного академического театра имени М. Горького.



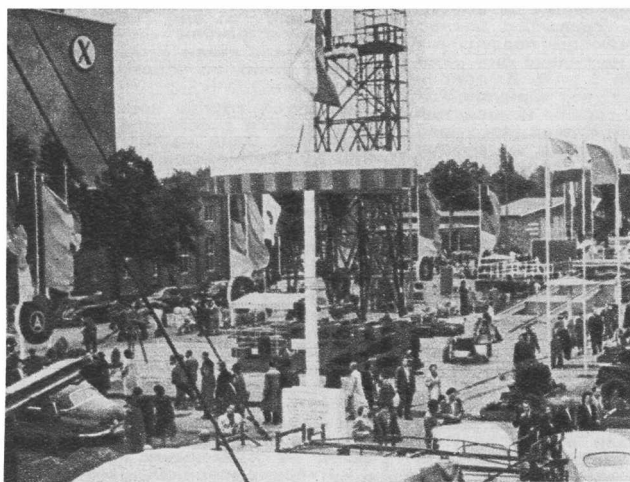
10 сентября в Москву по приглашению Советского Правительства прибыла Правительственная Делегация Корейской Народно-Демократической Республики. Делегацию возглавляет Председатель Кабинета Министров Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сен. На снимке: В. М. Молотов, Ким Ир Сен, Н. А. Булганин и сопровождающие их лица на Ярославском вокзале.

Фото А. Гостева.

Ярмарка в Лейпциге



Премьер-министр Германской Демократической Республики Отто Гротеволь посетил советский павильон.



9 сентября в Лейпциге закрылась традиционная международная ярмарка, продолжавшаяся 11 дней. В этом году объем внешнеторговых и внутригерманских сделок на ярмарке увеличился почти в два раза по сравнению с прошлым годом. Торговые организации Германской Демократической Республики заключили экспортные сделки на сумму 797 миллионов рублей, причем 468 миллионов приходится на сделки со странами демократического лагеря. Ярмарка, в которой участвовало 25 стран (из них 15 западных), содействовала расширению торговых связей между Востоком и Западом, продемонстрировала рост сил демократического мирового рынка.

Один из отделов выставки промышленных изделий стран народной демократии.

Во-время и без потерь



Уборка картофеля в колхозе имени Кирова. Фото Л. Великжанина (ТАСС).

Низкие, серые тучи от зари до зари висят над полями Подмоскovie. Дождь идет так часто, что земля не успевает просыхать. Трудно убирать картофель в ненастье, но колхозники прилагают все силы, чтобы выполнить взятые на себя обязательства. На помощь приходит техника: картофелеуборочные комбайны, тракторные картофелекопатели.

В лучшие агротехнические сроки, без потерь решили убрать картофель в сельскохозяйственной артели имени Кирова, Орехово-Зуевского района. Все наиболее трудоемкие работы здесь полностью механизированы.

Грузинский лак



Бригадир лакокрасочного цеха Г. Балтаджян (справа) и мастер Г. Харазян проверяют качество лакированной кожи. Фото К. Крымского.

В районе «старого Тбилиси» протекает маленькая речка Дабаханка, приток Куры. По пути она собирает горячую серную воду, вытекающую из расщелин в скалах. Здесь с незапамятных времен селились и работали кожевники — дабахчи. До открытия дубильных веществ вода серных источников служила для смягчения и выделки кожи, и тбилисские дабахчи славились своим искусством далеко за пределами города.

Серные источники давно уже не используются в кожевенном производстве, но кожевники, по старой традиции, тяготеют к этим местам. Сейчас вдоль широкого асфальтированного шоссе обосновались крупные кожевенные заводы. Минувя их, заглянем в кожевенный цех обувной артели имени 26 коммунаров.

На аккуратном дворике, у самого обрыва, под яркое солнце выставлены блестящие черные шкурки. Это кожа, из которой изготавливается пользующаяся большим спросом лакированная обувь.

В цех поступают шкурки молодых телят и козлят — отбираются самые нежные и высококачественные. Шкурки отмачиваются в больших чанах, шерсть отделяется, кожа дубится, грунтуется, покрывается лаком, закладывается для просушки на 72 часа в электропечи. Потом ее выносят под солнце.

Раньше лакированных кож у нас не выделяли, — рассказывает технорук артели В. Д. Месропян. — А теперь это производство широко распространено. Крупные заводы построены в Батуми и Сухуми.

Производство лакированной кожи стало особенно популярным на Кавказе. Это объясняется тем, что в составе лака, покрывающего шкурки, есть вещество, которое под влиянием ультрафиолетовых лучей придает коже особую устойчивую лоск и эластичность. Зимой для облечения лакированных кож пользуются соллюком. Летом же сама природа идет навстречу кожевникам: солнце принимает бескорыстное участие в производственных процессах.

В обувных цехах артели быстро реагируют на требования покупателей. Если какая-либо модель не имеет спроса, ее снимают с производства и создают новую. Недавно артель открыла цех индивидуального пошива. Начальником цеха работает лучший закройщик Оник Наниджанян.

В Тбилиси научились шить изящную и недорогую лакированную обувь. Многочисленные заказы поступают в артель имени 26 коммунаров из разных городов Союза. За одно только полугодие артели Грузпровета изготовили около 150 тысяч пар лакированной обуви.



И. МЕСХИ



В ПАНЬМИНЬЧЖОНЕ

Заметки румынского журналиста

Виктор БЫРЛЭДЯНУ

Фото автора.

Впервые я услышал о «манкэй-хауэ» в августе этого года в Паньмыньчжоне, на пункте приема корейских и китайских военнопленных. Флаги Корейской Народно-Демократической Республики и Китая развевались над просторными бараками, как крылья огромных птиц. Между флагами блестела в лучах утреннего солнца надпись:

«Родина прижимает к груди своих сыновей».

По дороге, извиляющейся между холмами, поднимается колонна американских военных грузовиков, полных корейскими и китайскими военнопленными, возвращающимися из американских лагерей смерти — с островов Кочжедо, Чечжудо и Понган (фото № 1).

Воздух сотрясается от песен и восторженных криков. Вдруг над машинами взвились сотни флажков, спрятанных до того в складках лохмотьев, прикрывающих тела пленных. С приближением первого грузовика мы можем прочесть надпись на плакате, сделанную по-английски: «Освободите наших товарищей, подвергающихся зверским пыткам в Кочжедо, в зловещем «манкэйхауэ»!»

Военнопленные стали выходить из машин. Один опустился на колени и стал целовать траву, мелкие дикие цветочки, растущие на обочинах дороги. Другие бросились в объятия встречавших их товарищей.

Пленные срывают с себя одежду, скидывают обувь — все, что напоминает о лагерях смерти. Около американских машин возникли груды рваной одежды и лохмотьев (фото № 2). Многие не могли совладать с обуревавшим их гневом и кричали вчерашним мучителям: «Вы когда-нибудь ответите перед народами за все то, что вы с нами сделали!» Военнопленных встречающие поддерживают под руки — настолько они измучены (фото № 3 и 7). Я приблизился к одному из вернувшихся, глаза которого горели ненавистью. Пленные указали мне на этого человека, назвав его одним из руководителей движения сопротивления в лагере на острове Кочжедо. Имя его — Пак Ен До.

— Расскажите о «манкэй-хауэ», — попросил я его.

Пак Ен До на мгновение прикрыл глаза рукой:

— «Обезьяний дом» — это здание на Кочжедо, где американцы подвергали военнопленных дьявольским пыткам, чтобы заставить их остаться «добровольно» у Ли Сын Мана или Чан Кай-ши. Под звуки джаза палачи кололи нас раскаленными докрасна иглами, подвешивали ногами вверх, шлангом вливали в рот воду до тех пор, пока разбухал живот, затем били сапогами по животу...

Пак Ен До остановился, чтобы собраться с силами.

— Вы знаете, что слово «манкэй» по-американски означает не только «обезьяна», но и «забавляться», «развлекаться». Наши муки были для них развлечением и забавой.

...Все новые машины с высоко поднятыми плакатами проезжали мимо нас. Бывшие военнопленные распевали «Песню о Ким Ир Сене», «Песню о Мао Цзэ-дуне»; они изо всех сил кричали: «Да здравствует непобедимый лагерь мира и демократии!»

Я спросил одного из военнопленных:

— Когда и чем вы писали лозунги на плакатах?

— Мы их писали этой ночью, используя зубную пасту, — ответил он мне с улыбкой (фото № 4).

— Где вы достали флажки?

— Часть из них мы получили от жителей Южной Кореи по дороге от Инчхона к Муньсану. Некоторые мы красили своей кровью...

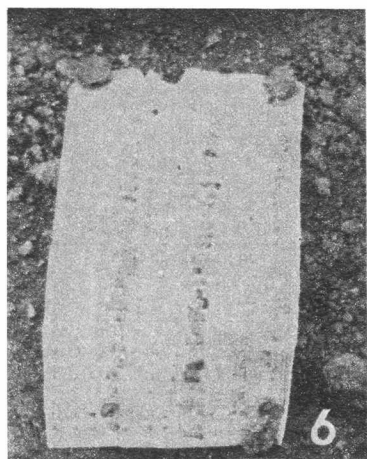
Вот из машины выходит юноша. В пути он сбросил выданную американцами одежду и остался голым (фото № 5). На его теле можно прочесть «историю» Кочжедо: еще не зарубцевавшиеся раны, следы ударов резиновыми дубинками. Он несет, как знамя, тонкие листки бумаги. На них военнопленные из лагеря № 64 написали обращение к Всемирному Совету Мира с разоблачением действий их мучителей. Под обращением 525 подписей, рядом с ними отпечатки пальцев, сделанные кровью (фото № 6).

— Они послали в наш лагерь агентов Ли Сын Мана — Чан Кай-ши, — рассказывает Тхе Тхе Ин, — чтобы «убедить» нас остаться у них. Они нам обещали золотые горы. Когда же убедились, что мы не верим их обещаниям, то они стали грозить. Угрозы встретили сопротивление. Тогда в нас стали бросать газовые бомбы. Двоих из наших товарищей они убили...

В другой группе военнопленные, вернувшиеся с островов Чечжудо и Иончходо. Один из них, по имени Ким Кук Се, — юноша с седыми волосами, лицо его пересекает глубокий шрам.

— Нас, пленных лагеря № 2 на Иончходо, — рассказывает он, — разделили на группы по тридцать человек, и в каждую группу являлись американский офицер и лисынмановец. Играя пистолетами, они спрашивали: «А ну-ка, кто хочет вернуться в Северную Корею и Китай, поднимите руку?!» Несмотря на угрожающе направленные дула пистолетов, поднялся лес рук. Провокаторам пришлось отступить...

В бараках возвращаются военнопленные получают сигареты и чай. Затем их размещают в корейских и китайских машинах и везут к зда-



как будто находились на родине. Было вдоволь вина, были музыка, танцы.

На пункте приема ООН дежурит целая стая корреспондентов американских, английских и других газет (фото № 9). Они всеми способами стараются выудить у возвращающихся хоть какой-нибудь «материал» для того, чтоб извратить положение в лагерях, где размещались военнопленные «армии ООН». Но улов у корреспондентов оказывается небогатым: неопровержимые факты о хорошем обращении с военнопленными ООН говорят сами за себя.

К нам подходит худощавый и долговязый американский корреспондент, с носом, похожим на клюв хищной птицы.

— Вы не знаете, какова судьба генерала Дина и когда он вернется? — спрашивает он нас вызывающим тоном. Его, очевидно, мало интересуют рядовые солдаты, ему нужна «сенсация». Характерно, что этот же вопрос задали нам в тот день представители ряда других буржуазных газет и телеграфных агентств.

Я думаю о том, как жестоко было разочарование создателей всяких газетных рассказов, когда они увидели генерала Дина, вернувшегося в Паньмыньчжон более здоровым, чем когда-либо. И еще больше они разочаровались, когда услышали заявление генерала о гуманном обращении с военнопленными «войск ООН» в Северной Корее.

Трудно забыть, с какой теплотой приветствовали жители Паньмыньчжона мучеников Кочжедо и других лагерей смерти (фото № 10). Я вспоминаю слова Че Кун Чола, вернувшегося из тихоокеанского бухенвальда — Кочжедо. Изможденный, обессиленный физически, он сказал мне со всей силой, которую дает могучая воля к жизни:

— Пытками и слезоточивыми бомбами нельзя задушить в человеке любовь к свободе и родине! Она противостоит всему и побеждает...

нию корейско-китайского Красного Креста. Здесь они моются, получают новую одежду и обувь и отправляются в Кэсон. Там ожидают их обильный обед, театральные зрелища, сеансы в кинотеатре, цирковые представления.

В помещении Красного Креста возвращающихся на родину встречает артистка китайской оперы Ши Май-лин. Вечером она должна выступать в спектакле «Ши сан», поставленном в честь вернувшихся.

— В этот вечер, — говорит она мне, — мы будем играть и петь, как никогда! Пусть наши товарищи почувствуют аромат родины...

И в самом деле, бывшие военнопленные жадно вдыхают воздух родных мест.

...Но вот другая колонна машин въезжает в Паньмыньчжон из Кэсона. В машинах военнопленные «армии Объединенных Наций» — возвращающиеся в свои страны американцы, англичане, филиппинцы. Не слышно песен, радостных криков, нет особых проявлений радости. Хотя над аркой, ведущей в палатки, красуется напыщенная надпись: «Ворота в свободу!», — прием носит холодный, официальный, протокольный характер. Нескончаемое жужжание неизвестно для чего прибывших сюда американских вертолетов не может заменить возвратившимся того теплого приема, которого они ожидали.

Военнопленные «войск ООН» бодро выскакивают из машин, в руках у них свертки с теплыми одеялами, чемоданы. Некоторые прижимают к груди гитары и мандолины, подаренные им в лагерях (фото № 8).

Я завязываю беседу с американским военнопленным Алоизом Проккоп. Он искренне рад, что наконец окончилась эта «абсурдная бойня».

— Я думаю, что почти все американские солдаты, — сказал он, — танцевали от радости, когда узнали о подписании перемирия. Никто из нас не знал и не знает, зачем нас послали сюда...

Он рассказывает о своей жизни в лагере пленных, о хорошей пище, о спортивных состязаниях, проводившихся там, о концертах, которые устраивали пленные.

— Мы никогда ни в чем не нуждались, — добавил Проккоп.

В разговор вмешивается английский военнопленный Кэрр:

— День коронации английской королевы мы отпраздновали так,



Концерт на полевом стане



Симфонический оркестр выступает на полевом стане.

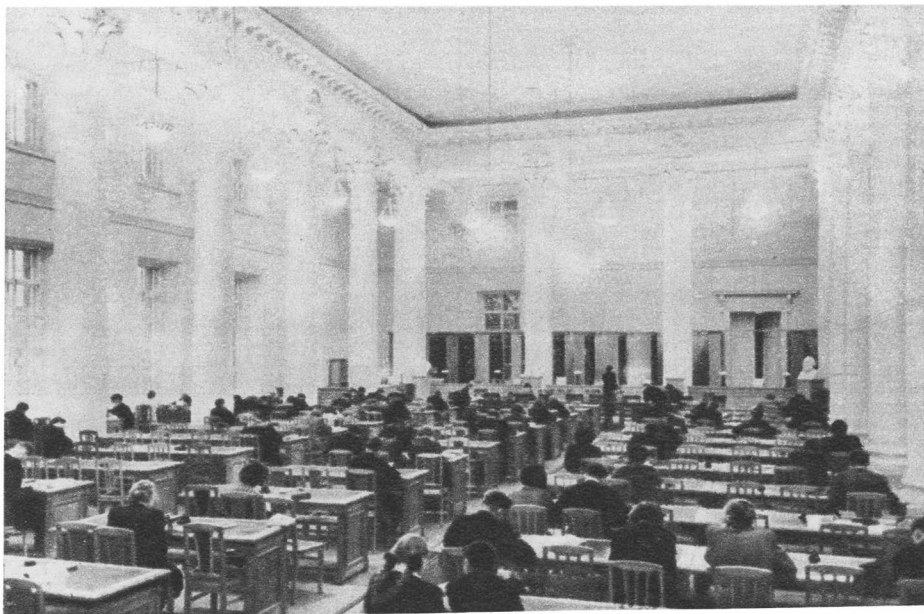
Фото С. Сыпневского.

Дирижер поднял палочку — и полились величественные звуки увертюры к опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила». На этот раз симфонический оркестр Свердловской республиканской государственной филармонии выступал с концертом не в концертном зале, не в огромном пролете цеха Уралмашзавода или завода «Уралэлектроаппарат», а на полевом стане тракторной бригады в колхозе «Победа», Арамилевского района, Свердловской области. Оркестр исполнил произведения русских классиков и советских композиторов.

Это был первый выезд симфонического оркестра Свердловской филармонии на полевой стан колхоза.

Н. РОЗИНА

Новый зал публичной библиотеки



Белоколонный зал филиала Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Фото Л. Зиверта.

Загорелый юноша с толстой клеенчатой тетрадкой в руках улыбается знакомой библиотекарше:

— С новосельем вас!

— И вас можно поздравить, — приветливо отвечает она.

Удовлетворенно оглядывают они огромный новый зал, открытый в Ленинграде к началу учебного года в филиале Государственной ордена Трудового Красного Знамени библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Здесь много света и воздуха. Высокие, десяти-метровые колонны поддерживают потолок с богатыми лепными украшениями. Из широких окон открывается вид на набережные реки Фонтанки и шумящий вдали Невский проспект. Но в старинном здании царит тишина. На ковровых дорожках не слышны даже шаги многочисленных посетителей. Удобны расставленные в зале столы, за которыми может разместиться около трехсот читателей.

Белоколонный зал — самый большой в старинном здании бывшего Екатерининского института. Площадь его — 750 квадратных метров. Во время войны он был сильно поврежден авиабомбой, но теперь полностью восстановлен в том виде, каким создал его почти полтора столетия тому назад выдающийся зодчий Джакомо Кваренги.

Все работы в зале выполнены воспитанниками ленинградского художественного ремесленного училища по проекту, разработанному научно-реставрационными производственными мастерскими Управления по делам архитектуры Исполкома Ленгорсовета.

Сейчас в читальных залах Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина насчитывается свыше 2 150 мест. Число посетителей библиотеки за последний год увеличилось до полутора миллионов человек.

Д. БЫСТРОВ

Турнир в Швейцарии

ИЗ ДНЕВНИКА

6 СЕНТЯБРЯ. Молодой Петросян уже очень давно не проигрывал. Но в этом турнире трудно избежать поражения. В острой схватке Петросян сегодня проиграл Тайманову. В цейтнотной перестрелке Бронштейн проиграл Сабо. Керес изумительно провел окончание и выиграл у Штальберга.

8 СЕНТЯБРЯ. Как это ни странно, а шахматную партию можно проиграть до ее начала, так сказать, в домашней обстановке, в рабочей лаборатории. Шахматист, конечно, серьезно готовится к турниру, разрабатывает разные секретные варианты, но иногда в разработанном варианте оказывается ошибка. Такая неприятность случилась сегодня с Болеславским в его партии с Кересом. И вот результат: примерно к тринадцатому ходу партия была практически закончена. У Болеславского не хватало «только» ладьи.

Интересно отметить, что подобная авария несколько позже произошла и с Таймановым, когда он играл против Эйве.

У Решевского со Штальбергом плохие отношения. Противники не приветствуют друг друга ни в начале, ни в конце партии. О своей капитуляции Штальберг объявил через секунданта.

9 СЕНТЯБРЯ. Очень мирный день. Шесть партий закончились ничью. Единственным «солистом» был Смыслов. Он добился важной победы в напряженной партии с Геллером.

После семи туров впереди Смыслов и Решевский. Они получили специальные призы за лучший результат первого периода турнира.

На прошальном вечере в Нейхаузене Смыслов выступал вместе с местным хором. Он успешно исполнил «Стеньку Разина» и своим мощным баритоном заглушил нейхаузенский хор.

12 СЕНТЯБРЯ. Последний тур в Нейхаузене прошел менее напряженно. С советскими шахматистами сердечно прощаются любители шахмат, мэры города. Они благодарят участников турнира за их визит в Швейцарию.

13 СЕНТЯБРЯ. Поездка предстоит не очень далекая; один час в автобусе проходит незаметно, и вот наша делегация в крупном швейцарском городе Цюрихе. Вечером играется девятый тур. Зрители сегодня были довольны: на всех досках напряженная борьба. Смыслов блестяще провел партию с Кересом и захватил лидерство в турнире.

Изумительно играл Эйве. С юношеским темпераментом он вел стремительные атаки и нанес первое поражение аргентинцу Найдорфу.

В этом турнире особенно важно иметь крепкие нервы. Наша молодежь не терпит. Вчера у Тайманова было плохое настроение: он проиграл Эйве. Сегодня он по всем правилам шахматного искусства переиграл такого опытного гротескстера, как Штальберг. Петросян добился важной победы в партии с Сабо, а Геллер беспокоил Решевского, который только точной защитой сумел добиться ничьей. Наши шахматисты постепенно разыгрываются.

С. ФЛОР

г. Цюрих (по телефону).

Советские парашютисты в Чехословакии

В городе Остраве состоялись соревнования парашютистов Болгарии, Чехословакии и СССР.

Более 100 тысяч зрителей собралось на аэродроме. Советские парашютисты-досафодцы продемонстрировали показательный групповой прыжок. Падая 30 секунд с нераскрытыми парашютами, спортсмены следовали друг за другом и, раскрыв парашюты, приземлились компактной группой.

Соревнования начались прыжками с высоты 600 метров. Надо было приземлиться точно в круг радиусом 30 метров. Лучшие результаты показали советские парашютисты И. Федчишин, П. Косинов, Н. Климов. Команда СССР набрала 39,0 очка, Болгария — 12,0, Чехословакия — 8,75 очка.

На другой день были проведены прыжки с высоты 1 000 метров в круг радиусом 50 метров. Лучших результатов также добилась команда СССР — 60,65 очка, Болгария — 42,20 очка, Чехословакия — 37,40 очка. Но лучший личный результат у болгарского спортсмена Петра Парапунова.

Остается третье, наиболее сложное упражнение — комбинированный прыжок с высоты 1 500 метров в круг радиусом 75 метров с задержкой раскрытия парашюта в 15 секунд. После первого прыжка лидируют Н. Щербинин и Н. Климов. Хорошие результаты показывает чех З. Каплан и болгарин П. Ташев. Напряжение все возрастает. Участники приступают к выполнению второго прыжка, решающего судьбу командного первенства.

Болгарин Петр Ташев прыгает отлично, у него большие шансы занять первое место в этом упражнении. Но вот покидает борт самолета Ни-

колай Щербинин. Он перебирает стропы, то подтягивая их, то отпуская, управляя парашютом, заставляя его перемещаться по направлению к кругу. С величайшим напряжением Щербинин борется с ветром, стремящимся пронести его через круг.

Щербинин приземлился в 8 метрах 59 сантиметрах от центра круга. Этим прыжком Щербинин отобрал у Ташева первое место в сложнейшем упражнении и закрепил первое место за своей командой.

Встреча прошла под знаком большой дружбы. Все участники соревнований выполняли прыжки на советских парашютах.

П. СТОРЧИЕНКО,
капитан команды,
мастер спорта.



Советская парашютистка В. Селиверстова поздравляет болгарина П. Парапунова с удачным прыжком.



КОГДА ЗАПОЛНЕНА ТУРНИРНАЯ ТАБЛИЦА

МОСКОВСКИЙ «СПАРТАК» — ЧЕМПИОН СТРАНЫ ПО ФУТБОЛУ

Номера п/п	Команды	Города	Спартак-М	Динамо-Т	Торпедо-М	Динамо-М	Зенит-Л	Локомотив-М	Зенит-К	Динамо-К	Локомотив-Х	Динамо-Л	Спартак-В	Количество очков I круга	Количество очков II круга	Общее количество очков	Соотношение мячей
1	Спартак	Москва	X	4:1	7:1	1:1	0:1	1:1	1:0	2:0	3:0	2:0	4:1	13	16	29	47:15
2	Динамо	Тбилиси	1:4	X	1:4	3:2	1:2	3:0	2:1	3:0	1:1	5:0	1:1	15	12	27	39:24
3	Торпедо	Москва	1:7	4:1	X	1:0	2:0	0:0	5:1	1:3	0:0	2:1	2:0	11	14	25	34:34
4	Динамо	Москва	1:1	2:3	0:1	X	2:0	3:0	1:1	2:0	0:0	2:0	1:1	11	12	23	34:19
5	Зенит	Ленинград	1:0	2:1	0:2	0:2	X	4:0	2:1	2:1	5:2	1:2	0:1	11	12	23	25:21
6	Локомотив	Москва	1:1	0:3	0:0	0:3	0:4	X	1:1	1:2	0:1	0:0	2:0	12	6	18	21:28
7	Зенит	Куйбышев	0:1	1:2	1:5	1:1	1:2	1:1	X	0:1	5:0	1:3	3:0	11	6	17	22:25
8	Динамо	Киев	0:2	0:3	3:1	0:2	1:2	2:1	1:0	X	3:0	1:1	1:1	7	10	17	21:26
9	Локомотив	Харьков	0:3	1:1	0:0	0:0	2:5	1:0	0:5	0:3	X	1:2	2:0	9	7	16	19:34
10	Динамо	Ленинград	0:2	0:5	1:2	0:2	2:1	0:0	3:1	1:1	2:1	X	1:0	4	10	14	20:33
11	Спартак	Вильнюс	1:4	1:1	0:2	1:1	1:0	0:2	0:3	1:1	0:2	0:1	X	6	5	11	10:33

Последние игры на первенство страны по футболу доставили много волнений болельщикам. Все меньше и меньше незаполненных клеток оставалось в турнирной таблице, но до последних дней никто не мог бы ответить на три вопроса. Кто станет чемпионом? Кто займет третье призовое место? Кому придется покинуть класс «А»?

Две команды вели упорную борьбу за титул чемпиона — московский «Спартак» и тбилиское «Динамо». И москвичи и тбилисцы шли к победе на предельных скоростях. Спартаковцы почти весь второй круг удерживали инициативу — они имели на два потерянных очка меньше динамовцев, однако многие любители прогнозов склонны были расценивать шансы динамовцев выше. Слишком трудный финиш предстоял спартаковцам.

И в самом деле последние игры принесли «Спартак» много огорчений. Ничья с московскими динамовцами (1:1) и поражение от ленинградского «Зенита» (0:1) могли дорого обойтись команде. Однако тбилисцы также потеряли драгоценных три очка. Успешно проведя игры на своем поле, они в который раз неудачно выступили в других городах.

Первый серьезный удар лидеру нанесли футболисты вильнюсского «Спартак», замыкавшие турнирную таблицу. Стремясь во что бы то ни стало остаться в группе сильнейших, литовцы играли энергично и непрерывно атаковали, а темпераментные южане оборонялись. Судья зафиксировал ничью — 1:1. В последнем состязании динамовцы Тбилиси не смогли противостоять дружной, целеустремленной игре столичных торпедовцев и потерпели поражение со счетом 1:4.

Этот проигрыш лишил команду возможности продолжать активную борьбу за первое место. Тбилисцам оставалось надеяться, что зенитовцы Куйбышева, с которыми спартаковцы проводили последнюю свою игру, добьются победы. Имея перед этой игрой равное число очков с тбилисскими динамовцами, спартаковцы

могли даже закончить встречу с ничейным результатом для того, чтобы сохранить за собой звание чемпиона. Только в случае поражения «Спартак» делил с тбилиским «Динамо» два первых места, и тогда вопрос о чемпионате должен был решиться в дополнительной встрече.

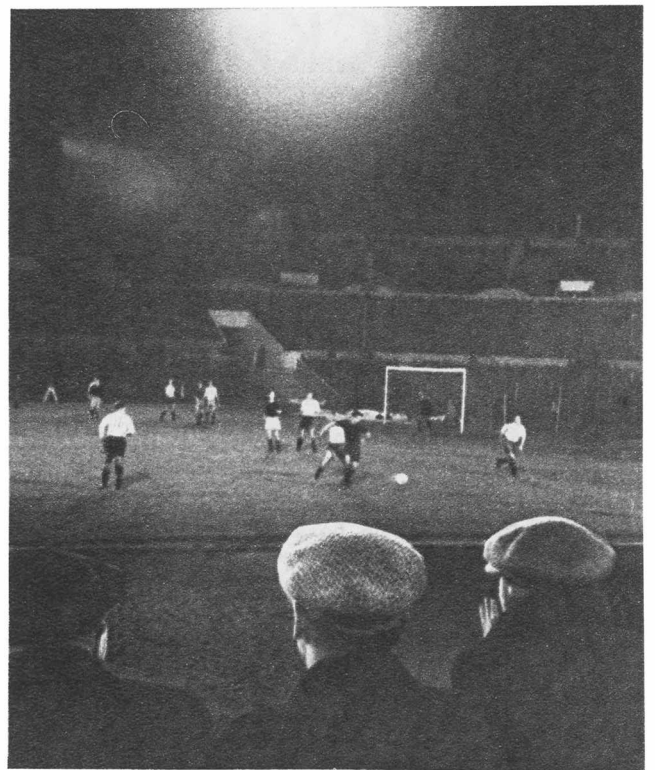
Спартаковцы приложили все усилия, чтобы выиграть ответственное состязание, и добились своего, победив со счетом 1:0.

Не менее захватывающая борьба разгорелась за третье призовое место. До последнего момента три команды: «Динамо» (Москва), «Торпедо» (Москва) и ленинградский «Зенит», — имея почти одинаковые шансы, стремились к тому, чтобы оказаться в третьей почетной графе турнирной таблицы. Хорошо финишировали торпедовцы. После блестящей победы над тбилискими «Динамо» они встретились с динамовцами столицы. В этой игре ничья устраивала динамовцев: при равном количестве очков с «Торпедо»

команда «Динамо» выходила на третье место, так как соотношение забитых и пропущенных мячей у нее было лучше. Автозаводцам во что бы то ни стало нужна была победа.

Эта игра надолго запомнится любителям футбола. Она была насыщена исключительно яркой борьбой. Торпедовцам удалось открыть счет только за две минуты до конца встречи. Капитан команды А. Гомес, бывший до этого поистине центром защиты, теперь сам пошел на штурм ворот «Динамо». Он передал мяч В. Иванову. Мгновение — и мяч перешел к центральному нападающему Е. Малову, который точным ударом в нижний угол ворот забил гол. Этот удар Малова и принес автозаводцам бронзовые медали.

О том, кто перейдет в класс «Б», стало известно только после встречи «Динамо» (Ленинград) — «Спартак» (Вильнюс). Эти команды имели одинаковое количество очков, одинаковые шансы оказаться за преде-



10 сентября. Команды «Торпедо» (Москва) — «Динамо» (Москва) ведут борьбу за третье место.

Фото А. Бочинина.

лами турнирной таблицы. Ленинградцы провели состязания дружнее и победили. Мяч, забитый Г. Бондаренко, обеспечил динамовцам право остаться в группе сильнейших футбольных коллективов страны.

Итак, турнирная таблица полностью заполнена. Ее цифры отражают борьбу, проходившую на зеленых полях, дают точную оценку мастерству каждой команды.

Прежде всего бросается в глаза уверенная поступь спартаковцев Москвы. 13 очков набрали они в первом круге и 16 — во втором. Только двум командам — харьковскому «Зениту» во втором круге и ленинградскому «Локомотиву» в первом круге и ленинградскому «Зениту» во втором — удалось победить чемпиона, да и то с минимальным счетом — 1:0. У «Спартак» наибольшее число забитых мячей (47) и наименьшее количество пропущенных (15).

Успех чемпиона не случаен. Он вызван серьезной работой тренеров В. Соколова и А. Дангулова с молодежью. Давно ли мы увидели на поле Б. Татушина, В. Васильева, А. Исаева, В. Агапова? Еще в прошлом

году любители футбола их не знали, а теперь они полноправные члены команды.

Московские спартаковцы имеют свой стиль, свой «почерк». Его характеризует быстрая игра, за счет коротких передач, максимальное использование всех футболистов в атаках и обороне. В ряде встреч, например, в играх второго круга с тбилиским «Динамо» и московским «Торпедо», чемпион показал настоящий большой футбол, которого давно уже не видели зрители.

Динамо Тбилиси заняли второе место. Южане долгое время возглавляли таблицу чемпионата, но на финише у них не хватило выдержки и, пожалуй, упорства. Не случайно во втором круге тбилисцы набрали на три очка меньше, чем в первом.

Особо хочется отметить успех автозаводцев. После игр первого круга они находились лишь на седьмом месте. На финише команда играла дружно, слаженно, с огромной волей к победе и заслуженно завоевала призовое место. Это — лучшее достижение торпедовцев за восемь последних чемпионатов. Успех автозаводцев также объясняется выдвижением молодежи. В команде «Торпедо» хорошо играли молодые футболисты В. Иванов, Е. Малов, Ю. Петров, Н. Сениоков и другие.

Только та команда имеет шансы на успех, где ежедневно, кропотливо воспитывают достойную смену мастерам. Прошедшее первенство показало, что многие команды успешно работают над повышением класса игры. Но эти успехи еще слишком незначительны. По-прежнему часто видим мы грубые ошибки защитников и однообразную игру нападающих, неумение бить по воротам.

Надо надеяться, что новые встречи команд в играх на Кубок страны будут способствовать дальнейшему улучшению класса советского футбола.

В. ФРОЛОВ



Команда «Спартак» — чемпион страны 1953 года. Справа налево: Н. Симонян, М. Пираев, А. Башашкин, Ю. Седов, И. Нетто, А. Парамонов, Н. Паршин, А. Ильин, Н. Тищенко, Н. Дементьев, В. Татушин.

Звезда
ОГОНЬКА

БОННСКИЕ РЕВАНШИСТЫ

Д. МЕЛЬНИКОВ и Л. ЧЕРНАЯ

Выборы в Западной Германии с самого начала готовились в Бонне и в Вашингтоне с расчетом удержать у власти реваншистскую группировку Аденауэра — этот штаб милитаризма и агрессии. Во время выборов были пущены в ход типично «американские методы» — разнузданный террор против прогрессивных немцев, подкуп избирателей, фальсификация результатов голосования на основе жульнического избирательного закона. Режиссеры боннских выборов сконструировали бундестаг, который носит еще более реакционный и милитаристский характер, чем прежний, избранный в 1949 году.

Среди милитаристской клики в Бонне, помимо самого канцлера Аденауэра, всегда выделялись такие «деятели», как Кайзер, Лер, Бланк. Это фигуры, в известной мере типичные для всех современных правителей Западной Германии. Попытаемся же напомнить, кто они такие.

Якоб Кайзер

В «генералы от политики» Якоб Кайзер был произведен сравнительно недавно — в 1947 году, когда перебрался из Восточной зоны Германии в Западную.

Сразу же после того, как Якоб Кайзер вступил на обетованную землю «Тризони», его назначили редактором одного из самых гнусных западногерманских листов, «Дер таг». Потом Кайзера сделали членом «парламентского совета» — это был прообраз нынешнего боннского бундестага. И, наконец, в 1949 году Кайзер стал «федеральным министром» в правительстве Аденауэра. Одновременно партия ХДС, детище западногерманских империалистов и их американских хозяев, почтила Якоба Кайзера избранием в заместители председателя партии.

Чинов и должностей Якобу Кайзеру, таким образом, не занимать. Но есть у него еще одна служба, которая едва ли обозначена в его послужном списке, хотя и является для Кайзера основной.

Если бы Кайзеру вздумалось как-нибудь посреди рабочего дня собрать вместе всех служащих своего «министерства по общегерманским вопросам», он оказался бы в затруднительном положении. Только небольшая часть его сотрудников отсиживает положенное время в служебном помещении в Бонне. Наиболее же деятельные чиновники Кайзера проводят многие дни в самых, на первый взгляд, неожиданных местах: в Берлине, на Вильденовштрассе, 40, или во Франкфурте-на-Майне, на Юлиусштрассе, 110. И если кто-либо из непосвященных заинтересуется, чем же, собственно говоря, заняты эти люди, ему ответят многозначительным молчанием...

Не всегда, впрочем, удается сохранить в тайне деятельность служащих ведомства Кайзера. Вот, например, история «Трех немцев». Ее поведал некоторое время назад западногерманский журнал «Дер шпигель». Трое молодых людей под общей кличкой «Три немца», переодевшись в форменные тужурки почтовых служащих, проникли в помещение телефонных станций демократического сектора Берлина. «Трем немцам» было дано задание заложить там взрывчатку. Когда их задержали, выяснилось, что они принадлежат к пресловутой «группе борьбы против бесчеловечности» — фашистской банде, которой непосредственно руководит «министерство» Якоба Кайзера.

А вот еще одна история. Георг Кернхен и Гюнтер Брауэр тоже были пойманы с поличным. Сначала они выкрали чертежи железнодорожных мостов в Германской Демократической Республике. Потом, как сообщал журнал «Дер шпигель», они перекалывали рельсы: «начали лить кислоту в машины на заводах ГДР». Кернхен и Брауэр собирались еще заделывать взрывчатые вещества в угольные скла-

ды в ГДР. Но на этом были пойманы с поличным.

В распоряжении Якоба Кайзера несколько замаскированных диверсантских организаций. Кроме фашистского «союза немецкой молодежи» и гангстерской «группы борьбы против бесчеловечности», под командой Кайзера состоит, например, так называемый «союз свободных юристов». В этот союз входят главным образом бывшие надзиратели гитлеровских концлагерей, прокуроры фашистских трибуналов, гестаповские шпики и палачи.

Людей, знакомых с биографией Кайзера, вряд ли удивит, что этот «политический деятель» тайком перебежал через зональную границу. Выражаясь фигурально, Якоб Кайзер не раз переходил всякие границы в поисках хозяина, готового хорошо платить. До 1933 года он предавал рабочий класс Германии отечественным немецким империалистам, после 1945 — американским монополистам.

На предвыборных митингах Кайзер любил предаваться воспоминаниям и доказывать, что он принадлежал когда-то к «простым людям». Все это, конечно, ложь. Уже на заре своей карьеры Якоб Кайзер был видным и хорошо оплачиваемым чиновником христианских профсоюзов — самых предательских из числа желтых профсоюзов Германии. Здесь он и прошел свою первую школу ханжества, лжи и измен. В 1933 году он уже депутат германского рейхстага от католической партии «центра», а в период гитлеровского господства он так же скоро стал своим человеком в кругу реакционнейших прусских генералов.

Когда кончилась война, Якоб Кайзер пролез в руководство христианской демократической партии в восточной зоне. Однако здесь его постигла неудача: он был разоблачен и поспешно бежал под крылышко западногерманских реваншистов.

И вот ныне карьера Кайзера достигла своего кульминационного пункта. Его речи о «воссоединении Германии» отличаются всегда особым лицемерием. Послушать Кайзера — и не подумаешь даже, что у этого человека всегда под рукой шайка убийц, поджигателей и прочих уголовных «воссоединителей».

Якоб Кайзер сделан из того же самого материала, что и самый последний из его агентов. Разница только в масштабе.

Роберт Лер

На портретах лицо Роберта Лера обычно озарено улыбкой. Но присмотритесь ближе — и вы разглядите характерное выражение хищника. Крупный нос, хищный рот, хитрые глаза, здоровенные кулаки...

Западные оккупационные власти не решились доверить Леру видный пост сразу же после крушения гитлеризма. В 1945 году он занял скромную должность в аппарате британской военной администрации. Не был включен Лер и в первый состав бундестага. Даже самые опытные фальсификаторы не могли бы приукрасить фашистское прошлое Лера. Только в 1950 году было решено выпустить Лера на политическую арену. И все же приключился неприятный казус. Депутат-коммунист Вальтер Фиш огласил на пресс-конференции документы, свидетельствующие о темных проделках Лера во время фашизма и его связях с гестапо. Документы были настолько красноречивы, что правым социалистам пришлось в демагогических целях потребовать официального разбора «дела Лера»...

Вкус к полицейской деятельности Лер обнаружил еще в ранние годы своей жизни. Воспитанный в офицерской семье, он мечтал не о военной карьере, а именно о службе в полиции. Мечты эти скоро осуществились. Роберт Лер поступил в дюссельдорфское полицейское управление. Усердие в деле подавления демократических сил Дюссельдорфа

создало ему соответствующую репутацию среди хозяев Германии. Пользуясь этим, Лер незаметно, но успешно обдeldывал и свои личные дела: путем различных комбинаций полицейский деятель приобрел пакет акций концерна «Рейнско-Вестфальские электрические заводы» на сумму в 42 миллиона марок.

В 30-х годах Лер — один из главарей так называемой Национальной немецкой партии — партии крупных империалистов и помещиков, которая, кстати сказать, первая в Германии ввела в свою программу пункты о «расовой чистоте». Кроме того он активный деятель полувоенной организации «Стальной шлем». И, наконец, опытному жандарму Роберту Леру доверяется пост обер-бургомистра Дюссельдорфа — столицы «стальной империи» немецких монополистов.

В январе 1932 года дюссельдорфские газеты вышли с огромными аншлагами: «Третья империя основана в Дюссельдорфе», «Гугенберг и Лер на аудиенции у Гитлера», «Обер-бургомистр доктор Лер на стороне нацистов»... Да, это Лер организовал встречу Гитлера с агентами рейнско-рурских промышленников. Во время этой встречи Гитлер и получил благословение на организацию фашистского путча...

Вплоть до 1945 года фашистское правительство регулярно и полностью выплачивало экс-бургомистру Леру его жалованье. В 1938 году Лер принял из рук Гитлера особую медаль и звание «почетного гражданина».

В эти же годы Лер выступил и на литературном поприще. Он написал сочинение, которое вполне можно было бы озаглавить «Дневник провокатора». О своей деятельности в Веймарской республике он писал: «На своем участке я работал очень энергично... наряду с предварительной цензурой газет и постоянным отслеживанием собраний, я ввел еще слежку за отдельными лицами, а также создал самую разветвленную разведывательную сеть... На основании добытых таким образом сведений всех активных деятелей арестовывали...»

Роберта Лера называют в Западной Германии «Боннским Гиммлером». «Боннский Гиммлер» всегда был одним из самых ближайших помощников Аденауэра. И это не случайно: жандарм и провокатор с многолетним стажем — фигура крайне необходимая германским милитаристам и их американским хозяевам. При всем этом Лер, как и другие его боннские коллеги, имеет свою маску для «широкой публики». На официальных церемониях он играет «верующего христианина», болтает о «смирении», «любви к ближнему». Полицейский шпик выглядит, правда, довольно нелепо в этой роли, но такова уж «служба» всех боннских предателей немецкого народа.

Теодор Бланк

В короткий срок Теодор Бланк сделал головокружительную карьеру. Еще три года назад он был «темной лошадкой», никому не известным профсоюзным чинушей в Руре, случайно пролезшим в бундестаг от партии ХДС. А теперь Бланк — фактический военный министр в боннском рейхе. По оценке корреспондента Ассошиэйтед пресс Джорджа Болтона, он «персона номер один» во всем, что касается воссоздания вермахта в Западной Германии.

«Я кое-что понимаю в военном бизнесе!» — хвастливо заявил Бланк в своем интервью реакционной западногерманской газетенке «Зольдатенцейтунг».

Лишь только Аденауэр назначил Теодора Бланка на высокий военный пост, этот ренегат, болтающий о любви к «простым людям», повел себя так же, как повел бы себя на его месте любой матерый милитарист.

Прежде всего Бланк выбрал себе подходящую резиденцию, а затем — подходящих сотрудников.

Резиденция Бланка — бывшее фашистское воинское управление на Эрмелькейльштрассе в Бонне, иными словами, большая гитлеровская казарма. Усевшись в этой казарме, обнесенной со всех сторон колючей проволокой, Теодор Бланк сразу же недвусмысленно дал понять, что считает себя продолжателем военных традиций Гитлера... Правда, когда Бланк водворился в старом фашистском логове, произошел некоторый конфуз. Оказалось, что на задней стене казармы еще в гитлеровские времена были начертаны красноречивые слова:

«Путь к отступлению должен оставаться открытым». Теодор Бланк поспешно приказал замазать неприятную надпись...

Сотрудники Бланка (а у него их пятьсот человек!) оказались поддать его штаб-квартире. Это известные фашисты, занимавшие при Гитлере высшие военные посты. Ближайшими помощниками Бланка являются: бывший начальник штаба Роммеля генерал Ханс Шпейдель, бывший начальник оперативного отдела гитлеровского генштаба Адольф Хойзингер, полковник гитлеровского генштаба Курт Фетте, ярый милитарист граф Кильмансзег и, наконец, фаворит Гитлера майор Аксель фон дем Буше.

С первого же дня карьеры Бланка между новым военным «фюрером» Аденауэра и старыми генералами Гитлера установилось полное взаимопонимание. «Все офицеры генштаба, — пишет журнал «Дер шпигель», — поражены способностью Бланка вникать в образ мышления военных». «Тео Бланк — настоящий прусак», — захлебывается от восторга «Зольдатенцейтунг».

В ведомстве «штатского» Бланка фашистские полковники и генералы чувствуют себя отлично. В свою очередь, слышущий «простым парнем» Бланк борется за «честь» фашистско-генеральского мундира. На совещании военных представителей США, Англии, Франции и Западной Германии в Петербурге в начале 1951 года, где Бланк дебютировал в качестве главы боннской делегации, он потребовал, чтобы экс-генералов Гитлера отныне называли не «бывшими генералами», а просто «генералами»... Летом же 1952 года в Париже во время переговоров о так называемом «европейском сообществе» Бланк, как писала газета «Зольдатенцейтунг», «не только говорил «немецким языком» во всех отношениях, но попросту выбросил в мусорный ящик план Плевена о «немецких батальонах» и настоял на создании немецких дивизий».

В одном из своих радиointервью Бланк заявил, что западногерманские части «европейской армии» могут быть направлены в другие европейские государства. Бланку явно не терпится пустить вооруженных до зубов фашистских молодчиков по старым гитлеровским путям — в города и села Франции, Голландии, Бельгии.

Заокеанским монополистам весьма импонируют повадки главы боннского «ведомства безопасности». В конце июня по приглашению своих американских покровителей Бланк ездил в Вашингтон. Его сопровождали и Хойзингер, и Фетте, и другие бывшие гитлеровские генералы и полковники. Бланк совещался с Алленом Даллесом, руководителем американской службы контрразведки и шпионажа. Одновременно правая рука Бланка Хойзингер, вел переговоры с начальниками американских штабов. Таким образом, «программа» переговоров Бланка была всеобъемлющей: она охватывала и вопросы организации новых актов диверсии и шпионажа, и вопросы формирования западногерманского вермахта.

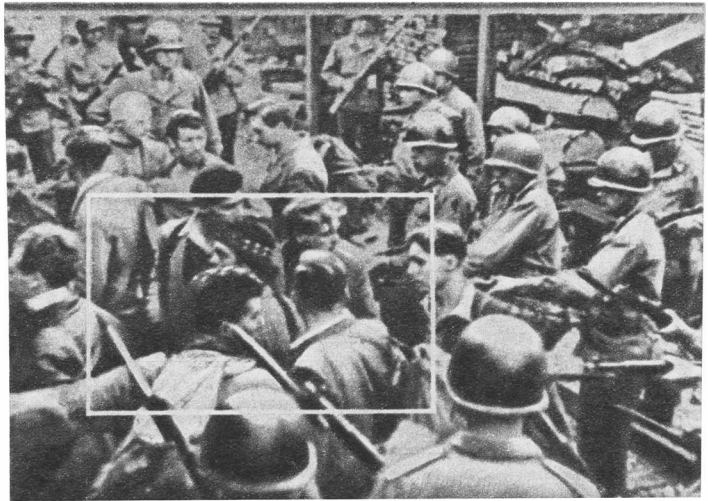
Но Теодор Бланк не просто ярый милитарист гитлеровского типа, дорвавшийся до власти. Он еще и один из главных демагогов в боннском рейхе.

В политическом багаже Бланка есть и христианский елей, которым Бланка снабдили агенты Ватикана, орудовавшие в свое время в партии «центра» и в рурских христианских профсоюзах, где он подвизался еще до прихода гитлеровцев к власти. Очень пригодились Теодору Бланку уроки фашистского профсоюзного «фюрера» Лея, который подкармливал Бланка при Гитлере. Но это еще не все. Теодор Бланк так же, как и другие западногерманские политики, успешно усвоил все методы и приемы американских демагогов: их умение делать свои грязные дела под маской «демократии», их притворство, их чудовищное ханжество... Заблагоразумно построив себе комфортабельную виллу в Дортмунд-Бракеле, Бланк в то же время принимает своих посетителей в крохотном кабинете. Стараясь изобразить себя скромным и неприхотливым «работягой», он разъезжает в старом «мерседесе». Особенно усердствовал рекламный аппарат Бланка в дни выборов в Бонне, придумывая все новые и новые трюки, чтобы выставить своего шефа в обличье «человека из народа». Делалось это, разумеет-

Грязные руки

На страницах «Правды» недавно была разоблачена направленная против народа гнусная фотофальшивка, состряпанная издающимся в Мюнхене журналом «Куик». Фальсификаторы, не слишком утруждая себя, обнарядили ножами со всех сторон фотоснимок, обшедший печать ряда стран и опубликованный, в частности, и в «Огоньке» (№ 37 за 1951 год). Снимок этот, на котором видны вооруженные американские солдаты, окружившие группу французских и английских юношей и девушек, направленных на молодежный фестиваль в Берлин через Австрию, был превращен с помощью ножиц в «документ», к которому была пристроена подпись о подгоняемых штыками «рабочих-рабах» в Германской Демократической Республике.

Ниже приводятся оба «варианта» фотографии. Вверху — снимок в полном виде, где ясно видны направленные на группу молодых французов и англичан штыки американских солдат и столь же отчетливо виден шотландский головной убор на голове одного из юношей. Внизу — тот же снимок, «обработанный» наемными клеветниками из «Куик».



ся, для того, чтобы торговец пушечным мясом, лакей американских и западногерманских империалистов Теодор Бланк мог сохранить свой пост — пост вербовщика немецкого пушечного мяса для новой войны.

«Свои люди» кайзеров и леров

Кайзер, Лер, Бланк — все это, так сказать, известные лидеры ХДС, «делающие политику» в аденауэровской партии милитаристов и реваншистов.

Но каждый из них нуждается в «своих людях», как в свое время Гитлеру, Герингу, Гиммлеру нужны были штурмовики и эсэсовцы, телохранители и жандармы, шпики и осведомители.

По приказу боннских реваншистов «свои люди» разгоняли предвыборные митинги Коммунистической партии Германии, в помещениях для голосования по несколько раз изображали из себя «избирателей». Эти эсэсовцы наших дней избивали по ночам честных немцев, которые хотят мира и единства для своей родины. В дни провокации 17 июня они поджигали магазины и устраивали погромы в помещениях демократических организаций Берлина.

Вы не найдете биографий этих людей в солидных буржуазных справочниках. Зато в архивах гестапо большинство их фигурировало под каким-либо определенным номером. Их имена значатся одновременно в списках американской и английской разведок.

Перед нами фотография одного из таких молодчиков, Кирхнера: испитое лицо постоянного посетителя воровских притонов; взгляд исподлобья — одновременно подозрительный (не схватит ли кто за шиворот?) и оценивающий (нельзя ли здесь пожить?). Это один из людей того типа, которых Гиммлер охотно вербовал когда-то в СС и гестапо.

Воровская карьера этого «рыцаря западной культуры» (так боннская пропаганда окрестила участников провокации 17 июня) началась еще в семнадцатилетнем возрасте. За воровство он попал в дом заключения для малолетних. В дальнейшем это повторялось с ним неодно-

кратно. Долгое время Кирхнер возглавлял шайку бандитов, которая терроризировала население в окрестностях Лейпцига. 17 июня его банда и была переключена на организацию погромов в Лейпциге.

Или вот другой фашистский молодчик — Третбар. В начале 1953 года он был приговорен к шести месяцам тюремного заключения за кражу. Досрочно освобожденный из тюрьмы, он примкнул к воровской шайке. В «день икс» Третбар по сигналу американской радиостанции «Риас» начал грабить вместе со своими приятелями продовольственные магазины в восточном Берлине.

Не менее показательна фигура некоего Незера. Еще в 1951 году Незер совершил бандитское нападение на работника СЕПГ, после чего бежал в Западный Берлин. Налетчик прошел там обучение в шпионско-террористических центрах, а затем был послан обратно — для диверсионной работы. Незер обосновался в деревне Гертице, где сумел получить земельный надел, выдавая себя за крестьянина. Тут Незер вербовал агентов для шпионско-диверсионной работы. За несколько дней до фашистской провокации, призывая к мятежу, он угрожал, что скоро настанет день, когда деятели СЕПГ и «дети их будут разрублены на куски». Агент иностранных разведок Незер был обезврежен, предстал перед судом и признан в своих преступных деяниях.

Маневры реваншистских правителей Западной Германии разоблачают их как ярых врагов мира и безопасности народов. Их действия показывают, что они ничего общего не имеют с интересами германского народа, стремящегося к единству Германии, к заключению мирного договора, к скорейшему справедливому разрешению германского вопроса. Немецкие патриоты знают, что эти национальные требования германского народа могут быть осуществлены лишь вопреки прощам аденауэров, кайзеров, леров, бланков и их иностранных покровителей.

ОБНОВЛЕНИЕ ЗЕМЛИ

С. КАНАНЫКИН

Кто из минских старожилов не помнит Комаровского болота? Оно охватывало северо-восточную окраину города, пользовалось дурной славой гиблого места и считалось непроходимым. Летом poblжности от него стояли лагерем царские войска, производились учения. Одно из вольных упражнений солдаты прозвали «жилы вон». Выполнение его считалось свидетельством высшей воинской выучки. За «жилы вон» — пеший марш через болотную топь на ту сторону — ловкачу полагался полтинник. Из сотен попыток заработать «на табачок» удавались две — три. Несколько лет таких учений «на интерес» обошлись тогдашнему военному округу в четырнадцать рублей...

В наши дни на месте этого болота — ровные поля Минской опытной станции. Ее создали по инициативе Вильямса еще в 1911 году. Это было первое научное учреждение России, которое вступило в первый разведывательный бой со стихией болот.

С тех пор удалось разведать многое. Установили, что потенциал торфяных почв значительно выше лучших черноземных, что их урожайность в 4—5 раз больше, чем почв минеральных, и что урожай озимой ржи на них, например, можно довести до баснословной цифры — 80 центнеров с гектара.

Обнаружились, впрочем, и отрицательные стороны торфяных почв, избыточно богатых азотом. Зерновые культуры, развивая в условиях повышенного азотного питания чрезвычайно мощную зеленую массу, в конце концов не выдерживают собственной тяжести, надламываются и полегают. С этим бичом зерновых ведется долгая борьба. Применяются многие меры: ранний сев, мелкая заделка семян, укатка — уплотнение — почвы, бактериализация ее, внесение калийно-фосфорных удобрений, селекционный отбор семян наиболее перспективных сортов, — однако пока без решительного успеха...

Так или иначе, но о могучих питательных свойствах торфяных почв народ Белоруссии знал уже очень давно. Первые попытки осушить отдельные участки на землях магнатов и помещиков были сделаны в Полесье еще в XVII веке. В конце прошлого века осушением болот занялась экспедиция генерала Жилинского. Но вся эта затея была оставлена: несложный подсчет показал, что на осушение ручным способом почти 5 миллионов гектаров полесских болот и заболоченных земель, даже если удастся запрячь в эту каторжную работу десятки тысяч грабарей, понадобится не одна сотня лет...

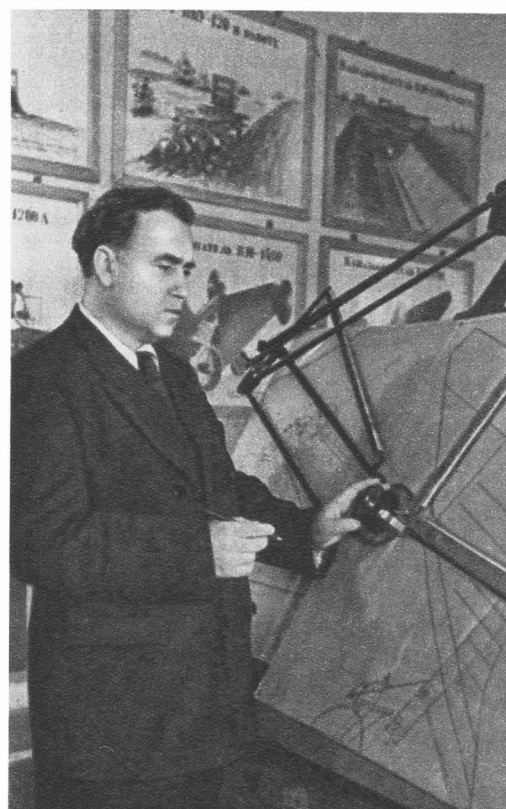
Так обстояло дело в прошлом.

Что же такое полесские болота? Это огромная торфяная «губка», избыточно насыщенная водой, которой питается река Припять и в значительной степени Днепр. Задача заключается в том, чтобы осторожно отжать эту «губку». Не выжать ее до крайности, как варварски пытался это сделать генерал Жилинский, а именно отжать! Умело и в меру. С таким расчетом, чтобы на осушенных болотах стало возможным высокоэффективное земледелие и притом не пострадали «интересы» Днепра: его водное питание и энергетическая мощь. Это достигается путем создания системы двустороннего регулирования водного режима болот. Вот почему «Белгипроводхоз» проектирует создание не только осушительных каналов, но и шлюзов, водоемов. Значит, болотная вода будет не только «сбрасываться», но в случае необходимости, — например, в засушливые годы — и удерживаться. В этом техническая суть всей проблемы, решением которой занимаются тысячи людей науки и техники и едва ли не половина научных учреждений всей Белоруссии.

В сложном узле полесских проблем есть одна особенно острая, до сих пор не решенная, а потому вызывающая наибольшее беспокойство: это — некоторое отставание сельскохозяйственного освоения осушенных болот от чрезвычайно высоких темпов работ по их осушению.

В просмотровом зале киностудии «Беларусь-фильм» показывали хронику: прибытие в один из колхозов новейших осушительных опытных машин Института механизации сельского хозяйства Академии наук Белоруссии, возглавляемого лауреатом Сталинской премии академиком Михаилом Ефремовичем Мацепуро. На экране двигались ведомые тракторами «С-80» мощные болотные плуги, кусторезы, дренажные крот-машины для прокладки в глубине торфяной толщи мелких подземных сточных артерий, и наконец, возбуждая всеобщее изумление, прополз по деревне огромный механизм — плуг, похожий одновременно и на танк и на какую-то сказочную приземистую птицу со стальными могучими полураскрытыми крыльями.

И хотя оператор предупредил, что заснять работу этих машин из-за проливных дождей не удалось, а успел он снять только встречу механизаторов колхозниками, кадры кинохроники произвели яркое впечатление. Запомнились сцены, когда вся деревня, от мала до



Михаил Ефремович Мацепуро.

Фото Б. Вдовенко.

велика, вышла встретить желанных гостей. Механизаторам горячо пожимали руки и угощали молоком с хлебом, словно солдат-освободителей. Затем народ плотным кольцом окружил Михаила Ефремовича Мацепуро, и тот объяснял устройство новой машины — «Кум».

— В отличие от экскаватора «Кум» — механизм непрерывного действия... — звучал с экрана высокий баритон ученого. — Прокладывая осушительные каналы глубиной от 60 сантиметров до одного метра, он действует по принципу плуга, что обеспечивает весьма высокую эффективность работы. Канавокопатель заменяет тяжелый ручной труд 500—600 грабарей. Осушительные каналы, которые экспедиция генерала Жилинского провела за 25 лет, двадцать таких «Кумов» способны отрыть за 25 дней.

Слушая это, народ только ахал.

Когда в зале зажегся свет, я узнал в плечистом веселом моем соседе академика Мацепуро. К нему, в Институт механизации, мы поехали вместе.

Впервые за много дней упорного ненастья небо посветлело, и Мацепуро настроен весело. Говорит радостно, охотно и много.

По пути я узнаю много интересных вещей: что для образования болота необходима водонепроницаемая «подстилка», что под торфяной толщей Полесья простирается древний «кристаллический щит», что колы скоро на первичном, так сказать, «новорожденном», болоте образовался слой торфа, болото уже само, благодаря колоссальной способности впитывать влагу из воздуха, приобретает способность питать себя водой и что влажность торфяной массы может достигнуть чудовищной цифры — 90 процентов.

— Никакая минеральная почва на такое дело не способна. Никакая!.. В истории болот — в Англии в восемнадцатом веке — был даже такой случай...

И я слышу рассказ о том, как Солвейское торфяное болото после длительных дождей вздыбилось над окружающей равниной на несколько метров и лопнуло.

— Разлилось по окрестностям торфяным киселем, поглотив целую деревню!

Все четыре стены кабинета Мацепуро густо покрыты фотоизображениями моделей всевозможных машин и механизмов. Здесь было все, что создал ученый за два с лишним десятилетия своей деятельности, — наглядное воплощение его биографии...

ПОРТРЕТ ИЗ 800 ТЫСЯЧ РАСТЕНИЙ



В Москве, у входа в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького, можно увидеть огромный портрет великого русского писателя, имя которого носит парк. Над портретом работали художник-растениевод А. Беляев и архитектор парка В. Савилов. Им удалось передать мельчайшие детали выразительного лица Горького: и крохотные морщинки на лбу и прямой горьковский взгляд из-под нависших седых бровей. Портрет сделан из герани, бегоний и других, так называемых ковровых растений, которые растут на цветочных клумбах.

Обычно портреты из цветов бывают горизонтальными, лишь слегка приподнимаются над землей. Ныне впервые сделан вертикальный цветочный портрет.

Зеленые, пунцовые, красноватые, серые, желтые, серебристые — 800 тысяч растений самых разнообразных оттенков — такова была палитра художника. Портрет сохранился до заморозков, так как ковровые растения не боятся холодных ночей.

О. СЛЕЗКИНА

Фото Г. Санько.

...Детство маленького Михася Мацепуро было трудным. У отца его — сельского кузнеца — был ничтожный надел и восемь ребят. Мальчик рано узнал нужду, вкус древесной коры, тяжелый труд. С семи лет он уже помогал отцу в кузнице. Отец — по натуре человек беспокойный, — кроме ломов и подков, выделывал простейшие сельскохозяйственные орудия, всю жизнь возился тайком с какой-то машиной... Старик передал сыну дух беспокойства, привил ему «чувство металла», научил любить механизмы, машины.

Увы! На машины богатого соседа-помещика Горвата, на его сеялки, молотилки и жатки, мальчик имел возможность смотреть только издали. В крестьянских хозяйствах той поры такой «роскоши» не водилось. Зато в избытке было вокруг родной деревеньки болот, кислых почв и очагов малярии.

После революции, когда Михаил Мацепуро, окончив среднюю школу, стал народным учителем села Ледневичи, Богушевского района, он решил сделать то, что не удалось покойному родителю, — машину для выкапывания картофеля. Николай, старший брат, ставший по примеру отца кузнецом, поддержал. В условиях Белоруссии, где «бульба» (картофель) была долгое время едва ли не ведущей культурой, такая машина явилась бы ценным подарком народу. Отцовская кузница наполнилась звоном металла. Братья ковали, клепали, точили... Через год звон и гул прекратились. Машина не получилась. Хватало и железа, и упряма, и воли к победе, но не хватило знаний... Эта крупнейшая из неудач, которую испытал Михаил Мацепуро, — поворотный пункт во всей его жизни. Он садится за книги, много и упрямо работает. Так проходит год, и наступает долгожданный день. С путевкой Оршанского окружного комитета комсомола юноша едет в Ленинград и сдает экзамены в Политехнический институт имени Калинина. На чет-



Экскаваторщица Елена Шинкоренко, выполняющая норму на 150 процентов.

вертом курсе началась специализация. Мацепуро решил стать конструктором-исследователем.

Окончание института — крупную победу — он отмечает другой, принципиальной победой: картофелеуборочная машина, созданная им, занимает на всесоюзных испытаниях первое место.

Окрыленный успехом, Мацепуро создает в течение ближайших лет ряд отличных механизмов и машин, в том числе машину для фрезерования торфа.



Вверху — канавскопатель на прокладке осушительных канав в колхозе «Коминтерн». Внизу — пловучий экскаватор на очистке русла реки Ипы.

Незадолго до войны партия и правительство выносят постановление об осушении Полесья в невиданных дотоле масштабах. Для Мацепуро это был призыв к новым действиям. У него зародилась идея создать мощный канавокопатель.

Но всему помешала война. Михаил Ефремович принимается вплотную за эту работу лишь после победы, уже будучи известным ученым. Осуществление смелой идеи началось с кропотливого и трудоемкого исследования физико-механических свойств полесских болот... В кратчайшие сроки исхожены и изъезжены десятки разнотипных болот, преодолена не одна сотня километров зыбкого и опасного пути по болотам.

Малоутешительный вывод гласил: мощный трактор, который должен будет повести за собой канавокопатель, сможет пройти по полесским трясинам лишь «в один след». А если рискнет пойти по собственному следу вторично — увязнет. Это означало, что будущий агрегат должен вырыть канаву за один проход. Все авторитеты отрицали такую возможность, справедливо считая, что тяговой силы трактора на это не хватит. «Поймите же! — говорили они Мацепуро. — Тут заколдованный круг».

Но тот сделал другой вывод: если в трудных условиях болот физически невозможно с одного раза вырыть канаву силами одного трактора, то почему же не сделать ее силами трех, а то и пяти тракторов?

«Какая громоздкая, пятиэтажная... чушь!» — воскликнул по этому поводу на одной довоенной академической сессии, посвященной проблеме Полесья, некий профессор.

Он не был одинок, этот ярый защитник испытанного экскаватора от вторжения проблематичного канавокопателя. Короче, часть ученых подвергла замысел Мацепуро уничтожающей критике.



Корчевание пней в колхозе имени Ф. Э. Дзержинского.





Осушительный канал в колхозе имени А. В. Суворова.



Подъем целины в колхозе «Коминтерн». На переднем плане (слева направо): директор Домановичской машинно-мелиоративной станции И. И. Альшевский, старший раймелиоратор Г. Ф. Пьявкин, председатель колхоза П. А. Назаренко.



Конструктору пришлось мобилизовать всю волю, настойчивость, все силы коллектива своего института, чтобы в столь трудно сложившихся обстоятельствах продолжать работу. Канавокопатель все же создали. Однако первые шаги новорожденной машины по болоту были неуклюжи. Машина шла трудно, то и дело увязала, часами простаивала.

— В первоначальной конструкции пришлось кое-что изменить, облегчить, многое сделать заново, десятки раз испытывать на болоте и вновь поломать!..— вспоминает Михаил Ефремович, рассказывая по кабинету. — Но постепенно, в результате многих-многих месяцев воедливой, придирчивой работы, нам удалось кое-что сделать..

★ ★ ★

Наконец-то солнце! Окончательно поборов непогоду, точно наверстывая упущенное, оно палит немилосердно. В машине, на которой мы мчимся с Мацепуро на болота, нестерпимо жарко.

К вечеру мы приехали в колхоз.

Утром в присутствии всей деревни «Куму» был дан старт. Влекомый тремя тракторами, гигантский плуг врезался в торфяную толщу болота, которое испокон века подступало к самой деревне. Побросав все дела, народ смотрел и не верил глазам. Тяжеленные тракторы, снабженные для облегчения хода гусеницами-уширителями, ровно и плавно шли по болоту, таща за собой «Кум». Он двигался беззвучно, рождая лишь характерный упругий хруст — хриплый звук разрываемых корневищ, корней и корешков отмерших растений, которыми пронизан торф.

И с каждым метром продвижения «Кума» позади него оставался аккуратно отрытый метр готового канала...

К вечеру все было кончено. Вся немалая площадь бывшего болота была прорезана сетью канав. Коллекторная канава уже наполнилась водой, и люди, лепясь по обе стороны ее на гребешках кавальеров, смотрели, как плескались в ней гуси, утки, ребята...

Стадо колхоза имени И. В. Сталина на осушенных лугах.



Старейший мелиоратор артели имени И. В. Сталина колхозник А. А. Закружный и его внук тракторист Владимир Брель.



Сенокос на осушенных землях в колхозе имени И. В. Сталина.

Фото М. Савина.

Знатная звеньевая колхоза имени И. В. Сталина Вера Кравченко, награжденная орденом Трудового Красного Знамени и двумя медалями «За трудовую доблесть».



ТОКИ ВЧ

варят консервы

Георгий БЛОК

Можно ли сварить рыбу не в кипятке, а в холодной воде, и так, чтобы рыба при этом была горячей, а вода — чуть теплой?

Можно ли, положив яйцо в обыкновенную стеклянную банку, набитую снегом или льдом, приготовить яйцо вкрутую, не растопив ни снега, ни льда?

Можно ли сварить грушу или яблоко в сахарном сиропе так, чтобы он оставался прохладным?

Наш повседневный опыт гласит: сделать этого нельзя. В лучшем случае кто-нибудь подумает: «Все это ловкие фокусы». Однако достаточно посетить Научно-исследовательский институт консервной промышленности, что на Дмитровском шоссе, в Москве, чтобы убедиться в могуществе современной техники, нередко оставляющей позади самые изощренные выдумки фокусников. Удивительные опыты ставятся здесь людьми, стремящимися передать отечественной промышленности открытия и завоевания науки.

На столе за прозрачными стеклами маленького аквариума плещется рыба — заурядный карась. Сбоку, опущенный ртутным шариком в воду, примостился термометр. К наружным стенкам с двух сторон прижаты металлические пластинки, от каждой тянется провод. Поворачивается рукоятка рубильника. Как будто ничего не случилось. Ртутный столбик попрежнему неподвижен. Но что за странность, почему карась проявляет признаки беспокойства? Он словно пытается бежать, мечется...

Касаемся рукой стенки аквариума — стекло холодное. Правда, ртуть чуть дрогнула, но температура воды совершенно безопасная для живой рыбы — 25 градусов. Почему же карась затихает и спустя короткое время всплывает брюшком вверх?

Глядим на термометр — 27 градусов. В чем дело? Неужели такой небольшой подъем температуры мог в столь малый срок заставить рыбу «уснуть»?

Через минуту карась захватывают щипцами и вынимают. От него валит пар. Рыба сварилась в прохладной воде аквариума!

Свежее сырое яйцо укладывают в банку со льдом. Снаружи к стенкам банки приставляют те же две пластинки. Снова включают рубильник и пускают секундомер.

Проходит три десятка секунд. Скорлупа лопается, наружу прорывается белок — яйцо готово, а лед цел и невредим, только слегка прослезилась те стороны его граней, что примыкают к яйцу. Яйцо очищают от скорлупы, разрезают пополам. Оказывается, равномерно сварилась вкрутую и белок и желток...

Румяное яблоко опускают в стеклянный сосуд со сладким сиропом. Снова продлеваются знакомые уже приемы. Минуту позже нам предлагают попробовать приятно пахнущее, обжигающее пальцы яблоко, извлеченное из сиропа комнатной температуры. Оно несравненно вкуснее яблока, сваренного обычным способом.

В любом учебнике физики сказано, что тепло распространяется непосредственно от источника его излучения. А мы наблюдали стран-

ное явление: сироп, окружающий яблоко, оставался прохладным, а тепло, миновав его, нагрело плод. Термометр, вставленный в его сердцевину, показал бы около ста градусов выше нуля.

Если бы опыт продолжался, то тепло, исходящее яйцом, растопило бы лед, рыбой, — согрело бы воду, а затем и стенки аквариума. Другими словами, тепло шло бы в обратном направлении.

Каков же источник этого тепла? — Это электрический ток высокой частоты, — говорит Б. Н. Зелен, руководитель лаборатории, где нам показали все эти «волшебные» опыты. — Его отличие от обычного переменного тока — им мы пользуемся в повседневной жизни, например, для освещения — заключается в том, что он меняет свое направление в сети не 50 раз в секунду, а сотни тысяч и миллионы раз.

Токи высокой частоты, или, как их сокращенно называют, токи ВЧ, вырабатываются генераторами. Без них было бы немислимо развитие и совершенствование радиосвязи, изобретенной великим русским физиком Александром Степановичем Поповым.

Мощные высокочастотные генераторы — их сердце — электронные лампы — проникли в различные области науки и техники. Широко известность они получили в промышленности. Сюда относятся созданные в нашей стране методы высокочастотной закалки металлов, их сварка, плавка, горячая штамповка. Так, например, многие детали автомобиля проходят через невидимые сильные «руки» ВЧ, что удлинит срок их службы.

Чувствительны к ВЧ-нагреву и вещества органического происхождения. Скорость этого процесса прямо пропорциональна частоте тока: чем выше она, тем больше скорость нагрева.

Токи высокой частоты обладают еще одной удивительной чертой —

избирательностью действия. Образно говоря, они попадают только по тому адресу, который нам нужен. Можно подобрать такую частоту, при которой одна составная часть сложного вещества будет нагреваться сильнее, чем остальные. Можно сосредоточить энергию, например, только в плодах или в сиропе, только в яйце или во льду.

— Электрическая энергия превращается в тепло непосредственно в самом веществе, — говорит руководитель лаборатории. — Молекулы вещества, сразу по всему объему пронизываемые электрическим полем, начинают вибрировать. И чем быстрее их движение, тем больше образуется тепла. ВЧ-энергию можно передавать на расстояние, она не требует прямого контакта с носителем тепла.

Велики преимущества нового метода, велики и трудности, преодоленные маленьким коллективом лаборатории. Пролетели годы напряженного творческого труда и настойчивых исканий, прежде чем кандидаты технических наук Б. Н. Зелен, М. Л. Фрумкин, Н. Д. Черняев, инженер Ю. М. Шкляревич и другие создали новый метод консервирования плодов и ягод.

Из шкафа достают одну за другой банки, по внешнему виду не отличающиеся от обычных стеклянных банок консервов, какие продаются в любом магазине, палатке. Это компоты из долек яблок, груш, половинок абрикосов, из вишен.

Однако даже беглое обозрение экспериментальной продукции убеждает, что первое впечатление было обманчивым. Вот банка, на которую каждый посмотрит с некоторым недоумением. В ней компот из клубники. Вряд ли даже самая искусная повара сварила компот такого качества. В сладком соку плавают целехонькие ягоды. Ни одна не разварилась, не расплылась, точно их только что сняли с куста. Так же выглядит и компот из малины.

На каждой банке обозначены сверху вместо заводской марки название лаборатории, затем длительность нагрева — стерилизации — 1 минута 20 секунд — и дата изготовления. Например, компот из малины выпущен в 1951 году, из клубники — годом позже. Такие компоты из самых нежных, хрупких ягод и уж, конечно, из «грубых» фруктов можно хранить, не опасаясь порчи, годами.

Комиссия экспертов, куда входили представители Института питания Академии медицинских наук СССР, ученые других специальностей и производственники дали положительную оценку экспериментальным консервам. Высококачественные, приготовленные впервые в мире с помощью токов высокой частоты компоты из свежих фруктов и ягод, а также и соки значительно превосходят по всем показателям компоты и соки, выпускаемые по старому методу. В автоклаве, чтобы достичь нужной температуры, закупоренные банки нагреваются подолгу — около часа, и плоды развариваются.

Качество новых консервов неизмеримо лучше. Почти полностью сохраняются природные свойства: вкус, цвет, форма, аромат. Целы и витамины. Разница между новыми

консервами и обычными почти такая же, как между свежими плодами и вареными.

Долгий путь лежит между банкой, приготовленной в лаборатории, и банкой, выпущенной заводом. Одно дело — простерилизовать банку компота, а другое — создать промышленный способ его производства. С этим положением на практике познакомились работники института.

Приведем одну справку, она свидетельствует не только о размахе опытов, но и об упорстве маленького коллектива. Продумывая новую технологию, пришлось приготовить несколько десятков тысяч обычных банок новых консервов. Вспомним, что это происходило не на заводском конвейере, а в лаборатории, в порядке опыта.

Все приходилось продумывать и конструировать самим в лаборатории и экспериментальных мастерских института: набрасывать эскизы, изобретать, составлять рабочие чертежи и расчеты, собирать временные схемы — мировая техника не могла предложить ничего готового.

Особенно много хлопот доставил высокочастотный автомат-стерилизатор — своеобразный подогреватель, внутри которого потоком происходит обработка банок. ВЧ-стерилизатор — сердце консервного завода будущего.

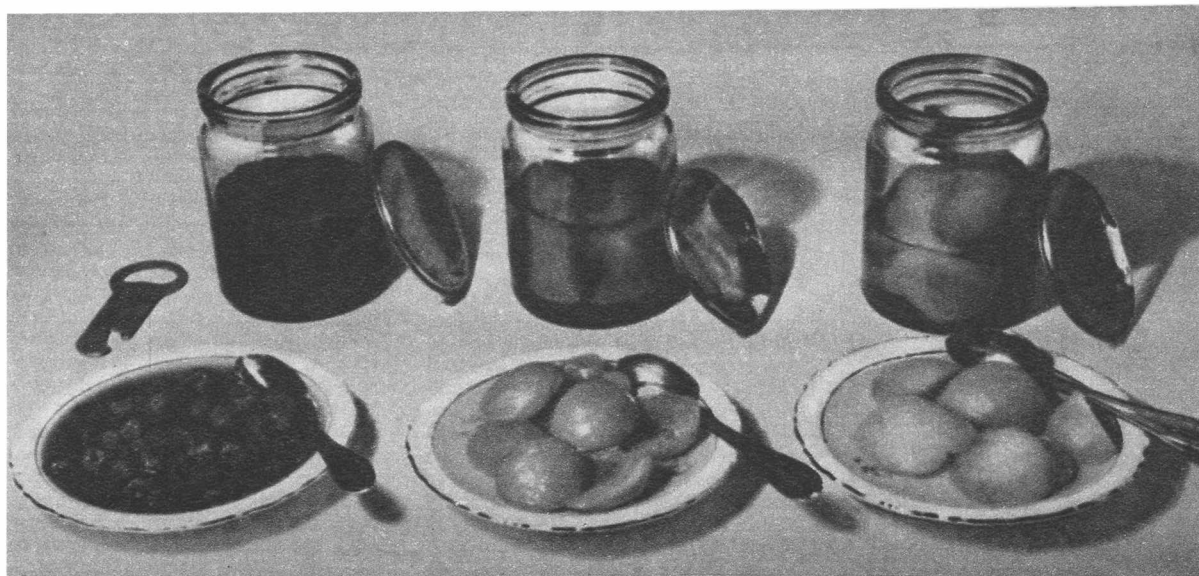
Давайте мысленно совершим экскурсию на такое предприятие. Благодаря, что первый опытный цех, оснащенный оборудованием, сконструированным в лаборатории, построен и в ближайшее время начнет выпускать новые компоты в широком ассортименте. Годовая продукция этого цеха составит миллионы банок.

В заготовительном цехе свежие фрукты моются, очищаются от кожуры и сердцевин, нарезаются дольками, ягоды освобождаются от зеленого оперения. Плоды укладываются в стеклянные банки, и автомат заливает их горячим сиропом. Затем банка ставится на ленточный транспортер, который переносит ее в опытный цех. Там банки закрываются металлической крышкой и герметически, под вакуумом, закупориваются. Потом их обмывают от капелек сиропа, прилипших к наружным стенкам.

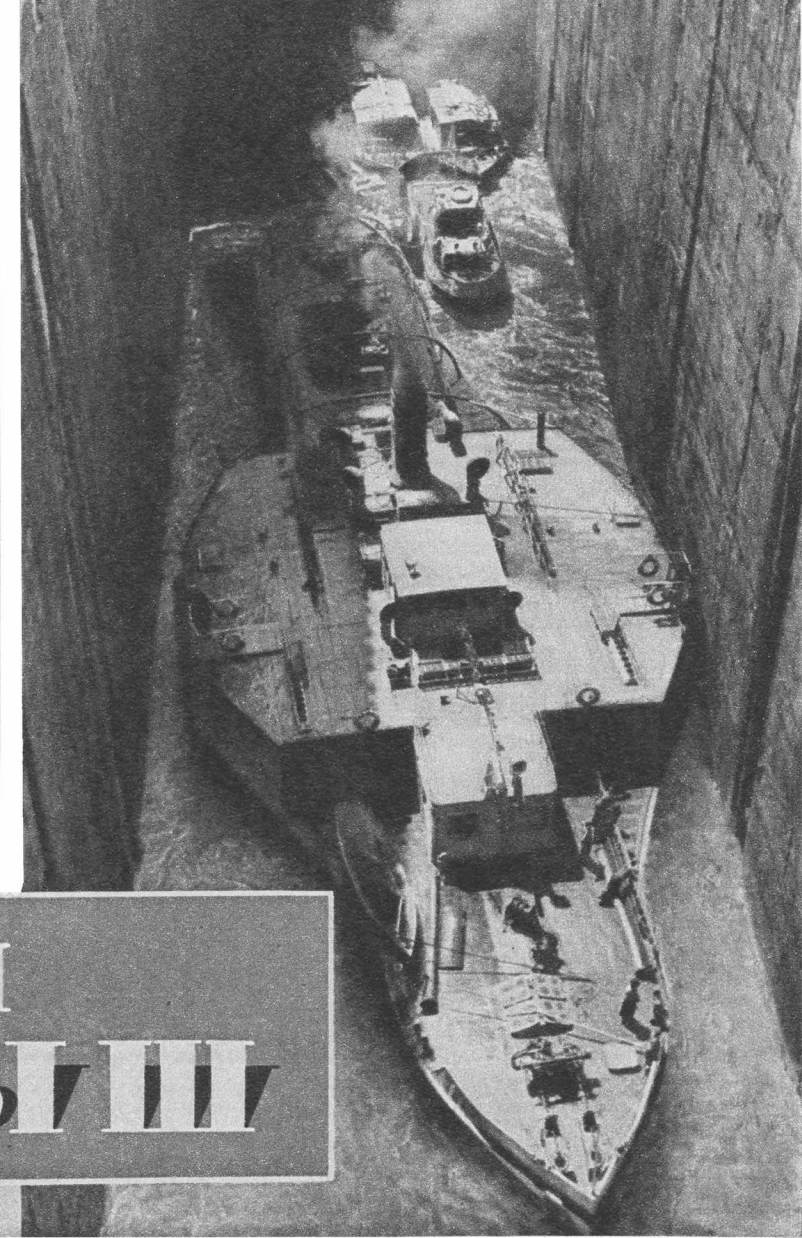
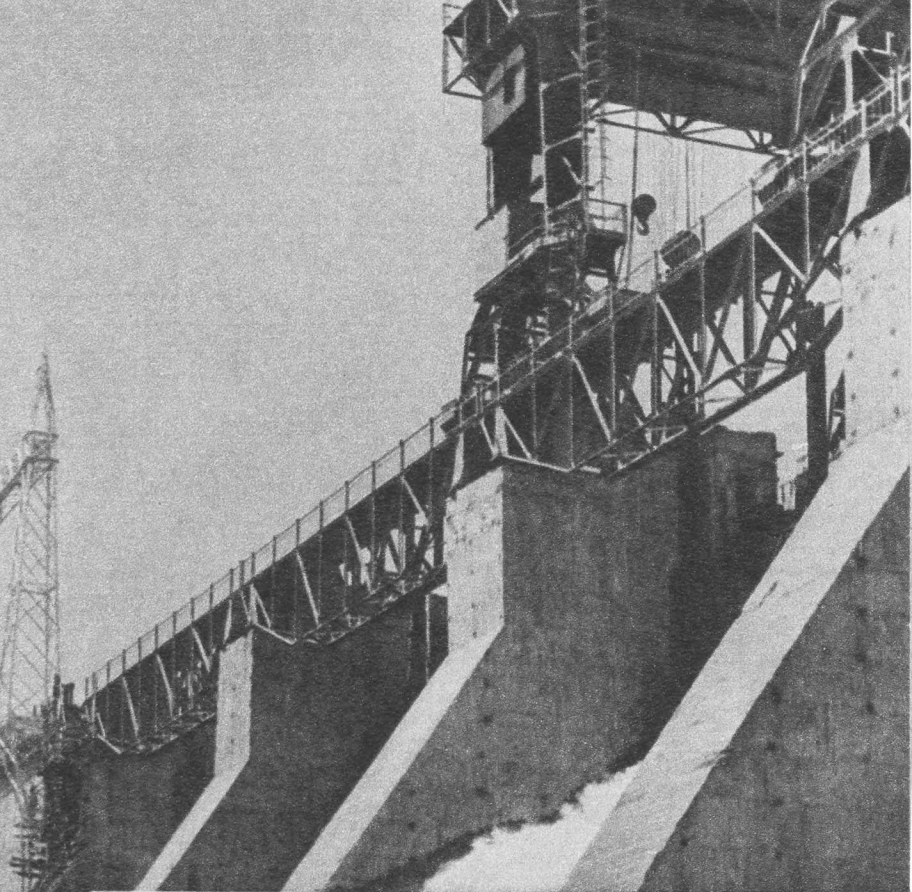
И, наконец, плотной шеренгой — одна впритык к другой — катятся банки к высокочастотному стерилизатору. С двух сторон к каждой банке прижимаются электроды. Благодаря остроумному устройству обеспечивается равномерный нагрев всей массы плодов.

В определенном месте, внизу стерилизатора, находится бдительный автомат-браковщик. Он отъединяет контакты, если банка окажется с дефектом. Она проедет мимо и упадет на транспортер брака.

В опытном цехе, где мы с вами побывали, строгую проверку пройдет то, что продумывалось, конструировалось, испытывалось в эксперименте на протяжении нескольких лет. Надо во всех деталях и частностях выверить механизм нового технологического процесса высокочастотной стерилизации. Только сдав последний трудный экзамен, ВЧ-поточная линия получит путевку в широкое производство.



Компоты из малины, абрикосов и груш, обработанные токами высокой частоты.



БОЛЬШОЙ ИРТЫШ

Плотина Усть-Каменогорской ГЭС.

В камере Усть-Каменогорского шлюза.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. Гостева и автора.

Против течения

От Усть-Каменогорской пристани отходит рейсовый пассажирский пароход «Роза Люксембург».

— А мы уже здесь! — слышался голос Якова Хлапцева.



Капитан Алонцев дает прощальный гудок и выводит судно на стрежень Иртыша. С верхней палубы виден исчезающий за кормой Усть-Каменогорск с его садами, белыми кварталами новых зданий, прямыми асфальтированными улицами и большими цехами заводов. В светлом небе, описывая большой круг, летит самолет; куда он держит свой путь: в Москву? Алма-Ату? На рудники Алтая? На железнодорожной станции Защита густо и жарко дымят локомотивы Турксиба: днем и ночью проходят маршруты с рудой, углем и лесом.

Город, вокзал и заводы расположились на всхолмленной степной равнине, неизменно и однообразно сопровождающей суда до обдорского севера. Но здесь, за городской чертой, на плоской степи, словно утрамбованной за тысячу лет всеми табунами и гуртами Казахстана, внезапно возникают гранитные вершины, мелкие сопки, и за ними вырастают крутые горы. Сомкнувшись, они оставляют узкий выход для неистового Иртыша. Смотришь на это черное устье в отвесных горах и догадываешься, почему 230 лет назад экспедиция майора Лихарева, направленная Петром I, наименовала свою крепость на этом месте Усть-Каменогорской.

Обомшелая гора Притор суровым бастионом стоит на нашем пути. Несколько лет тому назад Притор обрушивался отвесной стеной в кипящую реку. Взрывники отсекали аммоналом его бок — сотни тысяч кубометров камня — и отодвинули от реки угрюмую гору. Справа по борту вырастает безлесная, темная, как туча, гора Аблакетка. Густая тень ложится от нее на клочущий Иртыш. Тень так велика, что она тянется за реку на другой берег к Аблакетке — городку строителей и эксплуатационников ГЭС.

Сколько понадобилось человеческого труда, взрывчатки, машин, чтобы создать в этих скалах дороги, улицы, площади, расчистить места для школ и стадиона, клуба и магазинов! Исчезли камни и низкорослые кусты, отесненные садами, шумными кварталами домов, тянувшимися в гору улицами и первыми виноградниками.

Усть-Каменогорскую ГЭС не сразу видишь с реки, но издали по Иртышу катится сдержанный грохот, слышатся рев и гул прегражденного скалами и плотиной Иртыша.

Пароход входит в тень от горы Аблакетки. Чернота постепенно охватывает нос судна, палубы, рулевую рубку, наконец, и корму. По тому, как медленно входит в тень пароход, можно представить, что ход у него совсем небольшой, движемся мы «встречь воды», —

как говорят здесь, — с трудом побеждая машинами бешеное течение.

Пароход миновал гору Аблакетку и городок, названный ее именем. Открывается величественная панорама железобетонной плотины. Справа видны широкие грани водосливов, с которых обрушиваются гигантские водопады. Дробясь, бушуя, бьют они о каменистое дно, взвиваются белой пеной, летят мириадами брызг на скалы и гудящими потоками устремляются вниз по реке. А рядом с таким же гулом и кипением вырываются из турбин другие потоки, окропляющие здание ГЭС.

Гремящие бело-зеленые водопады отгорожены от судового хода прочной каменной дамбой. Под ее защитой, прижимаясь к берегу, стоят буксиры, баржи, катера: они ждут шлюзования.

И вот перед нами, за железным мостом, на фоне серых скал, вырастает колоссальная железобетонная стена и алый плакат «Добро пожаловать!». В нижней части бетонной стены видна опущенная толстая стальная плита — она запирает квадратный вход в шлюз. Тросы медленно поднимают ее вверх, и тогда выясняется, что входное отверстие в шлюз, казавшееся издали небольшим, в действительности настолько велико, что через него свободно выходит из камеры буксирный пароход с баржами.

Огни Рудного Алтая

Медленно проплывает справа каменное здание Усть-Каменогорской гидроэлектрической станции. На бетонном гребне плотины сверкают серебром стальные башни высоковольтных электрических передач. Провода, нависая над Иртышом, над скалами и утесами, уходят в далекий путь по горам и долинам Рудного Алтая.

...Мы знакомимся с машинным залом. Освобожденный от лесов, он кажется необычайно просторным и светлым. Проходим вдоль выстроившихся в зале машин. Можно подумать, что стоят они недвижимо — так бесшумно рождается в недрах агрегатов электрическая энергия.

— Все генераторы и турбины действуют нормально, — сообщает директор Усть-Каменогорской ГЭС Иван Никифорович Куземин. — Теперь Рудный Алтай хорошо обеспечен энергией.

Иван Никифорович был парторгом ЦК партии на Днепрогэсе в дни его восстановления, был на строительстве Каховской ГЭС — он может по достоинству оценить сооружение на Иртыше.

Выходим из машинного зала, идем по эстакаде и поднимаемся по крутой лестнице на гребень плотины. Плотина вознеслась над Иртышом, разлившимся огромным водохранилищем, над светлыми водопадами, над зданием ГЭС, над рейдом и, кажется, достигает высот горы Аблакетки. Пышные облака и скалы отражаются в глади малого Иртышского «моря». Вдали поблескивает иллюминаторами буксир, ведущий караван барж. На верхнем рейде, ожидая выхода в низовья, стоят баржи, буксиры, катера.

Куземин напоминает нам, что в директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану сказано о введении в строй Усть-Каменогорской и начале строительства Бухтарминской ГЭС. Так постепенно создается на Иртыше могучий каскад больших электростанций и цепь «морей».

Иртышское «море»

Непередаваемо ощущение, когда большое трехпалубное пасса-

Показались бухтарминские горы.



От стальных опор высоковольтных передач уходят провода во все концы Алтая.

жирское судно, «срубив», попросту говоря, сложив свои мачты, осторожно пробирается под серыми бетонными сводами. Мы на дне глубочайшего, не имеющего себе равных шлюза. В бетонной камере прохладно и сыро. Исчезающие из глаз в вышине стены глухо отражают шум машин и голоса людей. Куда-то высоко-высоко тянутся по зеленовато-серым бетонным стенам красные полосы поплавковых причалов.

Сколько бы вам ни приходилось шлюзоваться на других каналах, на Иртыше вас охватывает ни с чем не сравнимое ощущение поразительного взлета вместе с паромом на высоту в сорок метров.

Сначала вы находитесь на дне гигантского колодца, не видите ни земли, ни солнца. Под шум вливающейся в бетонную камеру воды поднимаетесь все выше и выше. Поднимаются рядом и красные поплавок-рымов, к которым пришвартован пароход. Создается впечатление, будто они-то и увлекают судно за собой кверху. Во мглу врывается солнечный луч,

бежит по мокрой палубе, и вдруг все становится вокруг светлым и солнечным. Теперь уже рукой подать до переходного мостика, нависшего над палубами, уже видны коричневые горы, отраженные в малом Иртышском «море», и столько вокруг солнца, столько воздуха, что детвора на пароходе пускается в пляс.

— Привет, Иван Георгиевич! — сложив ладони рупором, приветствует капитан парохода Федор Павлович Алонцев начальника шлюза Романова. — Хорошо шлюзуете, спасибо!

— Учимся, стараемся, — отшучивается Романов. — Куда идешь?

— До Тополева Мыса. Через неделю встречай!

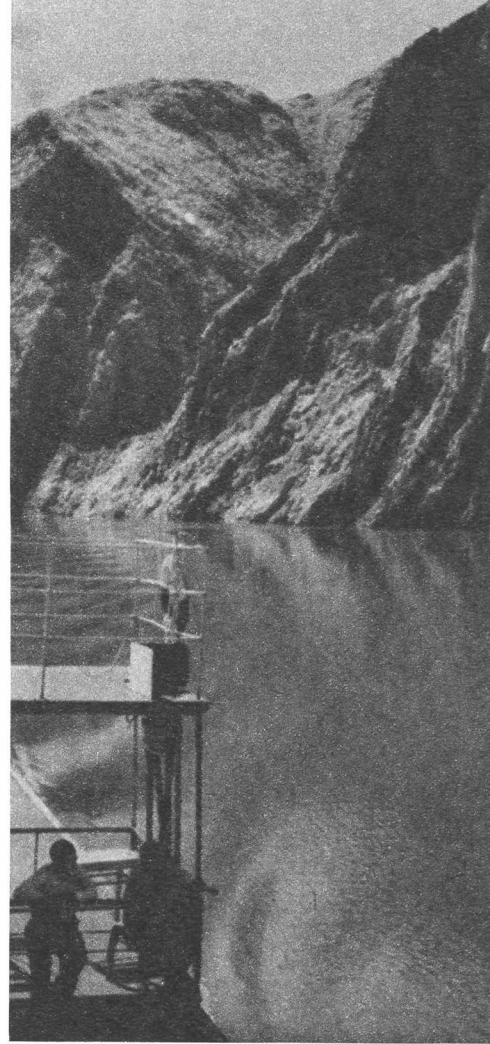
— Тогда, через неделю, еще на две минуты быстрее шлюзовать будем, — обещает Романов. — Возьми, Федор Павлович, до Бухтармы наших: Соболев, Аксенов, Хлапцев собрались. Дела срочные.

— Давай! Только скорее.

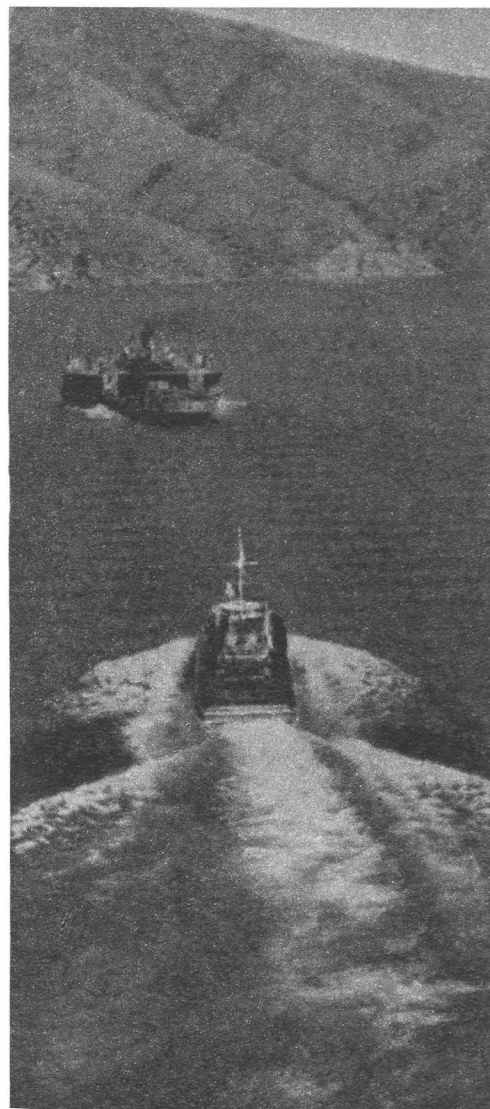
— А мы уже здесь, — слышится веселый голос знаменитого плотника Якова Хлапцева. — Принимайте!

Вспомнилась декабрьская стужа, иртышская ночь, рассеянная прожекторным светом, и заиндевелые фигуры плотников, работающих на головокружительной высоте. На гребне плотины, среди строительных лесов, познакомились мы зимой с Яковом Хлапцевым. Ловко орудуя топором, он рассказывал, как вернулся с фронта домой, на Алтай, в верховья дикой Бухтармы; к осени уговорил отца и брата Николая ехать на строительство Усть-Каменогорской ГЭС. Собралась большая семья именитых плотников, срубила из своей избы плот, разместила на нем чад и домочадцев, скарб, коров и отправилась в опасный путь по дикому Иртышу. Скорость течения была так велика, скалы в Аблакетке так отвесны, что Хлапцевы не могли причалить к строительной площадке, и их унесло на плоту к самому Усть-Каменогорску.

Прошли годы. Яков Хлапцев с отцом и братом, со всеми строителями отпраздновал пуск первой мощной гидроэлектростанции на Иртыше. В Аблакетке назвали улицу именем плотников Хлапцевых. Сейчас они заканчивают отделочные работы, готовятся к переезду на другую стройку.



Берег Иртышского «моря».



Здесь были скалы «Семь братьев».





У подножья гор растет поселок строителей Бухтарминской ГЭС.

...«Водяным лифтом» пароход поднят на сорок метров. На башне шлюза мигает зеленый глазок светофора. Тяжко вздыхает судовая машина. Гулко ударяют плицы по воде. Через раскрытые ворота «Роза Люксембург» выходит на просторы малого Иртышского «моря».

Яков Хлапцев смотрит из-под ладони на широко разлившийся Иртыш и удовлетворенно улыбается.

— Как, Михаил Маркович? — обращается он к инженеру Соболеву. — Ничего море построили?

Более чем на семьдесят километров в длину — к самому сердцу Рудного Алтая — протянулось малое Иртышское «море». Плынешь по нему и не узнаешь мест, где всего год назад среди крутых скал бесчинствовала река, билась на камнях, гудела и выла. Где сейчас мрачные Печи, Волчий пережат, Петух, Гнилой пережат? Что с ними?

Конец «Семи братьев»

...Перед судном в лучах прожекторов показываются отвесно

Геологи исследуют скальное основание для плотины.

падающие в воду скалы. Из ущелий надвигается белесый туман.

— Сейчас будут «Семь братьев»... — Штурмана Тюлюбека Баукенова как будто покидает обычное спокойствие: торопливо накинув плащ, он выходит из рулевой рубки. — Раньше говорили: попади на первого, на всех побываешь...

Однажды в такое же время при велось нам плыть по Иртышу; в ночной тьме опасно гудела сирена, горное эхо умножало шум машин и кипение волн. В белых лучах прожекторов вырастали то голые утесы, то кипящие валы, то тучи брызг, то остатки разбитого плота. В ту ночь мы оказались перед скалами «Семи братьев», а еще раньше — перед торчавшей вверх килем металллической баржонкой. Хотелось тогда закрыть глаза, чтобы не видеть узкого и глубокого ущелья, по которому мчалась река, не видеть зловещих скал и этой баржонки. Но казалось, что мы стояли на месте. Судовая машина, работая с предельным напряжением, едва продвигала пароход против бурного течения — мы шли со скоростью всего полтора километра в час. Капитан тревожно вглядывался во тьму, исполосованную прожекторами. А грохот и гул катившейся воды все усиливался.

Захваченные воспоминаниями о прошлом путешествии, мы не сразу обратили внимание на перемену, происшедшую с капитаном

Алонцевым. Он внезапно согнал с лица хмурое выражение и весело засмеялся.

— Каждый раз одно и то же, — сказал он. — Волнуемся, страшимся, когда подходим к «Семи братьям», и забываем, что нет уже ни сумасшедшего течения, ни самих «Семи братьев»... Канули они, пропали... Но сила-то привычки осталась...

После пуска Усть-Каменогорской ГЭС в диком ущелье Алтайских гор образовалось перед плотинной большое водохранилище. Вода, поднявшись на сорок метров, скрыла опасные для судоходства камни. Исчезли «Семь братьев». Лишь на лоцманской карте да в памяти старожилов сохранились названия опасных мест.

Ущелье, недавно поражавшее своим страшным видом, узкое и темное, теперь словно расширилось, посветлело, открыло взору берега, на которые пришла новая жизнь.

На кручах, прокладывая дороги, работают экскаваторы и караваны самосвалов. С вершины на вершину, через перевалы и ущелья тянутся провода; на скалах устанавливают стальные опоры высоковольтных передач; около воды белеют палатки ихтиологов, разводящих в «море» новые породы рыб.

Рудный Алтай как бы выходит сейчас к берегам «моря», купается в его воде, зачерпывает ее для рудников и шахт, с жадностью за-

бирает электрическую энергию, рожденную этой же водой.

Пароход обгоняет караван барж. На палубах видны сундуки, стулья, матрацы; на корме стоят коровы и козы; возле шкиперской стирают белье.

— Наши едут! — Яков Хлапцев подталкивает локтем Соболева. — О-го-го! — кричит он и машет сильными руками.

На баржах уходят своих, и начинается разговор через «море»: Кто едет? Кто остался? Где думают остановиться?

На пути к Бухтарме

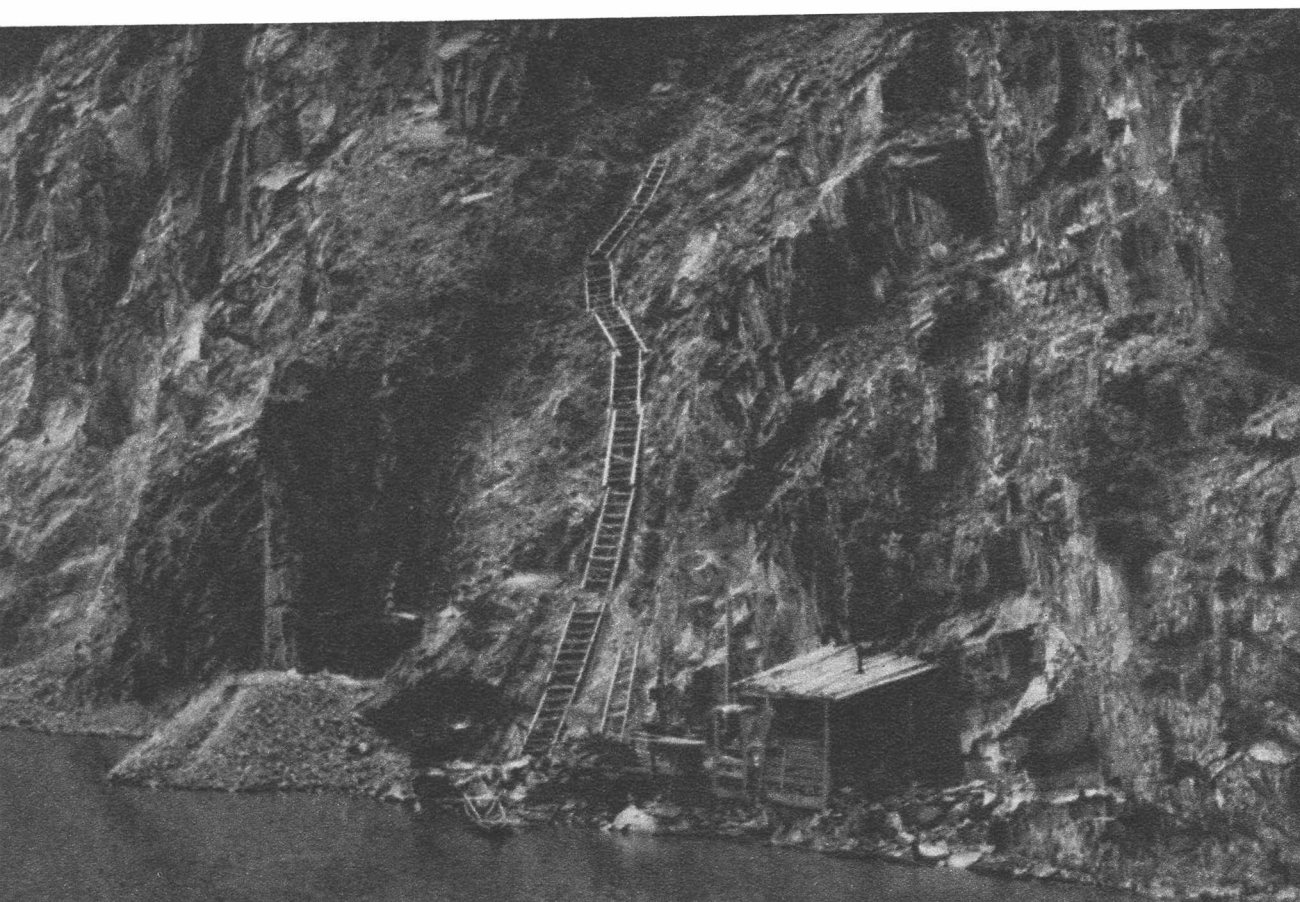
— Вот так и кочуем с места на место... — в задумчивости говорит Михаил Маркович Соболев. — Построили станцию, и по-разному сложилась у людей судьба... Иван Дмитриевич Гончаров, начальник Левого берега, уехал в Москву, поступил в академию. Иванов Алексей Николаевич — теперь начальник строительства Бухтарминского гидроузла; главный инженер Бакулин половину недели проводит на Бухтарме, другую — на Усть-Каменогорской гидроцентрали, а скоро все начальство переселится на новую стройплощадку. Скоро и наш черед: закончим доделочные работы в Аблакетке — и поедем на Бухтарму.

На горизонте, в осенней прозрачной дали, показываются голубовато-сизые горы с белесым туманом в глубоких ущельях. Все чаще встречаются обомшелые скалы и черные утесы. «Море» сужается здесь и становится горной рекой. Наконец открываются бухтарминские горы. Пароход причаливает к скале, матросы бросают на камни длинный трап, и мы соходим на берег. Гудок — «Роза Люксембург» уходит дальше.

Несколько изб старой деревушки только и напоминают сейчас о крошечном поселении, издавна лепившемся к горам. Теперь здесь раскинулось большое строительство городка создателей Бухтарминской ГЭС. Около железнодорожной станции уже возвышаются каменные двухэтажные дома, там готова и школа. Такая же школа построена и рядом. Пока не протянули сюда линии от Усть-Каменогорской ГЭС, электростанция на колесах освещает дома и палатки, приводит в движение бетономешалки, пилорамы, станки, машины.

Соболев, Хлапцев и Аксенов ищут начальника строительства.

— Горячие дни... — говорит Иванов, когда его наконец разыскали. — До ледостава нужно принять водой лес и металл, рабочих с семьями. Нужно «гнать»



жилищное строительство. Клуб нужен. На створе работы идут...

Алексей Николаевич Иванов — живая история сооружений гидроэлектростанций на реках Алтая. Сын полтера, ленинградский рабфаковец, после института поехал он в Сибирь, на Алтай, и с 1926 года «обуздывает» горные реки. Строил гидроэлектростанции на Ульбе, Убе, Быструхе, Хариузовке и вот, наконец, на Иртыше.

— Приехали с Аблакеты сюда — место пустое. Ни дорог, ни света, ни жилья... Теперь, как видите, обзаводимся необходимым. Городок растет, прибывает и его население.

Когда разольется Иртыш...

Судно идет к тем сизовато-пепельным горам, которые рисовались на горизонте еще во время плавания на «Розе Люксембург». Горы вырастают, постепенно закрывая полнеба. Иртыш темнеет. Из ущелий тянет холодом.

— Водохранилище, образованное плотиной Усть-Каменогорской ГЭС, — рассказывает главный инженер строительства Андрей Владимирович Бакулин, — подходит сюда, за десятки километров.

За Бухтарминской плотиной и начнется большое, главное Иртышское море. Новое гигантское водохранилище значительно превысит по объему Цимлянское море и станет крупнейшим в мире, а будущая Бухтарминская плотина будет одной из самых высоких на земле.

С горы на гору, через весь Иртыш протянулся кабель. На правом берегу к камням прилепились беленькие домики и палатки. На левом берегу на крутизну поднялась деревянная лестница. На уступах горы видны работающие компрессоры, движки. Палатки геологов на горе напоминают ласточкины гнезда. С поверхности в толщу скал уходят черные штольни.

Причаливаем к отвесной каменной стене. Перебираемся на шаткую лестницу и карабкаемся по ней к «ласточкиным гнездам», к геологам.

Гигантская стена из железобетона поднимется со скального основания русла, преградит реку и заставит воды рожденного моря вращать стальные лопасти рабочих колес турбин. Суда в камерах шлюза будут подниматься на зна-

чительно большую высоту, чем на Усть-Каменогорской плотине.

Чтобы возвести мощную Бухтарминскую плотину, предстоит прежде всего очистить, как и в Аблакетке, все каменное дно от аллювия — толстого наносного слоя галечника с песком, потом тщательно зацементировать в подводной скале — фундаменте плотины — все трещины и превратить ее в нескрушимый монолит.

Все новое, передовое, что создано на строительстве электростанций, широко используется сейчас на Бухтарме. Проект предусматривает полную механизацию всех бетонных и арматурных работ, широкое внедрение новейших машин и механизмов.

...Эхо приносит в горы отзвуки далеких взрывов. Потом тяжкие, словно удары парового молота, взрывы раздаются уже поблизости. Над рекой стоит неумолчный шум перфораторных молотков, гул компрессоров. На противоположном берегу гудят тракторы. Серого цвета громады бульдозеров валят на другом берегу кусты, расчищают камни. И вдруг откуда-то с высоты доносится веселая песня.

— Молодежь ко всему привыкает, и даже отвесные скалы ей нипочем... — Бакулин ищет где-то вверху, на фоне облаков, тех, кто поет и бросает в Иртыш камешки. И тогда мы видим, что вся гора населена людьми. Они пробивают штольни, дежурят у компрессоров, изучают граниты, ставят хижины, беззаботно поют песни.

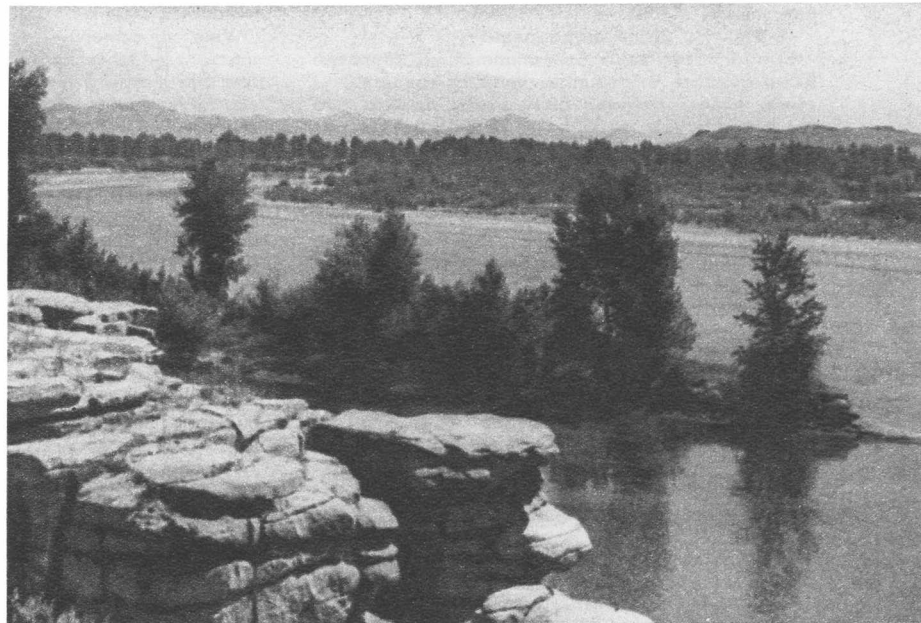
Смотришь с высоты на Иртыш и думаешь о времени, когда разольется он еще шире, еще дальше, поглотит устья рек, отроги горных хребтов, поймы и сопки, поросшие лиственницами...

Далеко-далеко раскинутся неоглядные водные просторы. Уже сейчас на огромной территории переселяют деревни, села, аулы, вырубят леса, срезают под основание утесы — готовят дно будущего моря, прокладывают трассы будущих корабельных путей.

В нашей стране будущее приходит быстро. И сегодня Рудный Алтай уже живет мыслями о грядущем дне, когда вступит в строй Бухтарминская ГЭС, когда свершатся новые, еще более разительные преобразования края сказочных богатств.



Приехали девушки из Усть-Бухтармы.



Река Бухтарма перед впадением в Иртыш.

На Зайсане.



На Бухтарму прибывают эшелоны с механизмами.



Полторы тысячи метров

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта

Фото Н. Волкова.

Я подошел к нему после финиша, когда он, сидя на траве, снимал с ног легкие беговые туфли с длинными, тонкими стальными шипами на подошве.

Чтобы не мешать зрителям следить за ходом состязаний, продолжавшихся на стадионе, я сел рядом с ним на траву.

— Ну, что, Коля, недоволен?

Вопрос этот явно был лишним. Достаточно было увидеть выражение лица Николая Кучурина, чтобы понять: результаты только что закончившегося забега на 1500 метров на матче трех городов не доставили ему никакого удовлетворения.

В ответ Кучурин только укоризненно посмотрел на меня. На его худом, без жиринки, как у каждого хорошего бегуна, лице зло раздувались ноздри, а на скулах ходили маленькие желвачки.

С досадой махнув рукой, он встал и, взяв в одну руку туфли с шипами, другой вытер потное лицо.

— Ты думаешь, они довольны? Сомневаюсь!

Я понял, что Николай Кучурин имеет в виду москвича Дмитрия Пятайкина и киевлянина Николая Белокурова, которые прибежали к финишу раньше него. Опять три минуты пятьдесят три секунды да еще шесть десятых! А ведь давно уже три сорок шесть бегать надо!

Это была хорошая неудовлетворенность спортсмена, и я подумал о том, как быстро меняются пределы достижений. Ведь первый всесоюзный рекорд на 1500 метров, установленный в 1925 году, был равен 4 минутам 14,1 секунды. Всего пять лет назад рекорд Советского Союза в беге на 1500 метров был равен 3 минутам 53 секундам, а теперь такой результат означает чуть ли не провал для спортсмена.

Но почему так редко удается нашим лучшим

бегунам на средние дистанции вырваться за пределы 3 минут 50 секунд, почему так слабы наши успехи в этом увлекательном и для спортсменов и для зрителей виде легкой атлетики?

Я припомнил, как прошел только что закончившийся бег.

Уже с самого старта чувствовалось, что шесть молодых спортсменов бежали не так, как они могли бы, — бежали скованно, боязливо, неуверенно. Хотелось крикнуть им: «Что же вы, ребята?! Чего робеете?»

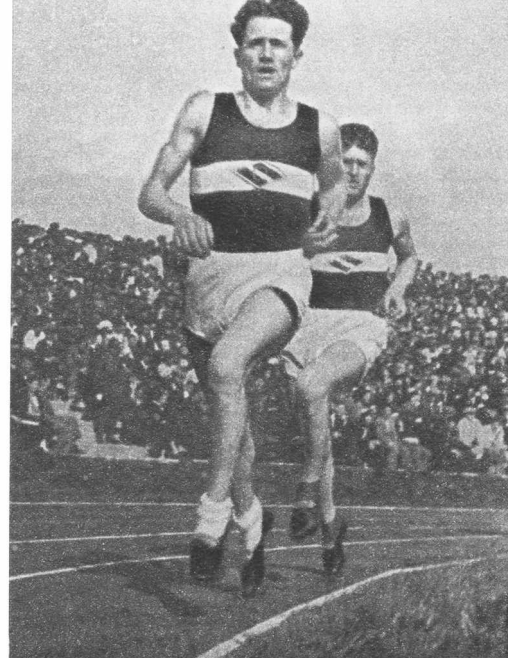
Все шестеро участников шли с равномерной скоростью, вытянувшись в цепочку, словно замороженные этим не слишком высоким и не слишком низким темпом. Короткая борьба на финишной прямой — и бег закончен. А ведь были же забеги, которые нам, любителям легкой атлетики, запомнились на всю жизнь.

19 августа 1928 года в Москве молодой бегун Николай Денисов и тогдашний рекордсмен страны Армас Кивикяс встретились на старте с будущим олимпийским чемпионом финном Вольмаром Исо-Холло и известным французским бегуном Жаком Леру.

Со старта повел Денисов, за ним следовали Леру, Кивикяс и Исо-Холло. После 400 метров Исо-Холло сделал рывок и вышел вперед, вторым бежал Денисов, третьим — Кивикяс. Все трое сильно оторвались от остальных. Но вот внезапно с дорожки сходит Кивикяс: растянуто сухожилие. Борьбу за первое место продолжают Денисов и Исо-Холло. Усилив на последних двухстах метрах темп бега, Денисов финиширует первым, устанавливая новый рекорд СССР.

В 1929 году в соревнованиях за рубежом Денисов дважды улучшил свой рекорд. В Таллине он победил финна Андерсена, в Хельсинки — одного из сильнейших бегунов Европы, Лассе Виртанена, а через три года появились на беговой дорожке братья Знаменские.

Молодые рабочие Георгий и Серафим слишком поздно вышли на беговую дорожку. Георгию было тогда 29, а Серафиму 26 лет.



На дорожке братья Знаменские. Впереди — Серафим, за ним — Георгий. 1935 год.

И тем не менее эти два самородка за короткий срок своей спортивной жизни вписали яркие страницы в историю бега на 1500 метров.

Серафиму Знаменскому первому из советских бегунов удалось прорваться за рубеж четырех минут. Новый рекорд страны стал равен 3 минутам 59,9 секунды. А еще через три года Александр Пугачевский пробежал 1500 метров за 3 минуты 56,6 секунды.

Несколько раз этот прекрасный «средневик» вносил поправки в таблицу всесоюзных достижений. Последний его рекорд был установлен 21 сентября 1948 года и равнялся 3 минутам 53 секундам, а после этого пальма первенства перешла к эстонцу Эрику Веетьюусе.

Вспоминается схватка Эрика Веетьюусе с одним из сильнейших бегунов Европы, чехом Вацлавом Чевоной, в 1949 году. Не выдержав предложенного темпа, Чевона потерпел поражение, а Веетьюусе финишировал с новым рекордом страны — 3 минуты 51,4 секунды.

Незабываемо красивым был бег на 1500 метров в прошлом году в Киеве, когда на дорожку вышли лучшие бегуны семи стран. С самого старта советский бегун, ученик Веетьюусе, Михаил Вельсвебель предложил высокий темп бега. Рядом с ним Вацлав Чевона, Эрне Береш, Николай Белокуров, Ихарош и другие сильнейшие «средневики».

Темп бега то нарастает, то падает. Лидеры то и дело меняются. Впереди Чевона, потом Береш, потом опять Вельсвебель. Бегуны идут плотной группой, никто не хочет далеко «отпустить» противников. Все рвется к финишной ленте — до нее остается 200 метров, а каждый из участников еще сохраняет шансы на победу. Ожесточенная борьба на последней прямой. Первой касается ленточки грудь Береша (Венгрия), в каких-нибудь десяти сантиметрах сзади — Вельсвебель. У обоих результаты высокие — 3 минуты 48,2 секунды — новые рекорды Венгрии и Советского Союза.

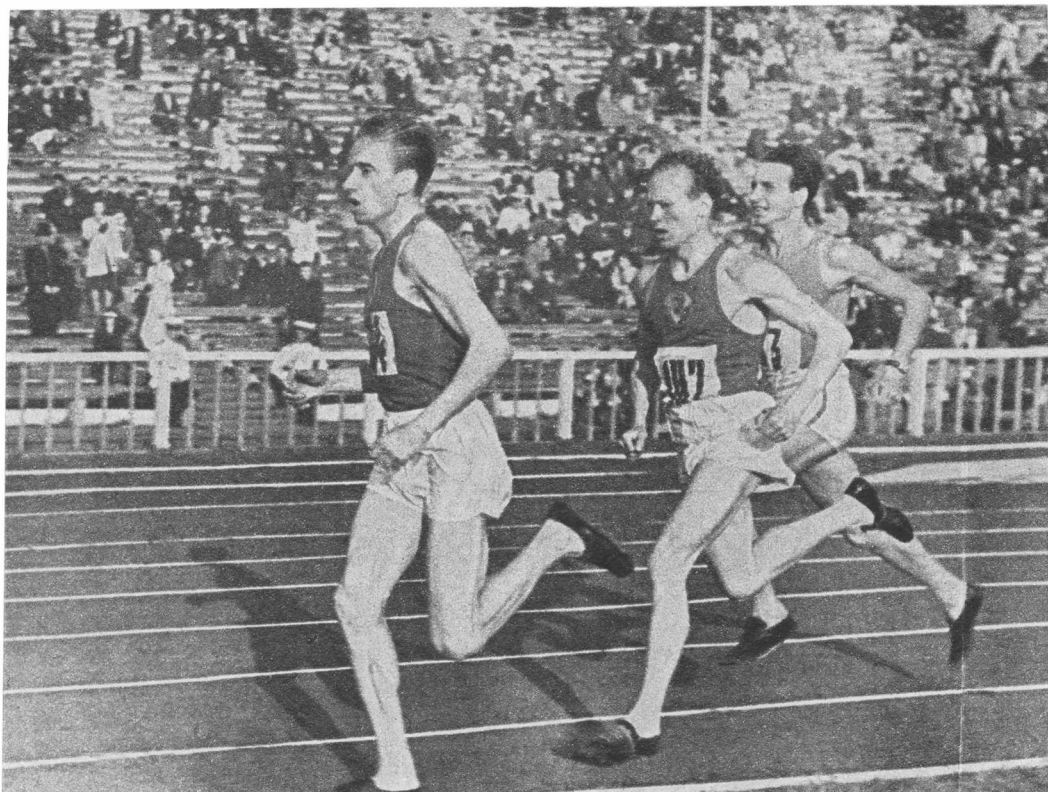
Итак, за 27 лет всесоюзный рекорд в беге на 1500 метров улучшен на 25,9 секунды, меньше чем на секунду в год. Да и последний рекорд Михаила Вельсвебеля на 5,2 секунды хуже мирового рекорда шведа Гундера Хэгга.

Почему же так медленно растут результаты наших бегунов? Попробуем ответить на этот вопрос, познакомившись с борьбой сильнейших «средневиков» мира на XV олимпийских играх в прошлом году.

52 бегуна оспаривали звание олимпийского чемпиона в беге на 1500 метров, 24 бегуна вышли в полуфинал. Тогда-то и началась тонкая тактическая борьба, без которой победа на этой дистанции вообще невозможна. Многие известные бегуны не учли, что в полуфинале важно одно — попасть в финал. Это и определяет тактику борьбы. Сильнейшие все не пытаются вырваться вперед, взять на себя лидерство. Они как бы прячутся за спины более горячих бегунов, стремясь только к одному: быть в числе первой шестерки.

Конечно, в молниеносной горячке борьбы трудно правильно построить свой бег. Опыт-

Бег на 1500 метров. Впереди — М. Вельсвебель, за ним — Н. Белокуров и венгр Э. Береш.



нейшие «средневики», не раз участвовавшие в крупных международных соревнованиях, — немец Гюнтер Доров, один из вероятных претендентов на золотую медаль, чехи Вацлав Чевона и Станислав Юнгвирт, голландец Хартинг — выбыли из игры, не дойдя до финиша.

На старт финального забега вышло 12 бегунов — представители 9 наций. В охватившем стадион молчании грохнул выстрел. Но что это? Бегуны будто преобразились! Куда девалась их медлительность и осторожность, с которой они вели борьбу в предварительных забегах и полуфиналах! Теперь они сразу же начали стремительный бег, словно на сто метров, а не на полторы тысячи.

Сперва вперед вырвался немец Ламерс, за ним мчатся его соотечественник Люг, американцы Мак-Миллен и Друтцлер, норвежец Бойсен, англичанин Баннистер, люксембуржец Бартель, алжирец Эль Мабрук.

Первые 400 метров пройдены в 57,8 секунды — очень хорошее время. Ламерс на попытку противников обойти его резко ускоряет бег, но тут же, ликвидировав опасность потерять бровку, снижает темп.

В этом умении менять темп, переключаться с одной скорости на другую — один из главных секретов бега на среднюю дистанцию. Неумение использовать свою «коробку скоростей», привычка к равномерному, заранее расписанному тренером темпу, «раскладке», связывают бегуна, лишают его инициативы, мешают вести борьбу с противниками и приводят зачастую к поражению, к низкому результату.

...Пройдены два круга. Впереди все еще Ламерс. Шум на трибунах перерастает в сплошной рев. Скоро уже тысяча метров останется позади.

Но вот справа от Ламерса начинает очередную рывок Люг. Он ускоряет шаг. Ламерс сразу же принимает вызов и не дает Люгу занять бровку. Десять, двадцать, тридцать, сорок метров длится это единоборство — и Ламерс сдается. Вперед выходит Люг. Он рвется к победе. За триста пятьдесят метров до финиша он начинает последний бросок, который должен принести ему золотую медаль чемпиона...

Большое искусство — начать последний бросок там, где это надо, выбрать для этого правильный момент. Десять метров дальше или десять метров ближе могут решить исход борьбы.

...И Вернер Люг просчитался. Он начал свой финальный бросок раньше, чем надо, не выдержал скорости, и на последних метрах его обошел люксембуржец Жозеф Бартель. Его результат — 3 минуты 45,2 секунды. Рядом с ним финишировал с тем же временем Мак-Миллен, на грудь сзади. Вернер Люг остался на третьем месте.



Николай Денисов в беге на 1 500 метров. 1930 год.



На дистанции водного слалома в Италии.

СЛАЛОМ НА БАЙДАРКАХ

Узкая, зажатая высокими берегами речка стремительно несет свои воды, с шумом вороочая камни. Казалось, этот все увлекающий на своем пути поток никак не подходит для катания на лодках. Но вот с берега на берег протянули проволоку, на которой подвешены рейки, напоминающие так называемые ворота лыжного слалома, и порожистая речка превращается в дистанцию водного слалома.

Слалом на лодках — новый вид гребного спорта. В Чехословакии, Франции, Италии, Швеции он уже приобрел популярность.

Нужно поистине виртуозно владеть байдаркой или каноэ — лодкой, напоминающей индейскую пирогу, — быть решительным и настойчивым, чтобы преодолеть все препятствия: кроме 20 искусственных ворот, спортсмены должны пройти водопады, камни, стремнины, водовороты.

Байдарки для слалома обычно делаются из брезента. Они легко разбираются и складываются. Слаломные каноэ отличаются от обычных тем, что в них гребут не стоя на колене, а сидя.

В новые правила соревнований на байдарках включены и соревнования по слалому. Нужно надеяться, что этот спорт отважных и находчивых получит в нашей стране широкое распространение.

С. ШЕРЕМЕТЬЕВ,
заслуженный мастер спорта.

Да, бег на 1 500 метров в наше время в какой-то мере похож на шахматную партию. Как в шахматах один неверный ход, так и на граве дорожке одно опрометчивое движение через 15—20 «ходов» может привести к поражению.

В беге, как и в шахматах, есть свой «дебют», своя середина партии и свой «эндшпиль» — конец. «Дебют» разыгрывается на первых десятках метров. Здесь идет борьба за лидерство, за бровку. Очень важно завоевать право бежать по кратчайшему пути, не натываясь на впереди бегущего спортсмена. Тот же, кто не успевает захватить бровку, делает все возможное, чтобы не отпустить лидера, сохранить возможность маневра. Ради этого бегуны выходят на вторую, третью дорожку, бегут плечом к плечу, проигрывая в расстоянии, но выигрывая в позиции, — совсем так, как это делает шахматист, жертвующий пешку ради возможности атаковать.

Далее идет «мгительный шпиль» бега — середина игры. Он насыщен серией комбинаций и маневров. Лидеры меняются, варьируют темп, проверяют силы противников, стараются вымотать друг друга. Происходит «размен фигурами», и к «эндшпилю» — финишу — положение иногда упрощается: победитель бега ясен всем уже за 200—250 метров до конца дистанции. Но чаще всего «конец партии» запутан, неясен до последнего хода, до последнего броска на ленточку. Только на последнем круге наступает момент решающего удара.

Победит тот, кто нанесет этот удар, рассчитав его с точностью до десятой доли секунды. И вот — красивая завершающая «комбинация». Бегун, первым коснувшийся финишной ленты, объявляет своим противникам шах и мат.

...Мы снова на московском стадионе «Динамо». Еще вчера кипевшие жизнью трибуны

его пусты и вымыты прошедшим за ночь дождем. Молчат репродукторы — гигантские серебряные грибы на длинных ножках.

На трибуне в одиночестве сидит человек с секундомером в руках. На коленях его — записная книжка.

Это Николай Денисов — один из тех, кому в прошлом не раз принадлежал рекорд Советского Союза в беге на 1 500 метров. Сейчас он тренирует молодежь.

На дорожке — бегун. Это наш знакомый Николай Кучурин. Денисов смотрит на секундомер. «Двадцать пять и шесть, Коля! Держись выше!» — кричит он и что-то записывает в книжку...

Николая Кучурина сменяет Александр Соломко, после Соломко бежит Владимир Мефедов, потом Владимир Потапов. Все это молодые воспитанники Денисова, те, кого он хочет научить стать хозяевами своей скорости.

«Средневик» должен быть хорошим бегуном на короткие дистанции и обладать выносливостью бегунов на длинные дистанции. Но для того, чтобы показывать высокие результаты, надо быть еще и хозяином своей воли. Без крепкой воли не достигнешь победы на дорожке. Вот почему всю техническую и тактическую подготовку венчает подготовка моральная.

...По граве овалу дорожки бежит юноша. Длинные, упругие ноги легкими толчками несут вперед его сильное тело. Стрелка на циферблате секундомера в руке у тренера молчаливо следует за спортсменом. Сколько интересного рассказывает она посвященным во все тонкости средней дистанции!

Сложный механизм — секундомер. Много в нем колесиков, винтиков, микроскопических осей. Но еще сложнее и интереснее самый простой вид спорта — бег.

Острый и оригинальный писатель

К 150-летию со дня рождения П. Мериме

«Ваша поэзия,— говорил Мериме своему другу Тургеневу,— ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою». Эти слова поразительны не только необыкновенным проникновением Мериме в самую сущность русского искусства,— в них заключался и тот эстетический идеал, к которому стремился он сам.

Он был одним из тех немногих французских писателей первой половины XIX века, которые сразу получили у нас полное признание. «Острый и оригинальный писатель»,— так назвал Мериме в 1835 году Пушкин. Высоко ценил Мериме и Гоголь, находивший в его произведениях «много правды, много верности... много познаний и опыта».

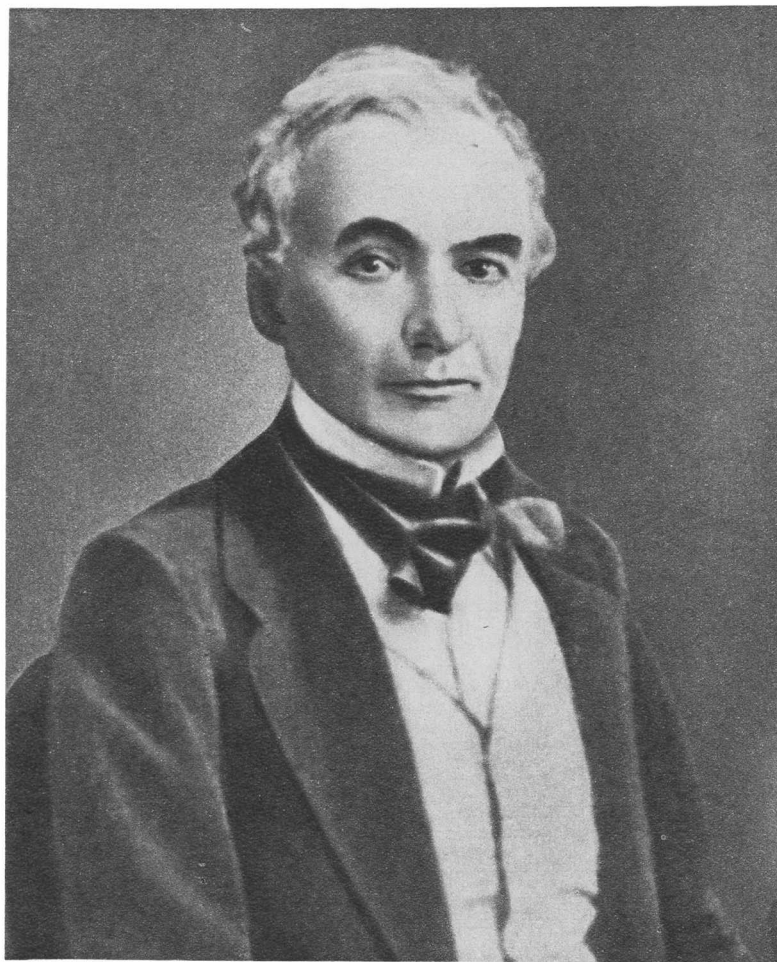
Мериме занимал особую позицию в современной ему литературной обстановке. Он ненавидел все высокопарное, преувеличенное, аффектированное, и в то время, как большинство французских писателей хлопотало, по его выражению, «прежде всего об эффекте, остроумии, блеске», он всегда искал точности, простоты и ясности.

Мериме большую часть своей жизни посвятил служебной карьере, на редкость блестящей и удачной. Он занимал высокие государственные должности, был крупным чиновником, сенатором, придворным. Однако его подлинные интересы были отданы литературе и науке. Широко и разносторонне образованный человек— историк, этнограф, лингвист, археолог,— он много путешествовал, был членом двух академий. Официальная близость к привилегированным кругам не мешала ему с неприязнью относиться к господствующим классам тогдашней Франции. За внешней сдержанностью светского человека скрывалось отвращение к своему торгашескому веку и глубокое презрение к современному ему буржуазно-дворянским нравам, которые он считал бесцветными, мелочными и пошлыми. Его литературное творчество заключало в себе острую критику тогдашней действительности. Парадоксом звучало признание сенатора Мериме, что ему больше всего нравится энергия людей, «борющихся против всего общества».

В поисках своих любимых героев писатель обращался то к бурному прошлому Франции, то к жизни народов, еще сохранивших национальную самобытность, не обезличенных буржуазными условиями существования — Корсики, Испании, Африки, славянских стран.

По своему мировоззрению он был близок к идеям французских просветителей, философов-материалистов XVIII века. Вольнодумец и атеист, Мериме начал свою литературную деятельность в половине 20-х годов XIX века, когда феодально-католическая реакция во Франции достигла своей наивысшей точки. Уже в самых ранних своих произведениях он выступал против мракобесия церковников и реакционного дворянства.

Так, в своем первом произведении, «Театре Клары Газуль»



(1825) — сборнике шуточных маленьких комедий из испанской жизни,— двадцатидвухлетний автор дерзко высмеивал монахов и инквизиторов, лицемерных и корыстолюбивых. Не пощадил Мериме и знатных грандов и королей. И хотя действие этих антиклерикальных и антифеодальных пьес происходило в Испании, всем было ясно, что молодой писатель направлял свои ядовитые стрелы против реакционной Франции. Наиболее смело и политически остро прозвучала пьеса «Испанцы в Дании». В этой пьесе уже проявилось столь характерное для будущего Мериме уважение к самобытности и национальной свободе народов. Все свои симпатии он отдавал испанским патриотам, защищающим родину, а французскую армию захватчиков изобразил в крайне неприглядных тонах. Стоит вспомнить здесь, с какой неприязнью и брезгливостью говорил Мериме много лет спустя и о «победе» англо-французских войск в 1860 году в Китае, прибывших туда, чтобы поработить великий народ.

В «Жакерии» — драме-хронике, написанной Мериме три года спустя после «Театра Клары Газуль», — героем является восставший народ. Сделав попытку воссоздать всестороннюю картину крестьянского мятежа XIV века во Франции, Мериме без всякой пощады изобличал грубость и жестокость феодальных баронов.

Враждой к религиозному фанатизму был проникнут исторический роман из эпохи гражданских войн Франции XVI века — «Хроника времен Карла IX» (1829), в ко-

тором Мериме нарисовал кровавую бойню Варфоломеевской ночи.

В историю литературы Мериме вошел прежде всего как несравненный мастер новеллы. С 1829 года он целиком переходит к этому жанру. Сжатые, логически стройные, предельно простые по выразительной законченности фабулы, написанные классически четким, чудесно сдержанным языком, новеллы Мериме при всей своей внешней суховатости полны внутреннего драматизма и сосредоточенной, глубоко скрытой страстности. «Матео Фальконе», «Кармен», «Таманго» рассказывают о вольных и пылких людях. Однако, любясь красотой ярких характеров, Мериме несколько не идеализирует своих героев и показывает их во всей суровой простоте неприкрашенной правды. Все эти люди — корсиканский крестьянин Матео Фальконе, непоколебимый в своих возвышенных понятиях о чести; непокорная, гордая, сбрасывающая с себя всякие цепи принуждения работница табачной фабрики Кармен; сжигаемый жаждой справедливой мести, величественный в своем гневе против обманувших его белых работорговцев чернокожий вождь африканского племени Таманго, — все они противопоставлены посредственному и бесцветному человеку буржуазного общества. В новеллах «Арсена Гийо», «Двойная ошибка», «Аббат Обэн» Мериме ставит в центр такого человека. Дидактика и морализация были чужды художественной манере Мериме. Позиция писателя в этих новеллах выражается в его

злой и тонкой иронии, прячущейся за естественной и непринужденной интонацией. Его ирония направлена на раскрытие лицемерия, ханжества, дутых и лживых моральных «заповедей», духовной опустошенности и грубого деспотизма, скрывающихся под внешним лоском светского воспитания. Мериме показывает, что и любовь и страсть в так называемом «высшем обществе» низведены до степени животной чувственности («Двойная ошибка») или же до пустого флирта («Аббат Обэн»), а брак строится на пошлом расчете («Двойная ошибка»).

В новелле «Арсена Гийо», за которую Мериме едва не лишили звания академика, он приблизился уже к критике самых основ буржуазной морали, противопоставив искреннюю, человеческую любовь проститутки хрупкой добродетели светской дамы, от скуки играющей в благочестие и с утонченной жестокостью отстраняющей умирающую соперницу от своего возлюбленного.

Большое место в научных и литературных интересах Мериме занимала русская культура. Серьезному изучению России, ее языка, литературы, истории были посвящены два последних десятилетия его жизни. Мериме настолько хорошо овладел русским языком, что переводил произведения Пушкина, Тургенева, Гоголя, впервые знакомя многих из своих соотечественников с этими писателями. Он был первым из выдающихся художников Запада, оценившим великое значение русской литературы. Критические статьи Мериме о Пушкине, Гоголе, Тургеневе — особенно о Пушкине — свидетельствуют о верном понимании писателем отличительных особенностей русской литературы. В Пушкине он пронзительно увидел величайшего поэта мира.

Восхищаясь беспощадной трезвостью и реализмом Пушкина, Мериме вместе с тем отмечал, что Пушкин всегда находит в человеке прекрасное и возвышенное начало. Эта человечность Пушкина в сочетании с глубокой гармоничностью и классической завершенностью его искусства служила для Мериме образцом. Великую заслугу русской литературы Мериме видел также и в ее общественном пафосе, в борьбе русских писателей против всего угнетающего и принижающего человека. Мериме был приверженцем не только русской литературы, но и ее языка. Любопытно отметить, что ученый-лингвист, знаток многих языков, Мериме утверждал, что из всех европейских языков самый богатый русский. «...Он как будто создан для выражения тончайших оттенков», — писал Мериме в статье о Гоголе. В 1862 году Общество любителей российской словесности избрало Мериме своим почетным членом, чем писатель немало гордился.

Но лучшим выражением признания его заслуг в укреплении культурной дружбы между народами России и Франции могут служить слова Тургенева, написанные им в 1870 году, после смерти Мериме: «...мы, русские, обязаны почтить в нем человека, который питал искреннюю и сердечную привязанность к нашему народу, к нашему языку, ко всему нашему бытию,— человека, который положительно благоговел перед Пушкиным и глубоко и верно понимал и ценил красоты его поэзии».

М. ЧЕРНЕВИЧ



В. Е. Маковский. НЕ ПУЩУ. 1892 год.

Киевский музей русской живописи.

Выдающийся жанрист

Владимир Егорович Маковский (1846—1920) написал множество самых разнообразных картин. Обладая редкой наблюдательностью, завидным трудолюбием, Владимир Егорович лишь дважды за долгие годы своей деятельности не представил работ на передвижную выставку. Обычно на каждой выставке появлялось по несколько его полотен. В одной из рецензий у В. В. Стасова есть такая фраза: «Владимир Маковский, против своего обыкновения, выставил нынче всего только три вещи...»

Картина «Не пущу» относится к лучшим произведениям художника. Стасов, откликнувшись на ее появление, писал: «...Нынешняя картина — страшная и грозная трагедия... Когда взглянешь в первый раз в лицо этой истерзанной женщины, бледной, изможденной, в это лицо, где нарисовалась мучительная история долгих ужасных годов, когда увидишь в этих глазах, какие там стоят слезы, какие рыдания сжимают горло в ту минуту, как она заслонила руками двери кабака и не пускает туда своего седого и пьяного, злого, холодного мужа, человека, готового, кажется, тотчас схватить ее за горло и задавить, чтобы она не мешала ему итти и тотчас пропить те штаны, которые он только что стащил из дому, а теперь судорожно сжимает в руке, в сердце станет холодно и страшно. Таких поразительных картин на свете

не много писано, и я никогда не сравню этой ужасной трагедии с теми признанными за классические, за потрясающие созданиями, которые наполняют галереи всей Европы. Эта несравненная истина, эта глубокая правдивость в выражении того, что в самом деле в жизни делается, все это — глубокое преимущество русской школы. Наше отечество может гордиться такими созданиями перед целым светом, перед всеми художественными школами».

На 21-й передвижной выставке появилась картина «Две сестры», также весьма драматического содержания. Эта картина имеет свою историю. Девятью годами раньше Владимир Егорович написал ее первый вариант (он недавно показывался в Москве на выставке произведений, хранящихся в частных собраниях). Видимо, тема социально-семейного конфликта глубоко волновала живописца.

Старика-отца, быть может, ученого или литератора, во всяком случае, честного и принципиального человека, Маковский писал с художника Ф. И. Ясновского. Академик акварельной живописи Федор Иванович Ясновский (1833—1902) был в свое время известным пейзажистом (несколько вещей Ясновского хранится в Государственной Третьяковской галерее).

Для всех действующих лиц картины Маковский нашел точные и выразительные характеристики. Умение раскрыть характер, создать живые, неповторимые образы составляет существенную черту творчества выдающегося русского жанриста.



В. Е. Маковский. ДВЕ СЕСТРЫ. 1893 год.

Куйбышевский городской художественный музей.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Рассказ

А. ШАРОВ

Рисунки Л. Бродаты.

После работы Фридрих зашел в кирху и, сняв шапку, долго стоял, прижавшись к каменной стене. Дощатые гробы выстроились длинным рядом. Мимо бесшумно ходил сутулый человек с бледным озабоченным лицом и считал, притрагиваясь к каждому гробу:

— Первый, второй... двадцать пятый, двадцать шестой, двадцать седьмой...

У конца ряда он остановился и, наморщив лоб, помедлив, чтобы собраться с мыслями, проговорил:

— Со мной было двадцать восемь человек. Где же двадцать восьмой?

В кирхе было пусто. Замолчал и, вздохнув мехами, снова начал играть орган. Человек повернулся и осторожной походкой, точно боясь потревожить товарищей, спящих после трудной работы, пошел обратно. Это был Тайбуш — штейгер, единственный, кому удалось во время взрыва рудничного газа пробраться к вентиляционному ходу и спастись.

— Все дело в том, что я не знаю, где двадцать восьмой, — невнятно сказал Тайбуш, останавливаясь рядом с Фридрихом. — Он провалился куда-то, и его не найдешь.

Опираясь на стену, штейгер долго прислушивался.

— Вам не кажется, что кто-то зовет? — спросил он. — Все гремит, и я не могу разобрать, откуда голос.

После каждого слова штейгер делал паузу и взглядывался в темноту. На секунду Фридриху самому представилось, что это не музыка, а приближается грохот обвала.

— Ничего не слышно, — наконец сказал Тайбуш. — Вы тоже не слышите?

Фридрих опустил голову, глядя на гробы, где лежали отец и брат — все близкие, кто был у него на свете.

...Шахта «Альте»¹ недаром называется так: она старая и ветхая не только по имени. Катастрофы повторялись на «Альте» так часто, что рабочие прозвали шахту «угольная мышеловка». Еще прадед Фридриха пришел сюда, в Штирию, из Нижней Австрии, где осталось его разоренное крестьянское хозяйство. Три поколения Краузе работали, голодали, копили деньги, чтобы уехать в родные места и выкупить виноградник. Но кто-нибудь заболел, терял работу, сбережения таяли, и все приходилось начинать сначала. Действительно угольная мышеловка! Вот она и захлопнулась...

После похорон Фридрих два дня не показывался в поселке. Это никого не встревожило: Краузе и прежде не отличался общительностью. На третий день проведать Фридриха собрался Дворжик, один из немногих товарищей отца. Фридрих сидел в углу под распятием. Лицо его похудело, резче выступили скулы, глаза казались темнее, чем обычно. В комнате было холодно. Протянув Дворжику руку, Фридрих спросил:

— Скажи, пожалуйста, кто хозяин нашей шахты?

— Крамер.

— Где он живет?

— В Вене... У нас он не бывает.

Они помолчали.

— Ты что, хочешь потребовать с Крамера за отца и брата? — спросил Дворжик.

— Да, я думаю сделать это.

— Не советую. У него сто адвокатов, и каждого он оплачивает золотом. А что у тебя? Медный грош в кармане.

Фридрих хмуро глядел в лицо старику. Дворжик почувствовал себя неловко и распрощался. Фридрих даже не заметил, как ушел гость. Он сидел и думал. Раньше ему казалось, только так и можно жить, как жили они: не зажигали света по вечерам, чтобы сберечь лишний грош, работали и отклады-

вали деньги — больше ничего. Теперь он знал: так жить нельзя.

Утром Фридрих вышел из дому и запер дверь висячим замком. Он подумал, что никогда не вернется сюда. Еще не совсем рассвело, и дом, где он прожил двадцать лет, казался особенно мрачным — старая, полуразвалившаяся халупа на краю ущелья; когда-нибудь ее сдует ветром или смоем дождем. Внизу, метрах в двухстах, виднелись заброшенные каменоломни, где он играл мальчишкой. Фридрих, не оглядываясь, по тропинке вдоль ущелья спустился к шоссе.

— Постой!.. Постой же! — крикнул кто-то позади.

Фридрих узнал Тайбуша. Штейгер бегом догонял его.

— ...Нет, — проговорил Тайбуш, подходя ближе. — Вас не было со мной, я помню хорошо. Этот двадцать восьмой просто провалился сквозь землю... — Тайбушу не хватало дыхания, и он оборвал фразу, взявшись руками за узкую грудь. Передохнув, он закончил: — Все-таки я разыщу его. Двадцать восемь человек спустились со мной... Штейгер отвечает, если хоть один не поднимется на гора.

За эти несколько дней Тайбуш весь поседел, даже брови стали белыми; говорил он по-прежнему так рассудительно, что возникало сомнение: правда ли, что он сошел с ума?

— За это отвечаете вовсе не вы, господин Тайбуш, — возразил Фридрих.

— Не спорьте! — сердито перебил штейгер. — Кто ты такой и что ты понимаешь в угле? Коногон, мальчишка-коногон — вот кто ты такой, и больше ничего! А я отдал «Альте» всю жизнь. Пойди в поселок и спроси о Тайбуше, сколько лет он на шахте и оставал ли когда-нибудь товарищей в беде. — В первый раз штейгер взглянул прямо в глаза Фридриху, но сразу опустил голову. — Пойди и спроси, — неуверенно повторил он.

...В Вену Фридрих попал на следующий день, после полудня. Прохожие указывали, что недалеко, в отеле «Гольденес Лямм», можно узнать адрес нужного человека. Фридрих назвал фамилию хозяина шахты, и девушка за барьером приветливо спросила:

— Возраст, имя?

Он не мог ответить на эти вопросы.

— Вы тут не один! — Девушка сердито вскинула голову с небрежно уложенными каштановыми волосами.



Всегда на работе Терезу Бунге переполняло одно не оставляющее ее чувство раздражения против вереницы приезжих, с утра и до ночи наводящих справки. Сколько адресов и номеров телефонов ей еще предстоит сообщить? Сто в день, две тысячи шестсот в месяц. Сколько же за всю жизнь? Вместе с каким адресом придет старость? Она узнавала посетителей с первого взгляда: коммивояжеров с их лакированными улыбками; сельских попи-ков, переодетых в мешковатое цивильное платье, чтобы приобщиться к таинствам столичного существования; мелких торговцев и купцов побогаче, у которых чековая книжка как бы отпечаталась на тщательно выбритых лицах; офицеров, нагловатых пруссаков; чиновников, отправившихся в путь, чтобы похлопотать о повышении в должности; нотариусов с их оценивающими глазами и подозрительно оглядывающихся по сторонам «гроссбузэров».

Новый посетитель показался ей еще менее заслуживающим внимания, чем другие. Но так было лишь в самый первый момент. Она еще раз подняла глаза и, задумавшись, свела брови, отчего лицо ее потеряло выражение скуки, стало значительнее и красивее. В снующей по вестибюлю толпе Фридрих стоял совершенно неподвижно, терпеливо ожидая ответа. Тереза забыла о первом впечатлении и думала только, как сделать, чтобы он подольше не ушел.



¹ Старая.

— Господину нужен Крамер! Книготорговец, врач, адвокат?

«Господин» был одет в слишком просторный для него старомодный отцовский сюртук, какие могли сохраниться лишь в глухой провинции. Но держался он прямо, без тени провинциальной приниженности, и гордо, даже вызывающе глядел на окружающих.

Тереза продолжала перечислять Крамеров — адвокатов, чиновников, офицеров, приказчиков, кельнеров.

— Можно целый город населить Крамерами — Крамерштадт... Но все-таки что вы знаете о своем Крамере, кроме фамилии?

— Он богатый!

— Это уже кое-что. Бедного найти труднее, да и какая от него польза?.. Есть, например, «Крамер унд зон» — ювелирный магазин... Не подойдет? Есть банкирский дом «Крамер, Вильбах и Штиглиц».

Она перелистала адресную книгу и огорченно добавила:

— Больше ни одного первосортного Крамера, которого я бы могла вам предложить.

Фридрих вышел, забыв поблагодарить Терезу. Довольно долго она смотрела вслед. К ней обращались другие посетители, она не отзывалась, пока наконец кто-то тронул ее за плечо:

— Что с вами, фрейлейн?

Она резко отодвинулась:

— Не трогайте меня!

Самой себе она сказала: «А сперва покажись, что я вытянула выигрышный билет. Отец прав: для девятнадцати лет я полная дура. Пусть! И дуры бывают счастливыми. Но я, очевидно, несчастная дура».

Банкирскую контору «Крамер, Вильбах и Штиглиц» Фридрих отыскал без труда. У лестницы, покрытой темнокрасным ковром, швейцар преградил дорогу:

— Господин Крамер уехал.

— Надолго?

— На неделю, а может быть, на несколько месяцев.

— Куда?

— Вы намерены совершить путешествие по югу Италии?

Фридрих нахмурился:

— Не знаю. Мне очень нужен господин Крамер.

Что-то в голосе посетителя, в широко развернутых плечах и сжатых в кулаки руках не располагало к шуткам, и швейцар промолчал.

У Фридриха оставалось некоторое сомнение, и, перед тем как выйти, он спросил:

— Скажите, этот Крамер владеет шахтами в Штирии?

— Он владеет половиной Австрии, молодой человек. Штирия уместается в его жилетном кармане.

Фридрих толкнул вращающуюся зеркальную дверь и очутился на улице. Он шел и думал: «Значит, придется подождать». За рядами домов, над покатыми крышами поднимался колющий силуэт Стефан-кирхи; она походила на горный пик. Дальше небо опускалось и приобретало сизоватый и грифельный, без блеска оттенок, по которому рабочий человек угадывает невидимые за домами фабричные трубы, — темное, тяжелое зарево труда. «Поступлю на шахту и продержусь до осени», думал он. — А если здесь нет шахт, отыщу место на заводе или наймусь грузчиком в порт — не все ли равно».

Он шел, не зная, куда, но не удивился, очутившись перед зданием «Гольденес Лямм», откуда вышел часа два назад. Девушка за барьером кивнула, как старому знакомому:



— Крамер, Вильбах и Штиглиц недостаточно богаты?

Может быть, он был слишком прост, чтобы уловить иронию, но, возможно, и не вслушивался, а в тоне голоса не было и следа насмешки.

— Просто у меня здесь ни одного знакомого. Я хотел посоветоваться с вами, — объяснил он.

Через час Тереза сдавала дежурство, и они вышли из отеля.

В первый день их случайного знакомства и всегда позже Тереза видела Фридриха в двух разных проекциях. Как бы два непохожих человека были перед ней. Если она смотрела на Фридриха из-за барьера отеля, как в первый раз, или со скамьи Штатт-парка, когда он шел к ней, все ускоряя шаги, она чувствовала себя старше его. Потом это чувство переходило в другое — ощущение не совсем понятной для нее надежной, железной силы человека, который был рядом.

Но всегда она знала, что вытянула выигрышный билет. И знала, что это удивительно, потому что выигрыш был единственный на всей земле.

Они сидели на скамейке и думали, где устроиться Фридриху на ночь.

— Может быть, пойти к дяде Густаву? — неуверенно проговорила Тереза.

— Я переночую в парке.

Она решительно поднялась:

— Тут нельзя.

...Семья Бунге давно разделилась на две ветви. Густав был представителем одной из этих ветвей, а Герман, отец Терезы, — другой. Встречались они редко, и радости встречи не приносили. Все же раз в год, в канун сочельника, семья Бунге собиралась в полном составе. Происходило это на квартире Германа — большой, заставленной массивной мебелью, на первый взгляд казавшейся старинной, а в действительности сделанной из клееной фанеры.

— Если вдуматься, — сказал брату во время последней встречи Густав, — раскол в нашем роду начался из-за того, что ты перенял от предков семейный герб — копилку в виде свиньи со щелью на спине, а я отказался следовать жизненным принципам, выраженным в этом гербе. Раскол произошел тридцать лет назад. Почему же ты так мало приблизился к цели?

Он оглядел мебель, состарившуюся прежде, чем была оплачена.

— Инфляция, — односложно ответил брат. —

Пока ты шатался по свету, я успел накопить кое-что, но все это превратилось в бумажки. Густав промолчал, и спор не возобновлялся. Закрыв за Густавом дверь и накинув цепочку, отец предупредил Терезу:

— Он красный, и я запрещаю с ним встречаться.

...Фридрих остался на улице, а Тереза поднялась по лестнице и позвонила. Густав встретил гостью без радости и без удивления, как будто она приходила ежедневно. С сожалением откладывая книгу, он проговорил:

— Гусеница со временем превращается в бабочку, а гадкий утенок в лебедя. Жаль, что в Вене дело происходит иначе: из мотылька дочь приличных родителей становится чаще всего обыкновенным червяком.

Она спросила:

— Ты это обо мне?

Он еще раз взглянул на нее:

— Сейчас ты больше, чем когда-либо, похожа на бабочку. Я говорю в виде предупреждения: у вас в доме от самого воздуха линияют краски.

Приютить Фридриха на ночь Густав согласился без лишних вопросов.

— Что ж, пошли его наверх. Только предупреди: если ему вздумается резать меня ночью, он найдет в квартире одни лишь книги и пыль. Книжки бесценные, но кому он продаст их в нынешней Австрии?

Поздоровавшись с Фридрихом и жестом пригласив его сестру, Густав спросил:

— Вы из Штирии?

— Да.

— Я бывал в ваших местах: Хохшваб, Низкий Тауэрн, Грац... Очень давно, до вашего рождения.

Ему вспомнилась тюрьма в Граце, в которой он сидел за организацию забастовки, удивительно красивые горы Тауэрна и Глейн-Альпе.

Они помолчали и начали укладываться.

Ночью Густав поднялся, как всегда, зажег настольную лампу и сел к столу. Фридрих, лежа на диване, смотрел на этого седого, морщинистого человека. От электрического света морщины казались глубже. Рубашка растегнулась, и на груди выделялся неровный шрам, а повыше, около ключицы, была видна пулевая рана, затянувшаяся белой кожей.

Винтовочная пуля попала в грудь в двадцать седьмом, во время уличных боев в Вене; шрам был памятью о днях, когда рабочие Флоридсдорфа пытались оружием преградить дорогу фашизму.

Густав перелистывал книгу. Иногда он увлекался и читал вслух, тихо, без особого выражения, даже монотонно, но так, что прочитанные слова приобретали вес и стучались в стены комнаты, в темные окна, в твоё сердце.

Заметив, что Фридрих лежит с открытыми глазами, он проговорил:

— Если не спишь, вставай и садись вот здесь. Такие книги нельзя слушать лежа.

С тех пор они читали почти каждый вечер по два или три часа, иногда вслух, а иногда про себя.

К концу недели Фридриху удалось устроиться в котельный цех Штальбергверке. Бунге предложил остаться жить у него, и Фридрих принял предложение: они оба очень привыкли друг к другу.

Иногда Фридрих засиживался за книгой до



утра. Очнувшись, он торопливо глотал горячий кофе и уходил на работу. Книги сопровождали его до Штальбергверке. Ему то представлялось, что он Спартак и прорывается через кольцо римских легионов; то, что он стоит среди коммунаров у стены Пер-Лашез под пулями версальцев; то, что он рядом с Чапаевым плывет через Урал.

О прочитанном Фридрих рассказывал товарищам. Иногда он спорил с новыми друзьями. Как-то после такого спора Фридрих спросил Густава:

— Если бы коммунары не совершили в семьдесят первом году ошибок, что было бы тогда? — Не давая ему ответить, он торопливо, с какой-то торжественностью закончил: — Я сказал товарищам: если бы коммунары не совершили ошибок, мы бы давно победили!

В конце разговора он спросил:

— Мы не повторим ошибок Коммуны?

— Нам легче: есть Советский Союз, и у нас опыт русской революции.

Ему было необходимо, чтобы Тереза знала все, что становилось для него самым важным. Она слушала внимательно, но вдруг сердито перебивала:

— Ты говоришь так, будто это никому не известно. И потом, все твои герои погибли!

— Неправда!

— Все, все! И Спартак, и коммунары, и Марат. Их распинали, четвертовали, расстреливали. Они все побеждены.

— А русские?! — говорил он одновременно победно и гневно.

Раз в неделю Фридрих справлялся в дирекции банка, не приехал ли Крамер. Так проходил месяц за месяцем. В день, когда исполнилось полгода со дня приезда Фридриха в Вену, швейцар, который уже привык к нему, сказал, едва он переступил порог вестибюля:

— Господин Крамер вернулся... Нет, его сегодня не ожидают в банке. Может быть, завтра, если господин Иоганн Крамер успеет отдохнуть.

По улице проходили люди с букетами, перевитыми траурными лентами, с венками и дешевыми букетиками. Фридрих не сразу вспомнил: кажется, сегодня день поминовения усопших. Люди с цветами шли в одну сторону; значит, близко кладбище. Он пошел вслед за всеми, но, сделав несколько шагов, свернул в переулочек. Еще вчера полгода, прожитые в Вене, казались важнее и дороже всех прежних лет. Теперь все исчезло из памяти: прочитанные книги, Густав, Тереза... Он шел, как тогда, по дороге из «Альте», с единственной мыслью, не оставлявшей места ни для чего другого. Поток букетов и траурных лент становился шире; аромат цветов доносился даже сюда, в глубину переулочка. Подошла цветочница с корзиной и протянула пучок красной и белой гвоздики. Он не сразу понял, что говорит девушка, потом сказал:

— Мне не нужно. Мои лежат далеко.

Ему вспомнился горняцкий поселок, гробы в кирхе, штейгер. Он почти побежал домой. Густав был болен и лежал, прикрывшись пледом. Фридрих, не раздеваясь, шагнул к дивану:

— Вы должны помочь мне достать оружие.

— Зачем?

— Вернулся Крамер.

— Зажги свет, — попросил Густав, вглядываясь в суровое лицо юноши.

Фридрих не тронулся с места.

— Достаньте мне пистолет. Я для того и приехал, чтобы рассчитаться с Крамером.

Густав с трудом поднялся и положил руку на плечо Фридриха. Ладонь была такая горячая, что жар проникал через материю.

— Ложитесь, — хмуро сказал Фридрих. — Вам нельзя вставать.

Бунге не ответил.

— Хорошо, ты пристрелишь Крамера, — проговорил он через несколько секунд. — Ты думал, что будет потом?

— Мне все равно.

— Убить одного подлеца... Не многое же ты хочешь сделать в жизни, сынок! Стоило ли для этого появляться на свет?

Густав повернул выключатель. Свет ударил в глаза, и Фридрих зажмурился.

— Убьешь Крамера — останутся Вильбах и Штиглиц. Разве компаньоны лучше Крамера и меньше виноваты в том, что произошло? А потом банк Крамера — всего лишь отделение Берлинского коммерческого банка, а этот по-

следний контролируется Куном и Лэбом в Нью-Йорке. Разве у тебя хватит сил уничтожить всю шайку?

— Что же делать? — хмуро спросил Фридрих.

— Мы прочли столько хороших книг; я думал, ты разобрался в самом главном.



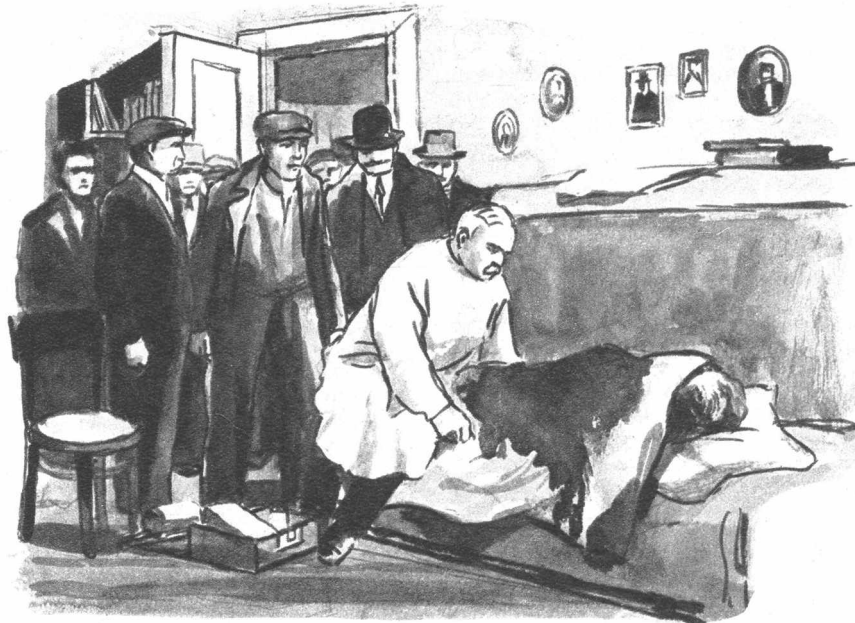
Помолчав, он сказал еще:

— Одиночку легко уничтожить: о н и имеют оружие, армию, тюрьмы. А партия... Партия бессмертна!

Вскоре Фридрих стал членом партийной организации Штальбергверке. Это было переломное время. Над рабочими районами еще поднимались зарницы Флоридсдорфа. Работая у станка, люди не забывали, что вчера они сражались на баррикадах. Кровь расстрелянных еще согревала камни мостовых. Как-то вместе с Густавом Фридрих проходил мимо дома со сводчатыми воротами.

— Видишь? — спросил Густав.

Стены были изрешечены пулями; тут в тридцать четвертом расстреливали восставших.



И мертвые они не давали успокоиться врагу! Разгромив рабочие отряды, австрийская буржуазия приценивалась, кому вернее продать, чтобы предотвратить повторение грозных событий: католическому фашизму Италии или фашизму Гитлера? Первый обещал сохранить тень независимости, второй надежнее сотрет даже тень революции. Австрию наводнили коммивояжеры обеих фирм: коричневорубашечники и римские прелаты. В июле тридцать шестого года правительство Шушнига заключило договор с гитлеровской Германией, и Австрия вступила в полосу открытой диктатуры нацизма. Пятый год партия боролась в подполье. Несмотря на молодость и недостаточный партийный опыт, Фридрих Краузе очень скоро стал одним из руководителей заводской, а затем районной организации; надо было заменить убитых и арестованных.

С Терезой он виделся редко, и это было тя-

жело для них обоих. Когда после месячной разлуки они наконец встретились, прежде чем поцеловаться с девушкой, Фридрих сказал:

— Это так трудно, что мы не вместе.

— Отец никогда не согласится. — Ей не хотелось верить себе, и она добавила: — Но ты ведь не навеки останешься на заводе? Если ходить в вечернюю школу, откладывать немного денег... Мы можем не ездить на подземке, реже ходить в кино.

Они гуляли по склону холма в самой глубине леса — кругом ни души. То, что Фридрих сказал в ответ, показывало, что он не слышал ее слов или они прошли мимо его сознания:

— Знаешь, когда мы победим, ты еще будешь молодой... Я часто думаю об этом.

Они выбрались из леса и спустились к городу.

— Ты как слепой, — сказала она. — Куда ты смотришь, о чем ты думаешь? Ты и идешь не как все. Как канатоходец по канату.

— Слепой... Разве не для того научился человек ходить на двух ногах, чтобы глядеть вперед? Без этого он вполне мог бы продолжать ползать на четвереньках. — Помедлив, он сказал еще: — Одни люди живут прошлым — твой отец, например, мир для него кончился инфляцией; другие — сегодняшним днем. Это не жизнь — жить можно только будущим.

Как всегда, непонятная ей самой сила его слов одновременно вызвала сопротивление и захватила ее.

В кино, как только погас свет, она прижалась к Фридриху и сидела, не шевелясь, с зажмуренными глазами, не различая того, что происходит на экране.

Фридрих вернулся домой поздно вечером. Из прихожей на площадку падала полоса света. Он очень обрадовался, что Густав не спит и ждет его — даже не закрыл дверей. Не раздеваясь, Фридрих вбежал в комнату. Она была наполнена людьми, сгрудившимися возле дивана. Все молча расступились, и Фридрих увидел тело, прикрытое чем-то красным; сперва ему показалось, — знаменем, потом он понял: это не знамя, а простыня, пропитавшаяся

кровью. Около дивана на полу стояли чемоданчик и металлический стерилизатор. Неподвижно сидел человек в белом халате, очевидно, врач.

Фридрих осторожно поднял простыню. Лицо убитого было серовато-бурым, с глубокими, будто высеченными на камне морщинами. Грудь открыта, и около левого соска виднелась пулевая рана, откуда уже не лилась кровь.

«Металл с нами заодно, — говорил когда-то Густав. — Первый раз пуля попала выше сердца, второй раз осколок — ниже. Счастье за нас».

Теперь пуля попала в самое сердце.

Кто-то позади сказал:

— Подстерегли за проходной, в переулочке, и застрелили. Тело хотели унести, нам удалось отбить.

Только теперь Фридрих оглядел всех, кто

был в комнате, узнавая и проверяя взглядом одного за другим. Пересиливая себя, он сказал:

— Что же вы все вместе? Чтобы шушниговским молочникам было легче работать?!

Он почувствовал, как новая тяжесть легла на плечи; ее надо выдержать.

Товарищи целовали убитого и поодиночке выходили.

В середине февраля 1942 года Фридрих получил задание поехать в Берлин, чтобы восстановить прерванную связь с Центральным комитетом Коммунистической партии Германии. Через месяц, на обратном пути в Радебойле, Фридриха Краузе, как было условлено, встретил связной Генрих Ланге. Он передал, что возвращаться в Вену руководство не разрешает: в партийной организации оказался провокатор, и сотни коммунистов арестованы. Необходимо переждать.

Они сидели в сквере возле вокзала. Поезд уходил через двадцать минут, а надо было еще о многом договориться.

— Паспорт, который у тебя, скомпрометирован, — говорил Ланге, — сейчас нет никакой возможности достать другой документ; постарайся сам продержаться это трудное время.

Фридрих кивнул головой. Мимо прошла женщина в нарядной меховой шубке. Пока она не скрылась из глаз, Ланге насвистывал увертюру из «Тангейзера».

— Слушай, — тихо сказал Ланге, на минуту забыв, что с лица его не должно сходить выражение довольного и преуспевающего коммерсанта. — Это надо сообщить не так, но, в конце концов, не все ли равно, как рассказать о том, чего не исправить...

— Ты о Терезе? — спросил Фридрих.

— Да. Ее арестовали через три дня после твоего отъезда. Неделью назад Терезу выпустили; она кашляла кровью, и состояние ее безнадежно. — Он взглянул на часы и жестко закончил: — Она умерла и похоронена два дня назад. — Ланге посмотрел в конец сквера и быстро добавил: — Это идут шпики, если я что-нибудь понимаю в людях. Держись, чего бы тебе ни стоило!

Фридрих сидел, откинувшись на спинку скамьи, и палкой с острым наконечником чертил на земле неровные квадраты.

Он шел по жизни, теряя дорогих ему людей: брата, отца, товарищей, вместе с которыми он боролся. Но эта потеря была самой несправедливой. Тереза погибла из-за него, а он не был с ней рядом, даже не знал, что она умирает. Погибла за дело, в которое не успела до конца поверить.

Всю свою сознательную жизнь после того, как он стал коммунистом, Фридрих даже чаще, чем о настоящем, думал о будущем: какой станет жизнь после победы. И всегда он смотрел на будущее как бы ее глазами, точно показывал ей новый мир. В этих мечтах она была так неразделимо близка к нему, как не была даже в настоящей жизни.

Фридрих вспомнил, как в последнюю встречу она попросила его сломать ветку ветлы с набухшими почками, гордо, с сияющим лицом неслась ее, а потом отошла подальше от тропинки, ладонью выкопала ямку во влажной земле и, посадив ветку, очень серьезно сказала: «Через пятьдесят лет вырастет огромное дерево; мы обязательно придем сюда и подумаем, как прошла наша жизнь».

— Ты ее видел? — спросил Фридрих, не глядя на Ланге.

— Конечно, нет. Ты не представляешь себе, что делается там, в Вене. Каждый ждет своей очереди... Да и кто остался еще на свободе? Мы боимся своих теней: завтра окажется, что они служат в гестапо. Я давно хотел сказать: пора нам перестать самим с собой играть в прятки. Партии больше не существует; есть огромное кладбище — мертвые солдаты мертвой страны.

Фридрих повернулся к Ланге. «Уставший, — подумал он, — такие опаснее всего».

— Ты ошибся, когда выбрал профессию, — проговорил Фридрих, поднимаясь со скамьи. — Тебе надо быть лавочником, а не революционером. Хочешь хороший совет? Пусти себе пулю в лоб, пока ты не стал провокатором.

Он зашагал в сторону, вышел на площадь и замешался в толпе.

Фридрих шел и думал. Ланге передал приказ — переждать. Но как? Он десять лет не был на «Альте», гестапо вряд ли догадается искать его там. В крайнем случае можно будет спрятаться в каменоломнях.

Он еще раз проверил в уме все эти доводы. План стоил немногого, но ничего другого не оставалось.

До Нейштадта Фридрих доехал поездом. Дальше он шел в обход шоссе, горными дорогами, останавливаясь в маленьких деревушках. Походка, выговор, строгий и сумрачный склад лица не вызывали сомнений в том, что он местный житель, шахтер, направляющийся домой, и горцы не расспрашивали его.

В «Альте» Фридрих добрался на третий день, под вечер. Тропинка к двери так заросла сорной травой, что не было сомнений: дом необитаем.

Фридрих шагнул по обочине, стараясь не смять траву. Замок висел попрежнему, только стал красным от ржавчины. Из замочной скважины выглядывала бледнозеленая травинка. Когда Фридрих коснулся дверей, замок упал: ржавчина развела и кольца. В комнате было темно. Фридрих нащупал стол и стул, мохнатые от пыли. Довольно долго он сидел, положив голову на ладони, потом ощупью нашел печку, сжег паспорт, который мог его выдать, и перемешал пепел со слежавшейся золой. Глаза привыкли к темноте или ночь стала светлее, во всяком случае, он различал стул, стол, кровать, стены с рваными обоями. Предметы казались серыми или черными. Фридрих стряхнул с матраца пыль и лег, прикрывшись коротким пальто.

Сквозь сон Фридриху слышались шаги и запинаящийся голос:

— Я же говорил, что найду двадцать восьмого. Вот он здесь. Я был на горе, когда он проходил по шоссе, и сразу его узнал.

Фридрих приподнялся на локтях.

— Тайбуш?! — окликнул он, узнавая голос штейгера.

Тайбуш подошел почти вплотную. Глаза под седыми бровями глядели в сторону, на темную стену, с которой свисали обрывки обоев.

— Конечно, Тайбуш. А кто такой ты? — бормотал штейгер. — Постой... Это же Фридрих Краузе, коногон из северного забоя. Тебя трудно узнать, но я помню каждого, у кого в жилищах есть крупинка угля с «Альте». Кому же еще помнить... Это ты? А где же двадцать восьмой? Когда я с горы увидел, что по шоссе идет человек, я подумал, что нашел его наконец.

Штейгер остановился и провел ладонью по лбу и глазам.

— Со мной был старый Краузе и Михель, твой брат; такого забойщика больше нет во всей Штирии... Тебя в тот раз с нами не было.

Фридриху представилось, что он вновь, как тогда, после катастрофы, стоит в кирхе. Ветер за окном шумел, будто органист перебирал клавиши. Штейгер прислушался, поднял глаза и торопливо заговорил иным, тихим, но внятным шепотом:

— Постой... Ребята велели передать, чтобы ты уходил отсюда. Они сказали: «Нам, Тайбуш, не пробраться, а к тебе гестаповцы привыкли и не станут тратить на тебя пулю. Пойди и скажи Краузе, если только это он вернулся в свою халупу, — пусть выберет место поспокойнее. Его уже искали и сейчас поджидают».

Глаза у Тайбуша расширились, и лицо выражало почти непосильное напряжение.

— Слышишь, коногон? — шептал штейгер. — Тут шпик на шпике. Может быть, хромой Гейнц уже пронюхал и побежал к капитану, а если не пронюхал еще, — пронюхает завтра. Ребята говорят, лучше уйти, пока не рассвело; на дороге патрули — выбирайся через каменоломни. Они послали паспорт, — может, пригодится. Это осталось от Виллема, которого придавило в прошлую среду.

Штейгер опять смотрел в сторону, на темную стену. Шопот превратился в невнятное бормотание.

Фридрих вышел из дому вслед за Тайбушем. Было еще темно, но темнота становилась прозрачнее. Тропинка спускалась почти отвесно, и подошвы скользили по камню, отполированному недавним дождем. Фридрих оступился и заскользил вниз; хорошо, что на пути попался колючий куст. Боли Фридрих не почув-

ствовал, но на ладонях выступила кровь. Он слизнул ее и завязал руку платком.

Сверху не доносилось ни звука, но с каждой минутой усиливался ровный гул. Это шумел ручей и перекачивался по ущелью ветер.

Темнота сделалась белесоватой; очевидно, он попал в полосу тумана, поднимающегося со дна. Тропинка тянулась вдоль течения Мура. Фридрих круто свернул и стал подниматься напрямик, в горы. Хорошо, что они с братом исходили эти места вдоль и поперек, когда занимались на рудники Эйзенэрца.

Подъем был трудный. Фридрих остановился и сел на камень, чтобы передохнуть. Он ушел от «Альте» километров на пять, не дальше. Поселок едва заметен мерцал огнями на дальнем склоне горы; как будто пылинки слюды были вкраплены в каменную глыбу. Гудок не доносился сюда, но, должно быть, на «Альте» уже собиралась утренняя смена. Все время он думал о товарищах, которые предупредили его.

Ему захотелось представить себе лицо Виллема — как будто так звали смуглого мальчика с рябинками на носу, который сидел в школе на последней парте, в самом темном углу. Может быть, и не так — ясно припомнить Фридрих не мог.

Внизу было совсем темно, а вершины уже светлели. Ему вспомнилась Вена, какой он видел ее последний раз, перед отъездом в Германию: из сизовой дымки поднимались крыши, шпили, купола, а дальше, на окраине, стеной стояли трубы. Почему-то когда он думал о будущем, то представлялись не удивительные дворцы и парки, а лица людей. Тысячи мужчин, матерей, детей, девушек с такими просветленными, сияющими глазами, какие он один или два раза в жизни видел у Терезы и больше ни у кого на свете.

Кровь на ладони запеклась. Он выстирал платок в ручейке и поднялся. Перед поездкой в Германию его собирались послать в Эйзенэрц восстанавливать партийную организацию. Он и пошел теперь прямо на северо-восток так, чтобы дорога оставалась слева.

...В Вену Краузе вернулся на другой день после освобождения города. Там, где переулочки были завалены обломками разбомбленных и сгоревших зданий, он пробирался через руины. На заводском дворе Фридрих встретил Вильгельма Гарвица, одного из старейших членов партийной организации Штальбергверке.

— Живой? — спросил Фридрих, вкладывая в это слово все.

Секунду Гарвиц смотрел, не узнавая, потом крепко его обнял. Вместе они зашли в двухэтажное здание, где когда-то помещался заводской комитет. Окна были выбиты, на полу валялся портрет Гитлера, пересеченный строчкой автоматной очереди.

Они сидели у стола друг против друга, и Гарвиц рассказывал:

— Убит Карл Мюллер, Теодор замучен в Дахау, расстреляна Анна, убит Торнберг, убито двенадцать членов Центрального комитета...

На заводе узнали о возвращении Фридриха, и в комнату поодиночке и группами входили рабочие. Тут были старые товарищи по заводу и люди, которых Фридрих почти не знал: юноши, чем-то напоминающие его самого десять лет назад, когда он только поступил в Штальбергверке; и кадровые пролетарии, не только с ненавистью к врагу в сердце, но и с силой, опытом борьбы. Гарвиц говорил очень тихо, как будто надо было сохранить в тайне, что верные и испытанные командиры революции выбыли из сражения. Фридрих слушал и вспоминал товарищей. Огромного кузнеца Торнберга, «правдофангового Вены», как его называли рабочие, человека с темным от металлической пыли лицом, воспаленными веками и меняющимися, иногда серыми, иногда голубыми, глазами. Он последним поднял руку, голосу за прием Фридриха в партию, и, не опуская руки, сказал: «Вот и еще одним коммунистом стало больше на земле; маленькую Анну — она даже шопотом в годы подполья умела петь так, что, казалось, песня гремит над всем миром; Карла Мюллера — героя Флоридсдорфа».

Гарвиц продолжал счет потерь. Когда он замолчал, все поднялись, отдавая честь памяти погибших. Несколько секунд царила тишина. Люди стояли тесно, плечом к плечу.

J.-P. CHABROL
BUCAREST. 53.15



américain et coréens

Американец и корейцы.

Рисунки Шаброля

Среди гостей IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Бухаресте находился французский художник-публицист Жан-Пьер Шаброль.

Жанровые зарисовки, портреты, иллюстрации — таково поле деятельности этого прогрессивного художника, постоянного сотрудника французской коммунистической газеты «Юманите».

Лаконизм рисунков Шаброля и некоторая плакатность зачастую вытекают из специфики работы художника-газетчика. Хороший рисовальщик, он умеет смелой контурной линией создать выразительную композицию, глубоко психологический портрет.

На фестивале по просьбе нашего корреспондента Жан-Пьер Шаброль сделал несколько рисунков для журнала «Огонек».

Уверенность в победе дела мира, радость дружбы, которые царили на фестивале, не могли не отразиться в рисунках Шаброля. Портреты семнадцатилетней француженки Анни Гадю, юной румынки, молодой кореянки говорят о счастье встречи друзей, спаянных единой надеждой; композиция «Американец и корейцы» символизирует дружбу народов.



J.-P. CHABROL
BUCAREST. 53.13

Молодая румынка.

JEAN-PIERRE
CHABROL
BUCAREST. 53.14



L'ARMISTICE

В день перемирия. Кореянка — участница фестиваля.



J.-P. CHABROL
BUCAREST. 53.12

*ANNIE GADOU
dite "GiGi", 17 ans
étudiante à Lyon.*

Анни Гадю — семнадцатилетняя учащаяся из Лиона.



КОМАРОВ

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунок Д. Дубинского.

Когда облака наплывали на солнце, вода в заливе из голубовато-белесой становилась сизой с тусклым свинцовым отсветом. Большой, гладко вылизанный волнами камень, торчавший метрах в пяти от берега, тоже темнел, и от него ложилась на воду бархатистая черная тень. Колеблемая волной, тень то укорачивалась, то удлинялась, и мне стало казаться, будто у камня плещется черный тюлененок.

— Комаров, перестань! Слышишь, что тебе говорят, Комаров?

Уже не в первый раз звучал за моей спиной этот скрипучий женский голос. И всякий раз он призывал к порядку какого-то Комарова. «Беспокойный мужчина, — подумал я о Комарове. — Чего он там колобродит!» Но повернуться лень, а к тому же посмерклось, и у большого камня вновь заиграл черный тюлененок. Видение обрело странную устойчивость: чем дольше я смотрел, тем труднее было представить, что это всего лишь клочок тьмы.

— Комаров, в последний раз говорю, оставь Рыжика в покое! — вновь проскрипело за моей спиной. — Встань, Комаров!

— А я ничего не делаю! — послышался силоватый, недовольный голос.

Я оглянулся и уперся взглядом в пуп, похожий на отпечаток гривенника в песке. Передо мной стоял четырехлетний человек, совершенно голый, если не считать высокой белой панамы, лихо нахлобученной на одно ухо. Из-под панамы серьезно и чуть удивленно глядели два круглых бутылочного цвета глаза. Рожица у Комарова курносая, веснушчатая и самая продувная. Над Комаровым склонилась рослая, грузная женщина в зеленом шелковом платье. При малейшем ее движении жесткий шелк рассыпал сухой треск электрических разрядов. Позади воспитательницы, подставив солнцу спины с острыми уголками лопаток, лежали двадцать — двадцать пять сверстников Комарова.

— Ты зачем закладывал ногу на Рыжика? — негодуя воскликнула воспитательница, и в лад ее скрипучему голосу рассыпались трескучие искры шелка.

— А чего он лежит, как мертвый! — отозвался Комаров.

— Зачем ты кидал песок в глаза товарищам?

— Кто кидал? Я его сеял. Это ветер.

Мудрая обоснованность ответов Комарова явно ставила в тупик воспитательницу.

— Тяжелый мальчик! — вздохнула она.

— Я не тяжелый, — возразил Комаров и хлопнул себя по животу. — Я после обеда тяжелый.

Подожла молодая женщина в белом халате с повязкой медсестры на рукаве и молча показала часы-браслет.

— Подъем! Подъем! — закричала воспитательница и, как клуша крыльями, замахала короткими полными руками, родив настоящую электрическую бурю. — Одеваться и строиться!

В воздухе послушно замелькали кусочки ситца — короткие ребячьи трусики, — посыпался песок из сандалий, и вот уже первые пары чинно подравняются в затылок, и только Комаров, голый и сумрачный, не притронулся к одежде.

— А купаться кто будет? — хмуро бормотнул он как бы про себя.

— Во всяком случае, не ты! — съязвила воспитательница, но, видимо, зная, что от Комарова так просто не отделаться, сочла нужным добавить: — Врач запретил купаться: вода слишком холодная.

— Дети могут простудиться? — серьезно спросил Комаров.

— Хватит разговоров, одевайся!

Комаров с ожесточением схватил трусики, но почему-то не надел их сразу, а сперва занял место в строю, и лишь тогда, сделав из штанины кольцо, сунул в него ногу.

— Пошли!

Воспитательница хлопнула в ладоши, строй колыхнулся, двинулся и тут же пришел в замешательство. Писк, гам, волнение. Что случилось? Комаров споткнулся, повалил идущего впереди мальчика, тот, в свою очередь, опрокинул следующего. Воспитательница навела порядок. Новая команда — и новая свалка.

— Что с вами, дети?

— Комаров падает...

— Комаров, выйди из строя!

Комаров добросовестно пытается выполнить приказание, делает странный, укороченный шаг и падает в песок.

— Что с тобой, Комаров?

— Плохо мое дело, — сказал Комаров, поднялся, шагнул и вновь упал.

— Что это с ним? — В голосе воспитательницы отчаяние. — Неужели солнечный удар?

Товарищи Комарова очень довольны, они весело смеются, затем один из них говорит:

— Нина Павловна, он обе ноги в одну штанину сунул.

У воспитательницы, верно, никогда не было собственных детей. Она обескураженно смотрит на Комарова, точно не зная, как помочь беде, затем нагибается и неумело выпрастывает ногу Комарова из штанины.

— Зачем ты это сделал? — говорит она, распрямляясь.

— Так интересней, — спокойно и благожелательно поясняет Комаров и, вдруг осененный новой идеей, спрашивает: — Нина Павловна, а что такое — человек?

— Не знаю, — раздраженно отмахнулась воспитательница, неожиданно сказав правду.

Группа тронулась дальше и вскоре скрылась в прибрежном сосняке.

А через несколько дней я снова встретился с Комаровым. Я возвращался с моря по крутой песчаной улице. Вдоль правой ее стороны тянулся штакетник, дальше круто вверх забирал густой сосняк; по левую же сторону раскинулись пустыри войны, не обжитые до сих пор; они густо поросли папоротником и какими-то непривычного вида хвощами, едко пахнувшими скипидаром.

И вот, когда я поровнялся со штакетником, одна из планок его вдруг сдвинулась в сторону, в широкой щели показалась маленькая, иссеченная белыми травяными порезами нога в сандали, затем панамка, похожая на поварской колпак, загорелая, испачканная рука и, наконец, вся фигура моего пляжного знакомого. Он вылез, осмотрелся кругом, аккуратно

поставил планку на прежнее место и залился долгим, торжествующим смехом. Не было никаких сомнений: Комаров совершил побег.

Каюсь, я не взял Комарова за руку и не отвел его к воспитательнице. Улица была помечена знаками, запрещающими проезд, и Комарову ничто не грозило, к тому же и я был рядом. Правда, воспитательница переживет несколько неприятных минут, но... поде-лом ей.

Мне приходилось несколько раз в день проходить мимо этого детского сада, и я убедился, что здешняя воспитательница явно не в ладах с природой. Она не доверяла молодым, колючим сосенкам, кустарнику, приютившему густую тень, дальним уголкам сада, заросшим дикой малиной и ежевикой. Из всей обширной территории сада она оставила своим питомцам лишь гладкий пятачок крокетной площадки. И стоило кому-нибудь из ребят в погоне за жуком или просто в порыве любознательности нарушить запретную зону, как испуганный окрик немедленно настигал беглеца.

Конечно, так ей было куда удобнее блюсти своих питомцев, но мне казалось, что она слишком упрощает себе задачу. «Пусть Комаров погуляет на воле, — решил я и предоставил ему свободу. — Что-то он станет делать?»

Внизу, по приморскому шоссе, звонко сигналя на поворотах, пронеслись легковые машины, грузовики, тяжело просевшие автобусы, отчаянно таратайки мотоциклы, но Комарова, городского ребенка, не привлекали знакомые городские шумы. Не обратил он никакого внимания и на спускающихся с горы велосипедистов, которые, держась рукой за седло, бежали вдогонку за своими позванивающими на неровностях дороги велосипедами...

Комарова привлекал девственный мир, и он заковылял на бугор. Неожданности подстерегали его здесь на каждом шагу. Вот он наступил на какую-то дощечку, и из-под нее с упругим щелчком выскочила зеленая сосновая шишка. Пролетев метра полтора, шишка приземлилась на краю дорожки, под кустом таволги, чуть поворочалась и улеглась спокойно. Это была цельная, крепенькая молодая шишка, верно, еще никогда не виденная Комаровым, потому что такие шишки прочно держатся на ветках, а по цвету неотличимы от хвои. К тому же она прыгала! Легким, крадущимся шагом Комаров приблизился к шишке и прихлопнул ее ладонью. Попалась! Он ощупал пальцами твердое ребристое тело шишки, но это не открыло ему тайны маленького зеленого кругляша.

— Ты разве умеешь прыгать? — спросил Комаров.

Не получив ответа, он решил испытать шишку: он положил ее на землю и отвернулся. Нет, шишка спокойно лежит на том же месте, она не делает ни малейшей попытки к бегству. Тогда Комаров зажал шишку в кулаке, и в тот же миг увидел еще две такие же шишки под кустом таволги. Он хотел достать их и вдруг с болезненным криком отдернул руку: он острекался о крапиву, впутавшую свои колючие листья в ветку таволги. Комаров потер руку, полизал ее языком и вновь потянулся за шишками, внимательно следя за тем, откуда придет боль. Вот он коснулся цветка, отодвинул мягкий, морщинистый лист, и тут неприметный колючий страж опять вонзил ему в руку свои шипы...

Но на этот раз Комаров только поморщился. Он подполз под куст, осторожно отделил стебель крапивы и смелым движением вырвал его из земли. Колючки разом смялись под сильной хваткой и уже не смогли впиться в кожу. Это было настоящее открытие, и теперь Комаров легко овладел шишками. Но все три не поместились у него в кулаке, и он схоронил одну шишку под лопухом. Размахивая крапивой, он побрел вверх по улице.

Ноги его разъезжались в песке, к тому же путь ему преграждали большие округлые валуны, впечатанные в песок. Комарову пришлось оглянуть каждый валун. Когда же он попытался пройти по гладкой поверхности камня, то немедленно поскользнулся. Комаров никому не давал спуску; он остановился и основательно выскек камень крапивой. Не успел он закончить экзекуцию, как где-то наверху с отчаянным разливом промычал теленок. Комаров замер, затем, помогая себе руками, изо всех сил устремился вперед.

Примерно на половине подъема находился широкий уступ, справа он вдавался в сосняк, образуя небольшую поляну. Там пасся теленок, привязанный к осиновому пеньку.

Хотя Комарову было столько же лет, сколько теленку месяцам, они могли считаться ровесниками. Но теленок знал, кто такой Комаров, а Комаров не знал, кто такой теленок. Бычок смотрел на мальчика кротко и равнодушно, Комаров смотрел на бычка с изумлением, готовым перейти в пылкую любовь.

— Ты кто такой? — спросил Комаров.

Теленок молчал, шевеля мягкими губами и перекатывая во рту жвачку. Тогда Комаров ответил сам себе:

— Ты большая собака.

Он протянул руку, чтобы погладить «большую собаку», но теленку не хотелось, чтобы его гладили, а быть может, его испугал стебель крапивы в руке Комарова, напомнивший ему хворостину, какой хозяйка загоняла его во двор. Он попытался, натянув веревку, затем скакнул в сторону.

— Чего ты? — укоризненно сказал Комаров и шагнул к теленку.

Но тому надоело отступать, он опустил лобастую голову с мокрым от вечерней росы завитком и двумя шерстистыми вздутиями на месте будущих рожек, вытянул шею и с угрожающим видом двинулся на Комарова.

Лицо мальчика страдальчески скривилось, он совсем не хотел ссориться. Но было что-то в характере этого человека, что не позволяло ему отступать перед опасностью. Он тоже выставил вперед голову с двумя светлыми буграми на чистом высоком лбу, зажмурил глаза и прежде, нежели я успел вмешаться, кинулся на теленка лоб в лоб. Теленок не принял боя. Валко оступившись на своих прямых шатких ножках, он повернулся и кинулся прочь. Комаров с победным криком припустил вдогонку.

Веревка позволяла теленку бегать только по кругу, он бежал куда резвее Комарова и потому на втором круге увидел вдруг прямо перед собой спину своего преследователя. Ко-

маров был в этот миг беззащитен, но теленок, вместо того, чтобы использовать свое преимущество, окончательно пал духом и отказался бороться с противником, который мог одновременно преследовать его и сзади и спереди. Он понуро остановился, вздохнул глубоко и печально, как умеют вздыхать лишь взрослые коровы, и, прилепив губой длинную былинку, стал ждать решения своей участи.

Комарову пришлось проскакать целый круг, прежде чем он обнаружил, что враг приведен в покорность. Тогда он смело приблизился к теленку, похлопал его ладошкой по взмохшему боку, погладил его твердый, как камень, лоб, глаза под жесткими, вздрагивающими ресничками, мягкий, резиновый нос.

Теленок терпел все нежности победителя и только вздыхал.

— Что, боишься? — спросил Комаров, но этим ограничился его месть, он даже добавил в утешение и поучение теленку: — Я тебя боялся, а теперь не боюсь. — Он хитро прищурился. — А ты не большая собака. Не-ет! Ты маленькая коровка!

— Му-у! — печально отозвался теленок, заверяя Комарова, что он никогда больше не будет притворяться строптивым.

— До свиданья, — сказал Комаров.

Он снова вышел на дорогу и вдруг замер, чуть шатнувшись назад, будто наскочил на невидимую преграду. Я сразу понял, что поразило Комарова: он ненароком оказался лицом к подножию склона, где в бесконечной глубине бесшумно и грозно пеннелся прибой.

Зеленый коридор улицы острой стрелой летел в море. Сладкое, щемящее чувство высоты, пространства и полета пронзило мальчика. Он замахал руками, запрыгал, потом стал выкрикивать какие-то непонятные, как в детской считалке, слова, наконец, запел без слов и мелодии...

И вдруг песня смолкла: словно бессильный вместить всю мощь впечатлений, Комаров повернулся и быстро заковылял прочь...

Лягушка, перескочившая ему дорогу, вернула Комарова к милой земной привычности. Он побежал за лягушкой и догнал ее у самой обочины. Когда тень мальчика накрыла лягушку, она замерла, выгнув спинку. Комаров схватил ее и повернул на спинку, стал рассматривать бледное брюшко. Он рассматривал долго, тыкая пальцем в упругую пленку. Верно, он искал комочек вара и стальной рычажок, с помощью которого скачет игрушечная лягушка. Но у этой живот был совсем гладкий, и Комаров задумался. Панама сползла ему на нос, но он не замечал этого, поглощенный новой загадкой жизни. Он чуть сжимал и разжимал ладонь и как будто к чему-то прислушивался. Лягушка не двигалась, ее длинные сухие ножки торчали из кулака мальчика двумя хворостинками, но, верно, все же его руке сообщил трепет жизни маленького тела.

— Живая! — засмеялся он и затем предложил с лукаво-восторженным выражением: — Давай водиться, а? Я тебя выпущу потом...

Лягушка не возражала и осталась в кулаке Комарова.

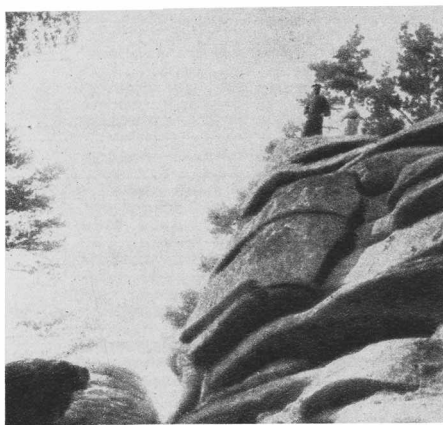
Теперь Комаров взглядом опытного следопыта обозрел окрестный мир. На высоком песчаном срезе обнажились корни сосен, тонкие корневые волоски шевелились на ветру, извивались, пуская струйки песка, и, конечно же, Комарову потребовалось выяснить, живые они или только притворяются, играют в одушевленную, самостоятельную жизнь. Вот он уже шагнул к песчаному срезу, но ему не суждено было провести это последнее исследование.

Со всех сторон, замыкая беглеца в железный круг, двигалась облава. Ведомые воспитательницей, шли ее младшие помощницы, нянечки, судомойки в белых фартуках, медсестра с красным крестом на рукаве и старик-сторож в валенках.

— Вот он! — послышался крик, и с этим криком кончилась свобода Комарова.

Комаров не понимал, чего шумят все эти люди, чего так жалобно причитают. Он ощущал себя сильным и богатым, он хотел, чтобы всем было хорошо. И когда воспитательница приблизилась к нему, он широким, великодушным движением протянул ей всю свою добычу: стебель крапивы, две зеленые шишки и еще живую лягушку.

«КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ»



Одна из скал «Каменных палаток».
Фото Р. Рубель.

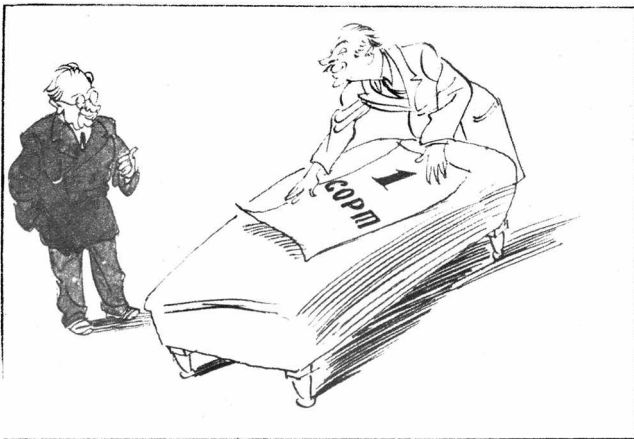
На окраине Свердловска, неподалеку от студенческого городка, есть место, которое свердловчане называют «Каменными палатками». Расположенные здесь гранитные матрацевидные плиты действительно напоминают палатки. Геологи считают, что это результат выветривания горных пород.

«Каменные палатки» связаны с революционной историей города. В годы царизма здесь был глухой лес, в котором рабочие Екатеринбурга устраивали сходки. Осенью 1905 года на этих сходках выступал Яков Михайлович Свердлов.

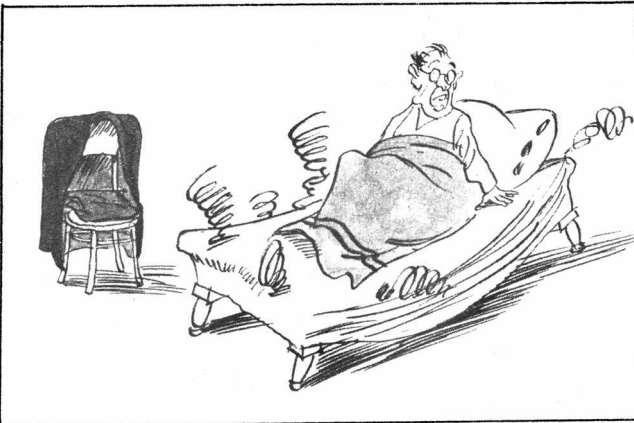
В наши дни «Каменные палатки» — любимое место отдыха трудящихся Свердловска.

Н. РОЗИНА

Рисунок Ю. Черепанова.



Мягко стелет...



...да жестко спать.

Овощи - лекарства



Проф. Н. В. Сабуров на опытном участке.

Обогатить овощи необходимыми для человеческого организма веществами — весьма заманчивая проблема. Практическое ее разрешение намного улучшило бы не только питание, но и лечение людей.

Недавно в Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева успешно закончены опыты по усилению лечебных свойств овощей. С этой целью применялись многократные подкормки растений растворами. В результате содержание йода в салате и шпинате увеличено в три-четыре раза, а железа в шпинате — в шесть раз. Характерно, что вкусовые качества этих овощей не изменились. Только редис, обогащенный йодом, слегка утратил свою обычную горечь.

Важно отметить, что лечебные вещества, воспринятые съедобными растениями, легче всего в таком виде усваиваются человеческим организмом.

Под руководством профессора Н. В. Сабурова и агронома Е. П. Широкова продолжаются опыты по обогащению овощных культур лечебными веществами.

П. ЧУМАК

В этом номере на вкладки: репродукции картин Б. В. Иогансона «Допрос коммунистов» и «Портрет народного артиста СССР В. И. Немировича-Данченко», В. Е. Маковского «Не пушу» и «Две дочери» и четыре страницы цветных фотографий.

Из почты «Огонька»

Чужой беде не смейся...

Отбежавшая от меня Вьюга — молодая, горячая лайка — упорно не возвращалась, продолжая залихватисто и злобно лаять в отдалении. По голосу можно было предположить, что она нашла белку.

Короткий сентябрьский день кончался, снаряжение и дичь оттащили плечи, но делать было нечего, приходилось идти за собакой.

Я повесил глухарей на сук приметной кедровой сосны и налегке поспешил к своему помощнику.

Положение белочки объясняло зазор моей Вьюги. Собака настигла ее на невысокой сосенке, одиноко росшей в десятке метров от опушки. Зверек забрался в редкую верхинку и там замер, прижавшись к стволу. Вьюга не спускала с него блестящих, как у кошки, глаз и оглушительно лаяла. Она не взглянула на хозяина. Зато белка, заметив новую беду, еще больше затаилась.

Мне захотелось поймать ее живой. Снял ружье, я полез на дерево.

Лишь только я появился на нижнем суку, белка влезла на самый верх сосны и повисла там, раскачиваясь на тоненьком побеге. Дальше отступать было некуда!

Теперь белка была у меня над самой головой. Я осторожно протянул к ней руку. Внизу бесновалась Вьюга: она прыгала, припадала на передние лапы, выжидательно задрал морду, и лаяла еще звонче прежнего.

Бедная белочка! Перепуганная насмерть, она не смела двинуться, только ее черные глазки неотступно следили за мной приближением. Под деревом — ослепленная пасть и сверкающие зеленым огнем глаза зверя с вставшей дыбом шерстью. Возле — протягивающаяся рука и пара не менее пугающих глаз, поблескивающих стеклами очков...

Человек оказался страшнее собачьих клыков. Белка внезапно отделилась от спружинившей ветки и сделала отчаянный прыжок. В смертельном страхе зверек все же не растерялся: прыгнул в сторону, противоположную той, где была собака.

— Эх, глупышка, — подсадовал я, — теперь от тебя ключья полетят, — и стал с дерева окликать собаку, вполне понимая тщету этой попытки спасти белку.

Однако развязка оказалась неожиданной для всех трех участников этой сцены. Спланировав, ослепленная белка кубарем покатила по земле, но мигом оправилась и бросилась к опушке. Зверек делал метр-ровые прыжки.

Вьюга с визгом бросилась за ней, но какую-то долю секунды она все же промедлила, очевидно, от неожиданности. Это мгновение спасло белку: в момент, когда Вьюга ее настигала, белка последним броском уцепилась за ствол ближайшего дерева и, как подброшенная, вскарабкалась по нему наверх. Страшные челюсти лязгнули рядом с ней.

Добыча ускользнула! Вьюга залилась отчаянным лаем. Потом растерянно забегала вокруг дерева, огорченно скуля и повизгивая. Я от души расхохотался и,

спустившись, взял ее на сворку.

— Эх ты, проворонила! — стыдил я ее по дороге к кедру. — Белочка в зубах была, а ты прозвела...

Вьюга пристыженно шла у ноги, опустив голову.

Но вот и нужная кедровая сосна. «Фу ты, пропасть! Где же глухари? Неужели ошибся деревом? Ах, черт возьми! Надо было затески сделать...»

Вьюга вдруг ошетинилась

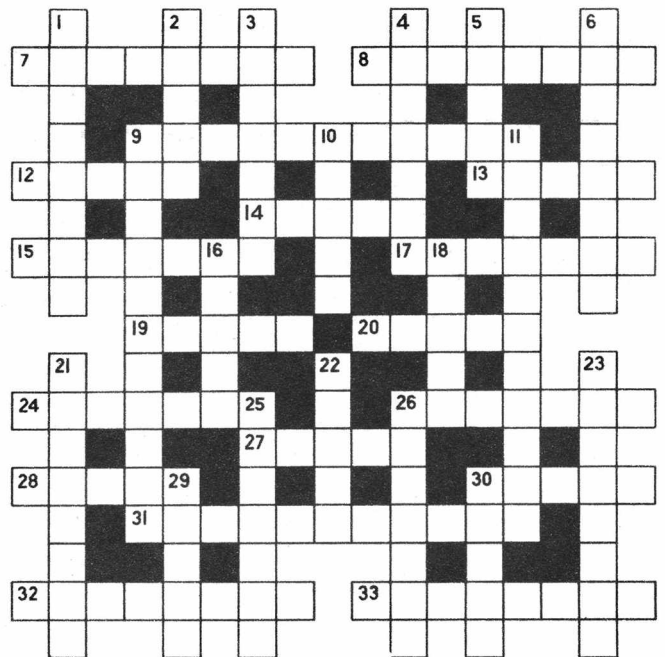
и негромко, осторожно зарычала. Нагнувшись, я заметил на мшистой почке круглый отпечаток когтистой лапы. Лес огласился залпом проклятий вдовонку бурому разбойнику.

Собака, смолкнув, глядела на меня. Интересно: что хотелось ей сказать хозяину на своем песьем языке?

О. ВОЛКОВ

с. Ярцево, Красноярский край.

КРОССВОРД



По горизонтали:

7. Тугоплавкий металл. 8. Работник искусства. 9. Автор статей на злободневную тему. 12. Начало спортивного состязания. 13. Народный артист СССР. 14. Часть текста. 15. Показатель, примета. 17. Музыкальное произведение. 19. Обезьяна. 20. Винт. 24. Персонаж драмы А. Н. Островского «Гроза». 26. Небольшой вооруженный отряд. 27. Хищный пушной зверек. 28. Французский драматург. 30. Лодка. 31. Прибор для накопления электричества. 32. Минерал красного цвета. 33. Оптический прибор.

По вертикали:

1. Картина В. М. Васнецова. 2. Способ печати. 3. Французский писатель-реалист. 4. Город в Пензенской области. 5. Дорога. 6. Огнестрельное оружие. 9. Специальность рабочего. 10. Незаконченная поэма А. С. Пушкина. 11. Чертежный прибор. 16. Действующее лицо в романе В. Ладина «К новому берегу». 18. Рыболовная снасть. 21. Окаменевшая масса изверженных горных пород. 22. Метель. 23. Электрический проводник, по которому ток поступает в жидкости и газы. 25. Река на крайнем Севере. 26. Ограда, перила. 29. Стебель некоторых растений. 30. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

7. Аргмак. 8. Токарев. 11. Гиппотам. 12. Кукрыниксы. 14. Бийск. 15. Возренье. 16. Рошин. 19. Стрелок. 22. Козодой. 23. Пароход. 24. Свидетельство. 28. Принцип. 30. Пароля. 31. Скрепер. 34. Галка. 35. Кооптация. 36. Серов. 39. Координата. 40. Прилежание. 41. Ляпунов. 42. Аджария.

По вертикали:

1. Тропосфера. 2. Рампа. 3. Бастион. 4. «Москвич». 5. Нарын. 6. Мелитополь. 9. Министр. 10. Эскимос. 13. Драгоценность. 17. Возвращение. 18. Боровинка. 20. Кафедра. 21. Горький. 25. Проскурняк. 26. Пререкание. 27. Казаков. 29. Керосин. 32. Доватор. 33. Цилиндр. 37. Титул. 38. Декан.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ [зам. главного редактора], А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН [зам. главного редактора], Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04117. Подп. к печ. 15/IX 1953 г. Формат бум. 70 × 108%. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 709. Заказ 2100. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



Озеро Айгер-лич, Армянская ССР.

Фото А. Кочара.

1953

1953

СЕНТЯБРЬ

30

СРЕДА

В МОСКВЕ
состоится 35-й основной и
6-й дополнительный тиражи
выигрышей Государственного
3% внутреннего выигрышного
займа

ПО ОБЛИГАЦИЯМ
3% ВЫИГРЫШНОГО
ЗАЙМА
МОЖНО ВЫИГРАТЬ
от 400 до 100 000 рублей



**Облигации Государственного 3% внутреннего выигрышного займа
продаются и свободно покупаются сберегательными кассами
ПРИБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ ЭТОГО ЗАЙМА!**